

© *Петербургское библиотечное общество, 2015*

УЧРЕДИТЕЛЬ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ
БИБЛИОТЕЧНОЕ ОБЩЕСТВО
191025 С.-Петербург,
наб. р. Фонтанки, 46
тел. (812) 575 70 66
pbo@pl.spb.ru

Регистрационный № П 1360 ФГУ
“Северо-Западное окружное
Межрегиональное ТУ МПТР России”
от 03 марта 1995 г.

При перепечатке материалов ссылка на
журнал “Петербургская библиотечная
школа” обязательна

Издательский отдел Библиотеки Российской АН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., 1)

Отпечатано в ООП Библиотеки Российской АН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., 1)

Тираж 100 экз. Зак. № 87

Номер подписан в печать 30.07.2015 г.

Страницы истории

- В.С. Соболев.** Великий князь Константин Константинович — президент императорской Санкт-Петербургской Академии наук (к 100-летию со дня смерти)..... 3
- Н.М. Баженова.** Анонимность как вызов военного времени: труды ученых Академии наук СССР блокадного периода 8
- Г.В. Жирков.** Ровесница БАН в ее фондах: «Книга Марсова» — книга о боевой славе России13

Научные исследования

- Ю.А. Дунаева.** Какими книгами из Академической библиотеки руководствовались составители зоологического раздела первого печатного каталога Кунсткамеры?20
- К.А. Жуков.** «Не знаю, кто ты, пророче рогатый...» (о смысле данного поэтического обращения Феофана Прокоповича к Антиоху Кантемиру)25

История библиотек

- Н.Ю. Болотина.** Сохраненная коллекция: из истории библиотеки академика Г.Ф. Миллера30
- П.В. Пичугин.** О проблеме сохранности библиотечного фонда на примере библиотеки Троицкой лаврской духовной семинарии (конец XVIII — начало XIX вв.)36

Президент ПБО

Чалова З.В.

Главный редактор

Леонов В.П.

Редакционная коллегия

Басов С.А.

Колтакова Н.В.

Рудая З.А.

Холмогорова О.В.

Юдахина О.Г.

Технический редактор

Томшина М.В.

Люди и книги

Т.И. Виноградова. Академик
В.М. Алексеев — читатель библиотеки
Академии наук: по материалам
Синологической картотеки
В.М. Алексеева.....42

Н.Н. Елкина. Российская Академия
наук и Академическая библиотека:
кросс-культурные научные связи
двух славянских культур.....46

П.П. Лаврук. «...Я и Россия,
мы никогда не забудем
ваши заслуги».....58

Коллеги

А.Г. Акулов, Е.Л. Гурьева.
Кира Ростиславовна Акулова
(Никитина) (1937–2006).....65

**Н.В. Бекжанова, В.Б. Лазуркина,
И.Н. Комарова.** Татьяна Васильевна
Науменко (1947–2006).....70

Библиотечные технологии

М.П. Подвигина. Автоматизация
и новые технологии в процессах
информационно-библиотечного
обслуживания отдела фондов и
обслуживания: от телетайпа
до электронной почты.....76

Информация

Научные чтения: «Августейший
президент Императорской
академии наук».....83

Т.И. Новикова. Пегас на берегах
Невы.....84

Т.В. Кульматова. Фестиваль
«Поэзия улиц – 2015».....89

УДК 929
ББК 63.3(2)51г

**ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ –
ПРЕЗИДЕНТ ИМПЕРАТОРСКОЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК
(к 100-летию со дня смерти)**

Владимир Семёнович Соболев,
*доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН*

199034, Санкт-Петербург, ВО, Университетская наб., д. 5
e-mail: Vlad_history@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Рассматриваются основные вехи жизненного и творческого пути Константина Константиновича Романова. Большое внимание уделено всем сферам его многогранной подвизнической деятельности. Показано состояние дел в Академии наук за время его президентства с 1889 по 1915 год. Сделан вывод о вкладе Константина Константиновича в развитие отечественной науки на рубеже веков.

Ключевые слова: *Великий князь Константин Константинович, президент Академии наук, ученый с мировым именем, университетский профессор, научные общества, увеличение ассигнований, новые штаты Академии наук, министр просвещения, жалование, научные экспедиции.*

Великий князь Константин Константинович, двоюродный дядя последнего российского императора Николая II, более четверти века, с 1889 по 1915 год, возглавлял Императорскую Санкт-Петербургскую Академию наук. Указом императора Александра III от 3 мая 1889 года Константин Константинович был назначен двенадцатым по счету президентом Академии с момента ее основания в 1725 году.

В этот период истории в пореформенной России стали появляться ростки новых общественных отношений. Все явственнее ощущались приметы движения страны по капиталистическому пути. Однако поступательный ход развития России в существенной степени затруднялся консервативной политикой, которую проводило царское правительство.

Константин Константинович, сын великого князя Константина Николаевича, второго сына императора Николая I, родился 10 августа 1858 года в Стрельне под Петербургом.

Многое в Константине Константиновиче было не очень характерным для представителей царствующего дома. С юношеских лет он увлекался поэзией, театром, музыкой. В 1879 году началась его самостоятельная творческая деятельность — он начал писать стихи. В августе 1882 г. было опубликовано первое его стихотворение «Псалмопевец Давид», подписанное псевдонимом «К.Р.». Поэтическое дарование Константина Константиновича продолжало развиваться. Кроме того, он стал заниматься еще и переводами произведений иностранных поэтов. В 1886 году вышел в свет первый сборник его стихов¹ в ограниченном количестве.

стве экземпляров, в продажу не поступал и был известен узкому кругу лиц, приближенных к императорской фамилии. В это же время Константин Константинович сблизился с такими известными деятелями отечественной культуры и науки, как поэты А.А. Фет, А.Н. Майков и Я.П. Полонский, писатель И.А. Гончаров, критик Н.Н. Страхов, экономист, академик В.П. Безобразов. В конце 1887 года великий князь был удостоен звания почетного члена Императорской Академии наук. В январе 1900 г. был избран почетным академиком по Разряду изящной словесности.

С мая 1889 года, занимая пост президента Академии наук, Константин Константинович одновременно с 1891 по 1900 г. являлся командиром Преображенского полка. Главным начальником военно-учебных заведений империи с 1900 по 1910 г. Генеральным инспектором военно-учебных заведений с 1910 года до своей кончины.

Великий князь был также председателем, попечителем, почетным членом десятков обществ, комитетов, комиссий, учебных заведений в основном гуманитарного профиля.

В пореформенные годы Академия наук утратила многие позиции, которые были завоеваны и удерживались ею в XVIII — первой половине XIX века. Академия, по существу, превратилась в небольшое, замкнутое учреждение и не могла отвечать решению задач, поставленных временем. Ослабли плодотворные прежние связи с университетами и научными обществами, стала незначительной ее роль в экономической и культурной жизни России.

Именно в это время наука высокими темпами стала развиваться в университетах, звание университетского профессора стало цениться общественностью наравне со званием академика, да и материальное положение университетской профессуры в эти годы оказалось лучше, чем у членов Академии наук.

Великому князю Константину Константиновичу стало ясно, что основной

причиной тяжелого положения, в котором оказалась Академия наук к концу 80-х годов XIX века, явилось крайне скудное финансирование академической науки государством. Соответственно этому определилось и главное направление будущей деятельности президента — добиваться существенного улучшения финансирования Академии.

Анализ документов ряда фондов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН свидетельствует о том, что на решение этого основного вопроса организации российской науки уходило много сил и энергии президента на протяжении всей его службы в Академии. Проблема же заключалась в том, что к началу 1890-х годов Академия продолжала получать мизерные ежегодные бюджетные ассигнования, предусмотренные еще Уставом 1836 года, — они составляли 239 400 рублей².

Правда, была еще одна возможность получения денег на научную работу, для этого необходимо было всякий раз, когда возникала острая необходимость, направлять аргументированное ходатайство в Министерство народного просвещения. Так, в 1894 году президентом АН было направлено всего пять ходатайств, из них четыре были удовлетворены, а по одному было отказано. Например, было ассигновано 6 000 рублей «на ремонт и реорганизацию физического кабинета» или было отпущено 600 рублей «по командировке академика Радлова за границу», а вот «в отпуске» 3 000 рублей на развитие теоретической астрономии было отказано³.

Последовали долгие месяцы настойчивой и кропотливой работы президента и других руководителей Академии по «выбиванию» денег, на что указывает внимательное изучение записок, писем, проектов, направляемых в вышестоящие инстанции. Однако в конечном результате исследователю не удалось получить полного и однозначного ответа на вопрос: каковы же были главные причины столь медленного течения дел?!

В документах довольно часто встречаются ссылки на бедность государствен-

ного бюджета, они давались примерно в следующих выражениях: «затруднительное финансовое положение настоящей минуты», «известное состояние Государственной кассы», «слабое поступление государственных доходов», «не допущение дефицита в государственном бюджете» и т.п.

Другим фактором медленного хода дел являлась существующая и доведенная до абсолюта иерархия бюрократических норм.

Высокое общественное положение президента, его растущий авторитет среди членов императорской фамилии были одними из главных условий того, что решение давно назревших проблем развития академической науки удалось сдвинуть с мертвой точки, и началось последовательное улучшение положения дел в Академии наук.

8 апреля 1893 года состоялось заседание соединенных департаментов Экономии и Законов Государственного совета, где рассматривался вопрос о новых штатах Академии и увеличении ассигнований на нее. Константин Константинович принимал участие в этом заседании, но доклад делал по существующему положению министр просвещения И.Д. Делянов. В результате довольно оживленного обсуждения было решено новый штат Академии утвердить, тем самым ежегодный бюджет ее был увеличен на 53 563 рубля (в последний момент законодатели все-таки сумели «скостить» некоторую часть денег и дали на 16 тысяч рублей меньше просимой суммы)⁴. Это была первая крупная победа Академии на финансовом фронте во второй половине XIX века. В этот же день вице-президент АН Я.К. Грот направил Константину Константиновичу восторженное письмо, в котором поздравил с «благополучным исходом нашего дела в Государственном совете»⁵.

Новое штатное расписание было утверждено Александром III в июне 1893 года. В соответствии с ним с 1 января 1894 года предусматривалось следующее

ежегодное жалование ученым: ординарному академику — 4 200 рублей (в том числе жалование — 2 400, квартирные — 600, за звание — 1 200); экстраординарному академику — 3 000 рублей (в том числе жалование — 1 500, квартирные — 500, за звание — 1 000).

Содержание президента предполагалось «по особому высочайшему назначению», а вице-президент и непременный секретарь стали получать ежегодное жалование по 1 500 и 1 200 рублей соответственно (надо иметь в виду, что эти должности замещались только академиками и, следовательно, это являлось доплатой к получаемому ими академическому жалованию). Сбылось еще одно давнишнее чаяние академических ученых: в отношении пенсий и единовременных пособий их уравнивали в правах с профессорами университетов. Было улучшено материальное положение других научных и научно-технических сотрудников АН⁶.

Для нас представляет интерес жалование, которое получал сам президент. Приведенный нами выборочный просмотр требовательных ведомостей на выдачу жалования руководящему составу АН за 1900, 1902, 1905, 1907 и 1914 годы дает все основания для вывода о том, что Константин Константинович ежегодно получал только «столовые деньги» в размере от 927 рублей 60 копеек до 1 008 рублей 75 копеек, то есть за время президентства он не получал денег ни по должности, ни «квартирных», ни «добавочных»⁷.

Если учесть, что в царской России не существовало ограничений для получения зарплаты за работу «по совместительству», то можно предположить, что Константин Константинович сам отказывался от получения полной зарплаты в АН, считая это неудобным или незаслуженным.

Утвержденное в 1893 году штатное расписание АН просуществовало почти 20 лет. С июля 1912 года вступило в действие новое штатное расписание, утвержденное императором Николаем II. Этому

событию также предшествовала нелегкая и длительная деятельность Константина Константиновича и других руководителей АН по подготовке, согласованию, «проталкиванию» столь необходимого увеличения бюджетных ассигнований для науки и ее работников. После долгих усилий проект закона об этом был, наконец, вынесен 22 июня 1912 года на заседание Государственного совета. По болезни Константин Константинович не смог быть на заседании, но там присутствовали вице-президент и неперменный секретарь. Утверждение закона вызвало взрыв радостных эмоций у ближайших сподвижников президента, немедленно выраженный в следующей телеграмме, направленной патрону, находившемуся в это время в Павловске: «Прямо из Государственного совета. Законопроект прошел. 66, против 25. Ольденбург»⁸.

Согласно новому закону, ежегодные ассигнования Академии были увеличены до 1 997 159 рублей, было увеличено число штатных единиц работников среднего звена, и общий штат АН стал составлять 153 человека. Решение Государственного совета принималось в то время, когда все члены АН находились в летних отпусках, поэтому радостная новость была доложена Общему собранию на первом после летнего перерыва заседании — 2 сентября. В этот день Общим собранием было единогласно принято решение выразить Константину Константиновичу «глубокую признательность» за введение закона о новых штатах АН⁹.

Закона, вступивший в действие в июле 1912 года предусматривал, что очень важно, прибавку к жалованью академических сотрудников среднего и нижнего звена — ассистентов, хранителей фондов, лаборантов и т.д. Зарплата всех руководителей АН, как и зарплата академиков, осталась на уровне 1894 года¹⁰. Это можно объяснить только высокой гражданской и этической позицией тогдашних организаторов академической науки и ведущих ученых, интересы науки для которых были превыше всего.

За период президентства Константина Константиновича были организованы новые важные академические структуры и учреждения: Русский Археологический институт в Константинополе (1894 г.), Разряд Изыщной словесности (1899 г.), Пушкинский Дом (1907 г.) и др. Проведена модернизация оборудования Главной физической лаборатории, Пулковской астрономической обсерватории, Академической типографии. В 1910 году удалось добиться правительственных ассигнований в размере 1 млн 100 тысяч рублей на строительство нового здания Библиотеки Академии наук.

С именем великого князя Константина Константиновича тесным образом связаны организация и проведение ряда научных экспедиций, имевших огромное научное и практическое значение, большой международный резонанс.

Прежде всего, следует вспомнить Шпицбергенскую экспедицию по градусному измерению, на проведение которой удалось получить ассигнования в размере 210 тысяч рублей. В мае 1899 года суда «Бакан» и «Ледокол-2» отправились в экспедицию к острову Шпицберген.

Современники считали экспедицию на Шпицберген «важнейшим научным предприятием, ознаменовавшим академическую жизнь за 1899 год», и «едва ли не самой крупной в XIX столетии экспедицией» подобного характера¹¹.

180 тысяч рублей были получены от правительства Академией наук на проведение Русской полярной экспедиции. Возглавил ее талантливый исследователь Арктики Эдуард Васильевич Толь. В апреле 1900 года экспедиция отправилась к Новосибирским островам на парусномоторной шхуне «Заря». Во время плавания «Зари» и особенно во время зимовок шхуны у северо-западного берега полуострова Таймыр и у западного берега острова Котельный был выполнен комплекс очень важных для науки гидрографических, физико-географических и геологических исследований.

Академические учреждения гуманитарного профиля проводили многогранную работу по пропаганде научных знаний, продолжали развивать глубокие просвещенческие традиции. К 1910 году Библиотекой Академии наук ежегодно выдавалось для работы на дом более 15 000 томов, ежегодная посещаемость Зоологического музея составляла более 120 000 человек, Музея антропологии и этнографии — более 20 000 человек.

Академия, помимо публикации научных трудов, осуществляла издание книг, имевших общекультурное значение: «Академической библиотеки русских писателей», полного собрания сочинений А.С. Пушкина и др.

За годы президентства Великого князя Константина Константиновича качественно улучшился личный состав Академии наук — она пополнилась 69 учеными, среди которых были ученые с мировыми именами: минералог В.И. Вернадский, физиолог И.П. Павлов, химик Н.С. Курнаков, ботаник И.П. Бородин.

Академические ученые добились больших успехов во многих отраслях науки: в математике — А.М. Ляпунов и В.А. Стеклов; в физике — Б.Б. Голицын и Н.А. Рыкачев; в астрономии — Ф.А. Бредихин и А.А. Белопольский; в гуманитарных науках — А.С. Лаппо-Данилевский, А.А. Шахматов, В.О. Ключевский.

С середины 1890-х годов укреплялись связи Академии наук с университетами: Петербургским, Московским, Киевским, Казанским, Харьковским, Дерптским; стали постоянными контакты с научными обществами: Географическим, Минералогическим, Техническим, Историческим; постоянно росло число корреспондентов Академии в российской провинции.

Имеются самые веские основания считать, что успехи и достижения академической науки на рубеже XIX–XX столетий тесным образом связаны с именем президента Академии наук, великого князя Константина Константиновича. Он был награжден всеми орденами Рос-

сийской империи и 28 орденами других государств¹².

Великий князь Константин Константинович возглавлял Санкт-Петербургскую Академию наук до своей кончины, последовавшей 2 июня 1915 года в Павловске. Он был похоронен в Петербурге в Великокняжеской усыпальнице Петропавловской крепости.

Несмотря на тяжелое военное время, российская пресса с вниманием отнеслась к этому событию, отдав дань памяти президента Академии наук.

Нам удалось установить, что некрологи и соответствующие статьи были опубликованы девятью петербургскими и четырьмя московскими газетами.

Общее собрание АН, посвященное памяти августейшего президента, состоялось 2 декабря 1915 года, «в полугодовой день кончины», в Малом конференц-зале Академии. Были прочитаны две речи: непрременным секретарем АН С.Ф. Ольденбургом «Президент Императорской Академии наук великий князь Константин Константинович» и почетным академиком А.Ф. Кони «Почетный академик К.Р.».

Сергей Федорович напомнил собравшимся слова, которые произнес Константин Константинович в мае 1889 года, вступая в должность президента: «Я твердо намерен, с Божьею помощью и по мере сил, всегда быть верным своему долгу», и подчеркнул, что «редко кому дано было в полной мере исполнить свой долг, как это выпало на долю великого князя».

Следующим президентом Академии наук стал академик А.П. Карпинский, избранный на этот пост на Общем собрании Академии в мае 1917 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Стихотворения К.Р. — СПб., 1886. — 227 с.

² Уставы Академии наук СССР. — М., 1974. — С. 117–119.

³ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (Далее СПФ АРАН). Р–IV. Оп. 6. Д. 11. Л. 4.

⁴ Российский государственный Исторический Архив (РГИА). Ф. 1152. Оп. 11–1893. Д. 164. Л. 56–58.

⁵ СПФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 6. Л. 33.

⁶ Там же. Л. 29–31.

⁷ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 11–П. Д. 13–15, 18, 20.

⁸ СПФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 35. Л. 49.

⁹ Там же. Л. 69.

¹⁰ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 11–П. Д. 27.

¹¹ Отчет о деятельности Императорской Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям. — СПб., 1900. — С. 32.

¹² См.: Формулярный список о службе Августейшего Президента Академии наук великого князя Константина Константиновича (СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 79/1271–1324. Л. 50–93).

УДК 001.89

ББК 63.3(2)622.78

**АНОНИМНОСТЬ КАК ВЫЗОВ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ:
ТРУДЫ УЧЕНЫХ АКАДЕМИИ НАУК СССР
БЛОКАДНОГО ПЕРИОДА**

Наталья Михайловна Баженова,

кандидат филологических наук, заведующий

Научно-исследовательским отделом изданий Академии наук

Библиотека Российской академии наук

199034, Санкт-Петербург, В.О., Биржевая л., д. 1

e-mail: n_bagenova@inbox.ru

АННОТАЦИЯ

Автором исследован не изученный никем ранее феномен отказа ученых, работавших в условиях блокадного Ленинграда, от закрепления своего научного приоритета. Исследование проведено при подготовке к печати рукописи «Библиография изданий Академии наук СССР» за 1941–1943 гг., хранящейся в фонде Научно-исследовательского отдела изданий Академии наук Библиотеки Российской академии наук. Приведены примеры служения науке с риском для жизни сотрудников Пулковской обсерватории. Сформулирован вывод о влиянии специфических военных условий на появление анонимности в авторстве научных трудов.

Ключевые слова: *блокада Ленинграда, академические ученые, военное время, сокращение тиражей, публикация научных трудов, Издательство АН СССР, общественное достояние, анонимность, Библиография изданий АН СССР.*

История блокады Ленинграда 1941–1944 гг. имеет множество аспектов. Одним из них является освещение деятельности ученых Академии наук, по тем или иным причинам не уехавших в эвакуацию. Именно с работой этих ученых, оставшихся в Ленинграде, в значительной мере связана, на наш взгляд, проблема

анонимности академических трудов периода блокады. В таком ракурсе позволяет увидеть академическую деятельность материал протоколов заседаний Комиссии по делам ленинградских учреждений, относящихся к блокадному периоду и хранящихся в Санкт-Петербургском филиале Архива Академии наук.

Связь ученого с его именем лежит не только в плоскости обычных человеческих отношений — для ученого его имя означает нечто значительно более важное, чем для любого другого человека, так как с ним связана своего рода оценка его личного вклада в разработку научной проблематики, научный приоритет в разработке той или иной тематики, авторитет среди коллег в научной сфере и т.д. Поэтому в науке привычной стала практика своего рода конкуренции имен. Тем более что в большинстве случаев (особенно в сфере гуманитарных наук) результат достижений ученого фиксируется только в публикации под его именем. Изученные нами архивные материалы о деятельности академических ученых в период блокады Ленинграда позволяют говорить об ослаблении связей между ученым и его именем.

Впервые с фактом отказа ученых военного времени от закрепления своего научного приоритета автору данной статьи пришлось столкнуться во время подготовки к печати рукописи «Библиография изданий Академии наук СССР» за 1941–1943 гг., которая хранится в фонде Научно-исследовательского отдела изданий Академии наук БАН. В предисловии к рукописи первого тома (за 1941 г.) названы авторы: работа над указателем была осуществлена под руководством К.И. Шафрановского сотрудниками Библиотеки АН СССР Н.М. Нестеровой и Э.П. Файдель. На титульном листе машинописи первого тома стоят выходные данные: Москва, 1944 г. (именно в Москве с осени 1942 до начала 1944 г. находились в эвакуации К.И. Шафрановский и Э.П. Файдель; их соавтор Н.М. Нестерова¹ работала в московском секторе БАН и проживала в Москве постоянно).

Странным представляется тот факт, что указатель изданий АН СССР периода 1941–1943 гг., при всей значимости описанного в нем материала, так и не был завершен и издан. Вопрос о собственном научном приоритете авторов словно и не волновал. При этом условия мирного

времени, казалось бы, должны были способствовать публикации (или хотя бы подготовке к публикации) уже готовой части указателя². Тем не менее из готового указателя были использованы только библиографические принципы его создания. Они стали важным этапом подготовки крупного проекта «Библиография изданий АН СССР»³, первый том которого вышел в 1957 г.

Можно было бы рассматривать это явление как единичное, но оно вполне сопоставимо с данными, которые выясняются при чтении протоколов заседаний Комиссии по делам ленинградских учреждений, руководившей академическими институтами с конца августа 1941 по 10 апреля 1942 г.

Эти материалы дают право связать его с целым рядом фактов из биографий ленинградских ученых времен блокады.

Во время блокады был выполнен ряд фундаментальных исследований по разным научным направлениям. Такие работы не только заслуживали публикации — от этой публикации зависела порой жизнь многих тысяч граждан нашей страны. К числу таких работ относится ценнейшее открытие профессором В.С. Садиковым⁴ сольвентного способа производства дрожжей и метода их комплексного использования в качестве дрожжевого белка в условиях военного времени. Во время блокады это открытие спасло от смерти тысячи ленинградцев. Первое же обсуждение доклада В.С. Садикова на Комиссии по делам ленинградских учреждений, которое состоялось 5.01.1942 г., вызвало бурную реакцию. В решении по этому вопросу сказано, что «тема доклада является крайне актуальной и предложенный новый способ комплексного использования дрожжей может явиться научным открытием, имеющим весьма важное практическое значение, давая возможность замены мясных белков полноценным дрожжевым белком», что «внедрение в пищевую промышленность сольвентного способа Садикова

<...> не должно ограничиться Ленинградом и может иметь общегосударственное значение как в условиях военного, так и в условиях послевоенного времени»⁵. Было решено издать тезисы доклада В.С. Садикова (тиражом 100–200 экз.) и его брошюру «Производство белков, жиров и витаминов как пищевое задание военного времени» (тиражом 500 экз.), а также «обратиться в вышестоящие организации с просьбой разрешить издание книги В. Садикова (в Казани) 10–12 листов: «Химия дрожжей и новый способ их полного комплексного использования» как имеющей большое оборонное и практическое значение»⁶. Тем не менее, публикация книги, подготовленной к печати, очевидно, не состоялась, и имя автора отсутствует в библиографических указателях по блокадной тематике. С известной долей осторожности (учитывая, что помешать публикации могли различные обстоятельства) можно трактовать отсутствие печатной работы по разработанной теме как *фактический отказ от публикации*.

Правда, не всем ученым блокированного Ленинграда предоставлялось право выбора в отношении возможности публикации своих трудов военного времени. У большинства возможность печататься практически исчезла. Блокада внесла существенные изменения в условия научной жизни города. Естественный для мирного времени выпуск научных трудов (монографий, статей) как результат исследовательской работы ученых Ленинграда постепенно сузился. Издательство АН СССР и типография в силу многих причин фактически прекратили свою работу в Ленинграде.

1.09.1941 г. началось сокращение в Издательстве АН СССР⁷. 6.10.1941 г. поставлен вопрос о полной эвакуации оставшихся сотрудников⁸. 14.10.1941 г. все книги, находившиеся в производстве, разбиты на группы, подлежащие печати и матрицированию⁹. 10.11.1941 г. прекращен «до особых указаний прием

рукописей от институтов и сдача рукописей в производство за исключением книг оборонного характера, принимаемых к изданию на основании специальных указаний Президиума в каждом отдельном случае»¹⁰. Приостановлена выплата гонораров¹¹, а освободившиеся средства решено использовать для матрицирования особо важных изданий¹². Один экземпляр заматрицированных в 2 экземплярах изданий решено отдать на хранение в институты, а второй — отправить в Казань. Списки матрицируемых изданий утверждались специальным решением Комиссии по делам ленинградских учреждений¹³. 1.12.1941 г. поставлен вопрос о вывозе из Ленинграда матриц трудов оборонного характера и журналов¹⁴.

Вопрос об эвакуации типографии поставлен на повестку 26.08.1941 г.¹⁵ С 5.09.1941 г. часть сотрудников стала эвакуироваться¹⁶. 29.09.1941 г. часть оставшихся сотрудников была сокращена¹⁷. 10.12.1941 г. в связи с отсутствием электричества деятельность типографии в Ленинграде была «приостановлена»¹⁸. В экстренных случаях типография выполняла работы «ручным способом»¹⁹. Есть сведения и о печати в типографии оборонных материалов (24.12.1941)²⁰.

Таким образом, публикация как мера научного вклада ученого, его ценности как исследователя становилась практически недоступной. Во время блокады тот слой интеллигенции, который был связан именно с научной деятельностью в рамках научно-исследовательских институтов (в частности, в Академии наук), оказался лишенным возможности своевременно заявлять о результатах своего личного исследования. Под вопросом оказался выход в свет даже тех трудов, которые еще до войны были рекомендованы к печати учеными советами институтов.

В этих новых условиях документы Комиссии по делам ленинградских учреждений фиксируют стремление некоторых ученых закрепить приоритет за своим на-

учным именем хотя бы за счет минимизации тиража. Так, 21.11.1941 г. Комиссия рассматривала заявление Н.А. Воскресенского с просьбой «об отпечатании ручным способом 15 экземпляров его работы “Указы Петра I”». Решено «разрешить Лен. изд. АН СССР отпечатать ручным способом работу г. Воскресенского в 4 экземплярах»²¹. Стремление закрепить за собой приоритет хотя бы в минимальном тираже можно условно назвать *отказом от многотиражности публикации*. Интересно, что в 1945 г. вышел из печати составленный Н.А. Воскресенским ценный справочник «Законодательные акты Петра I»²².

Шло время, обстановка в городе быстро ухудшалась. Возникла ситуация, когда у многих ученых стали возникать сомнения в физической возможности когда-либо завершить свой труд и увидеть его напечатанным. Имени автора стала угрожать полная безвестность. Характерно, что перед лицом смертельной опасности отступало обычное для мирных лет научное честолюбие. Сохранились сведения о фактах добровольной передачи своих научных разработок в Комиссию по делам ленинградских учреждений с тем, чтобы новое поколение исследователей могло завершить эти работы после войны. Такую передачу можно в известном смысле трактовать как *отказ от имени*. Например, 22.12.1941 г. в Комиссию поступило заявление профессора П.Ф. Домрачева²³ «с просьбой принять на сохранение в Академию Наук и завершение его историко-биографической работы». Решение Комиссии: «Работу П.Ф. Домрачева передать на хранение в Архив Академии Наук с тем, что в дальнейшем при наличии благоприятных условий поручить ее завершение соответствующим научным сотрудникам АН»²⁴. Сведений о завершении и публикации сданной П.Ф. Домрачевым в Комиссию работы у автора статьи на данный момент не имеется.

Существует еще один вариант решения проблемы взаимоотношения ученого и его имени. При этом варианте имя вооб-

ще не принимается в расчет, потому что речь идет о фактическом отказе от жизни ради науки. Такой жертвенный вариант мы находим в документах Комиссии по делам ленинградских учреждений, связанных с отказом большей части коллектива Пулковской обсерватории (в том числе всех оставшихся в Ленинграде членов ее Ученого совета) от эвакуации. Так, в коллективном «Мнении» Ученого совета Пулковской обсерватории от 6 сентября 1941 г. указывается на нежелательность эвакуации части сотрудников из-за уникальности той работы, которую они выполняют для обороны города и страны именно на широте обсерватории и Ленинграда²⁵. Заставить отказаться от принятого решения ученых не смогли даже жесткие условия блокады. 20 февраля 1942 г. они подтвердили свой выбор: «в связи с эвакуацией Пулковской Обсерватории, в г. Ташкент, для охраны имущества Обсерватории и приведения в порядок дел в Ленинграде оставляются в качестве штатных работников обсерватории следующие сотрудники: Павлов Н.Н., Романская С.В., Безрукова А.Я., Тазуля Д.Ф., Ковальницкая О.Б.»²⁶.

Таким образом, проблема анонимности, анализируемая в связи с деятельностью ученых Академии наук в блокадный период, может рассматриваться в определенной динамике. Наблюдается ослабление связей ученого с именем — вплоть до отказа автора от фиксации результата своего научного труда под собственным именем и перевода этого результата в область общественного достояния. В известной степени этот процесс сродни отказу от известности и переходу к анонимности. Причиной такого перехода служат специфические условия блокады: нарушение системы публикации результатов научного труда, гарантировавшей ученому его (авторское) право на этот результат; разрушение системы жизненно важных условий физического существования ученых, поставивших их на грань жизни и смерти; разрушение в результате пережитой блокады системы

приоритетов, обусловившее перемещение публикации собственного научного результата на более низкую ступень иерархической шкалы ценностей по сравнению с обеспечением жизнедеятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее о Н.М. Нестеровой см.: *Кульматова Т.В.* Н.М. Нестерова — библиограф Академии наук // Книжная культура. Опыт прошлого и проблемы современности: к 90-летию Научно-исследовательского института книговедения в Петрограде: материалы IV междунар. науч. конф. (Москва, 24–25 ноября 2010 г.) / РАН, Совет по книгоизд. при МААН. — М.: Наука, 2010. С. 191–194.

² После снятия блокады постепенно наладилось поступление из Книжной палаты обязательного экземпляра и началось возвращение в Библиотеку книг, скопившихся в Москве за период блокады. Над восполнением лакун периода 1941–1944 гг. в Библиотеке работала специальная группа. Стали создаваться нормальные условия для продолжения работы по составлению библиографического указателя академических изданий на месте, в Ленинграде.

³ Проект начат К.И. Шафрановским и продолжался почти 40 лет. С 1957 по 1990-е гг. напечатано 38 томов. В 2006–2011 гг. по инициативе зам. директора БАН Н.В. Колпаковой в рамках «Мемориального проекта» БАН фактически опубликованы тт. 39–40 Ежегодника, основанного К.И. Шафрановским. — См.: Библиография изданий Российской академии наук: 1994–2004. Вып. 1: 1994 год / науч. рук. В.П. Леонов; отв. ред. Н.В. Колпакова; отв. исп. Н.М. Баженова. — СПб.: БАН; Альфарет, 2006. 696 с.; Библиография изданий Российской академии наук: 1994–2004. Вып. 2: 1995 год / науч. рук. В.П. Леонов; отв. ред. Н.В. Колпакова; отв. исп. Н.М. Баженова. — СПб.: БАН; Альфарет, 2011. 776 с.

⁴ Садиков Владимир Сергеевич (1874–1942) — биохимик. С 1921 г. рабо-

тал в тесном контакте с В.И. Вернадским, был научным сотрудником Минералогического музея АН и ГРИ, с 1926 г. — в Отделе живого вещества КЕПС, в 1928–1934 гг. — Биогеохимической лаборатории (БИОГЕЛ). Остался в Ленинграде после отъезда сотрудников БИОГЕЛ в Москву. С 1935 г. возглавил Лабораторию биорганической химии в Институте витаминов, а также Лабораторию в ЛГУ, где занимал профессорскую должность. В 1938 г. перешел в Физиологический институт им. И.П. Павлова. Умер в эвакуации, в Казани.

⁵ Протоколы Комиссии Президиума АН СССР по Ленинградским учреждениям. 2 января 1942 г. — 10 апреля 1942 г. // ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 18. № 2. Л. 2.

⁶ Там же. Л. 3.

⁷ Протоколы Комиссии Президиума АН СССР по ленинградским учреждениям: 25 августа 1941 г. — 29 декабря 1941 г. // ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 18. Д. 1. Л. 6.

⁸ Там же. Л. 21.

⁹ Там же. Л. 23.

¹⁰ Там же. Л. 29.

¹¹ Там же. Л. 33.

¹² Там же. Л. 29.

¹³ Там же. Л. 30.

¹⁴ Там же. Л. 37.

¹⁵ Там же. Л. 2.

¹⁶ Там же. Л. 9, 9 об.

¹⁷ Там же. Л. 16.

¹⁸ Там же. Л. 40.

¹⁹ Там же. Л. 34.

²⁰ Там же. Л. 43.

²¹ Там же. Л. 34.

²² Законодательные акты Петра I / сост. Н.А. Воскресенский. — М.; Л., 1945.

²³ Умер в декабре 1941 г. (по другим сведениям, в январе 1942 г.).

²⁴ Протоколы Комиссии Президиума АН СССР по ленинградским учреждениям: 25 августа 1941 г. — 29 декабря 1941 г. // ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 18. Д. 1. Л. 42.

²⁵ Переписка Комиссии Президиума по вопросам эвакуации учреждений

АН СССР и по организации охраны ценностей в Ленинграде. 6 сентября 1941 — 10 апреля 1942 г. // ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 18. № 4. Л. 2–6.

²⁶ Протоколы Комиссии Президиума АН СССР по Ленинградским учреждениям. 2 января 1942 г. — 10 апреля 1942 г. // ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 18. № 2. Л. 14 об.

УДК 09
ББК 63.3(0)

**РОВЕСНИЦА БАН В ЕЕ ФОНДАХ:
«КНИГА МАРСОВА» — КНИГА О БОЕВОЙ СЛАВЕ РОССИИ**

Геннадий Васильевич Жирков,
*доктор филологических наук, профессор кафедры истории журналистики
Санкт-Петербургский государственный университет*

199004, Санкт-Петербург, В.О., 1-я линия, д. 26
e-mail: cafist@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Приведены факты истории создания первой подшивки периодического издания — «Книги Марсовой» по 3 экземплярам 1713 года выпуска, хранящимся в Библиотеке Российской академии наук. Определена более ранняя, чем принято, дата учреждения периодической печати в России — 1702 год. Исследованы задачи, которые ставил Петр I, распорядившись заниматься сбором материалов задолго до выпуска книги о боевой славе России. В ее основу легли выходившие с 1702 года журналы и реляции, планы городов. Отмечено личное участие Петра I в подготовке издания. Дана оценка актуальности сборника документов в разные исторические периоды.

Ключевые слова: *Печатные календари, граверы, А.Ф. Зубов, Генрик Девит, журналы, реляции, планы городов, документы, гравюры, Петербургская типография.*

Мне как историку и филологу повезло поработать в Библиотеке Академии наук над одним из самых замечательных раритетов культуры Петровской эпохи — над страницами «Книги Марсовой»¹. Три хранящихся в БАН экземпляра были подробно описаны сотрудницей Библиотеки М. Мурзановой. Эта ценная рукопись является для исследователей путеводителем по «Книге Марсовой».

Побудительным мотивом моего обращения к эпохе Петра Великого послужил 300-летний юбилей русской периодической печати. Когда я более подробно ознакомился с научной литературой

о печати тех лет, то увидел, что, как это нередко у нас случается, имея огромные ценности, мы не всегда обращаем внимание на приоритетность их начала. Это касается, к примеру, истоков нашей книжности, периодики и даже радио. Первой книгой, правда, с оговорками, у нас считают шедевр книгопечатания — «Апостол» Ивана Федорова и Петра Мстиславца (март 1564 г.), хотя сейчас достаточно широкому кругу историков известно, что и до этой книги в 1550-е годы выходили другие, но они не были «полноценными» по современным понятиям. Таким подходом начало русского

книгопечатания отодвинуто, по крайней мере, на десяток лет.

В буклете выставки в Государственном Историческом музее «Правдив сей календарь...» к 300-летию первого русского печатного «Брюсова календаря» (2009 г.) говорится о том, что в 1709 г. «был выпущен первый в России светский печатный календарь, который до сего времени называют "Брюсовым календарем"»². Если название выставки вполне соответствует истине, то процитированное утверждение буклета не точно.

Начало русским печатным календарям, которые тогда, как продукция, рассчитанная на широкую аудиторию, имели важное значение, положил И.Ф. Копиевский. В 1702 г. он выпустил в свет первое такого типа печатное издание — «Святцы или календарь»³. Среди поручений Петра I о переводах литературы с иностранного языка одним из первых стал приказ в октябре 1708 г. Ф. Поликарпову «найти немецкий календарь и перевести его как можно скорее». В рукописном собрании библиотеки царя впоследствии скопилось много таких переводов.

После изучения европейского опыта был подготовлен русский календарь. Первый календарь на 1709 г. вышел двумя изданиями в Москве в 1708 г. Петр I в письме от 4 января 1709 г. И.А. Мусину-Пушкину уже требовал прислать к нему в армию полторы-две тысячи календарей, а 19 февраля тот сообщал из Воронежа Ф. Поликарпову: «Календары, которые ныне вновь печатаны, великому государю угодны». Но нужно в них внести поправки, дать сведения о «початку» 11 лет назад «российского морского флоту»⁴.

В 1708 г. появился календарь, набранный уже гражданским шрифтом: «Календарь или месяцеслов Христианский. По старому штилю, или изчислению, на лето от воплощения Бога Слова 1709. Напечатан в Москве, лета Господня 1708. Декабря в 28 день». Он имел 16 страниц. В нем приводились знаки планет, святцы, фазисы луны, предсказания погоды. Календарь содержал статьи о затмениях,

иллюстрированных рисунком, о начале и о четырех временах года, медицинские по тем понятиям сведения, когда следует пускать кровь. В 1752 г. в московской синодальной типографии на обертку было употреблено этого календаря 1 812 экземпляров, то есть при выпуске он, вероятно, имел тираж не менее 4 000⁵.

Так обстояло дело с изданием первых календарей. «Брюсов календарь» уже суммировал накопленный опыт.

Но подобная ситуация сложилась и с периодикой. В 1903 г. в России отмечали 200-летие русской печати. К этому юбилею была проделана немалая работа по переизданию большей части петровских печатных изданий. Однако именно этот юбилей сдвинул назад на год создание печати в России. В подшивке вновь изданных Петровских Ведомостей первым стоял сохранившийся номер газеты от 3 января 1703 г. Именно поэтому в нашей стране сейчас отмечается День печати 13 января. Однако начало русской печати относится к декабрю 1702 г. Строго говоря, календарь И.Ф. Копиевского 1702 г. можно назвать первым русским печатным периодическим изданием.

13 октября 1702 г. была одержана победа войсками Петра I над шведами под Нотебургом (Орешком). На другой день Петр пишет и посылает 8 писем-сообщений о победе сподвижникам (И.А. Мусину-Пушкину, Т.Н. Стрешневу, Ф.М. Апраксину и др.). Сообщения кратки и стереотипны: совпадают слово в слово или почти, имеют обозначение места — Нотебурх⁶. В отличие от других посланий в письмах А.А. Виниусу и «А. Стейльсу вместе с другими лицами» есть замечательные исторические слова с незначительным разночтением: «Правда, хотя и зело жесток сей орех был, однако, слава Богу, разгрызли, но не без тягости, ибо многие наши медные зубы от того испортились»⁷.

Чуть позже 18 октября Петр посылает письмо к польскому королю Августу II, рассказывая несколько подробнее о взятии им «самой знатной крепости». Мес-

то, откуда послано письмо, обозначено знаменательно: «Из завоеванной нашей наследной крепости Орешек». Тогда же Петр отправляет сообщения такого рода голландскому и прусскому резидентам⁸.

Конечно, письма имели конкретных адресатов, но Петр понимал, что и его сподвижники, и резиденты станут источниками важной информации для других. Адресатам Петра это тоже было понятно, как и была понятна роль произошедшего события: даже в ответах резидентов оно рассматривается как выход России к Балтийскому морю. Фан-дер-Гулст (Голландия) пишет: «...Вы взятием сея крепости себе гавен на Балтийском море открываете». Георг Яган фон-Кейзерлинг (Пруссия) подчеркивает, что это «обещает процветание торговли и благосостояния подданных»⁹.

О таком событии, естественно, надо было рассказать более полно. Следовало показать другим странам и своему народу всю его важность. 15 и 16 декабря Петр принимает известные указы, дающие основание говорить об **учреждении периодической печати в России в 1702 г.** В моей монографии об истории русской журналистики эпохи Петра Великого приводится определенная система доказательств этому¹⁰.

Историки не акцентируют внимание на вышедшей несколько позже «Книге Марсовой», хотя она фактически была первой подшивкой периодических изданий, составленной самим Петром I. Открывал ее «Юрнал или поденная роспись, что в мимошедшую осаду под крепостью Нотебургом чинилось сентября с 26-го числа в 1702 году», вышедший в свет 27 декабря 1702 г. Это является существенным аргументом в пользу того, что наша печать начиналась именно в этом году. «Юрнал» представляет собой распространенный тогда в Европе тип издания — летучий листок.

Говоря о журналистике петровской эпохи надо иметь в виду, может быть в первую очередь, переходный характер коммуникативной культуры этой эпо-

хи — от рукописи к печати, от неперIODической печати к периодической, от духовной (церковной) литературы к светской (гражданской). К этому времени книга как тип издания претерпела значительную эволюцию. В словаре В. Даля сказано: «*Книга* — сшитые в один переплет листы бумаги или пергамента». В словаре приводятся интересные в связи с этим примеры: *Родословная книга* — в нее вписывают по каждой губернии дворянские роды; *Метрические книги* — ведутся в приходах и в них «вносят рождения и крещения»¹¹. Оба примера раскрывают принцип организации такой книги. Она собирается постепенно и постоянно, по мере надобности заполняется. Это значение слова, традиционное для летописей, сохранилось до сих пор.

«Книга Марсова» выполнена именно по такому принципу. Это не современная книга, для которой создан определенный макет и которая сразу же набрана по нему и отпечатана. История ее появления¹² проливает свет на эту проблему. Полное ее название «Книга Марсова или воинских дел от войск Царского Величества российских во взятии преславных фортификаций и на разных местах храбрых баталий учиненных над войски Его Королевского Величества Свейского» (Санкт-Петербург лета господня 1713). Ее создание связано с целым рядом мотивов, подвигнувших Петра I на этот шаг. Собрав воедино в «Книгу Марсову» журналы и реляции, гравюры и конклюдии об основных своих победах, царь оставлял потомкам о них документальное свидетельство. С этой точки зрения она является книгой воинской славы России.

Как сборник документов она должна была стать и стала источниковой базой последующих исторических сочинений. Все историки петровского времени, выполнявшие, как правило, заказ монарха, П. Шафиров, Генрих Гюйссен (Гизен), Феофан Прокопович, А. Макаров, М. Щербатов постоянно обращались к «Книге Марсовой». Ее можно рассматривать как первую ступень в написании

этой истории. После победы под Полтавой Петр I активизирует пропагандистские действия, для чего почва вполне созрела: регулярно вслед за каждой победой выходили боевые летучие листки, листки-гравюры, триумфы, фейерверки; вела боевую летопись газета «Ведомости». «Книга Марсова» должна была синтезировать собой летопись военных действий и побед петровских войск. В ее основу легли выходившие с 1702 г. журналы и реляции. После побед 1709–1710 гг., решивших исход Северной войны, по распоряжению царя стали готовить заранее иллюстративный материал будущей книги. В 1711 г. были гравированы планы взятых городов Выборга, Ревеля, Риги, Аренсбурга, Динамента, Корелы, Эльбинга.

Петр контролировал выпуск книги, дополнял ее содержание, изменял его, был одним из авторов текста, даже участвовал в корректуре книги. Об этом свидетельствуют ее экземпляры, сохранившиеся в Библиотеке Академии наук. Петр посетил 6 января 1712 г. только что созданную Петербургскую типографию. Она располагалась с 1711 по 1714 г. в доме цейхдиректора М.П. Аврамова, где и шла работа над «Книгой Марсовой». Царь познакомился с ходом работы над ней. Результатом этого его посещения типографии было назначение мастером гравировального дела А.Ф. Зубова, который и проделал основную работу по подготовке гравюр для «Книги Марсовой». В сентябре на помощь Зубову по указанию царя был переведен из Москвы гравер Генрик Девит.

К концу 1712 г., несмотря на то, что не все тексты журналов и реляций были присланы, первый вариант «Книги Марсовой» был гравирован. В течение всего этого года ее создание было основным делом Петербургской типографии. «Во оном 1712 году, — говорится в архивном документе тех лет, — оные типографские служители набирали и печатали в доме цейхдиректора Аврамова, понеже типографии тогда еще была не построена, кни-

гу журналов, описующих взятие фортеций и баталий бывших в швецкой войне 100 книг (которые указом его имп. вел. после переделываны)». 20 декабря Аврамов сообщил: «Имянным Царского Величества указом сделана здесь книга всех завоеванных городов и бывших баталий с шведами»¹³.

В январе 1713 г. был готов ее титульный лист. На нем А.Ф. Зубов поместил виньетку с видом Санкт-Петербурга, которая стала затем фирменным знаком Петербургской типографии. Фронтиспис тоже был сделан Зубовым. Это была конклюдия с портретом Петра Великого.

Вариант «Книги Марсовой» 1713 г. включал 16 пронумерованных таблиц, изготовленных по гравюрам, сделанным еще в Оружейной палате и на Печатном дворе и подогнанным к единому формату. В этом же году в «Книгу Марсову» были добавлены «План акции под Добрым» и «План сражения при Калише» по инициативе А.Д. Меншикова, участвовавшего в этих битвах¹⁴.

19 апреля 1714 г. Петр снова побывал в Петербургской типографии, рассматривал «Книгу Марсову» и внес в нее коррективы, пометки, сохранившиеся на экземпляре, хранящемся в БАН. Судя по ним, по редакционной переписке, Петр не один раз обращался к текстам «Книги Марсовой». На ее экземпляре, состоящем из журналов и реляций 1702–1710 гг. и с выходными данными: Санкт-Петербург 1713 г. (инвентарный № БАН 17.10.10), есть запись XVIII века: «Во оной своеручно писание Его Величества об Чюдцом (Чудском) и протчих городах писано на листах карандашом». Это один из рабочих вариантов книги, оставшийся в семье справщика Ивана Стефанова, о чем на нем тоже есть запись.

Другой ее экземпляр, содержащий журналы и реляции 1702–1714 гг., просто испещрен пометами Петра. Так, на реляции «Виктории бывшая на Чудском озере» есть указание царя: «Сыскать письмо фельдмаршала Шереметева». Вероятно, Петр хотел уточнить уже имевшийся

текст реляции, проверить факты, полностью информации. Такой же характер носят его пометы: «Сыскать письмо Ностицовой» (в связи со сражением у Эльбинга), «Взять журнал у Чирикова» (за Ригу), «Сыскать письмо Буково» (за Динамент), «Письмо Боурово» (дважды — за Пернав и Ревель), «Сыскать сведения в Ижерской канцелярии» (за Арнсбург). И на третьем экземпляре (БАН, инвентарный номер 3945), наиболее полном, но со значительной редактурой, тоже имеется надпись на реляции о победе у деревни Лесная: «Правка Его Величества», свидетельствующая, что Петр и его просматривал¹⁵.

«Внесена Петром и некоторая лексическая правка, правда, очень незначительная, — считает К.М. Накорякова. — В основном это слова новые, которые не все сохранились в русском языке, но правка наглядно отражает процессы, характерные для языка того времени (*баталши* вместо бой, *реляция* вместо ведомость)»¹⁶.

Не меньше внимания Петр уделил изобразительной стороне книги, ее оформлению. Он обеспечил ее мастерское исполнение, собрав для работы над ней все главные силы гравировального дела: А.Ф. Зубова, Г. Девида, П. Пикарта, А.И. Ростовцева, были использованы гравюры А. Шхонебека. Петр предложил расположение планов-схем сражений, заголовки к гравюрам, изображавшим фейерверки в честь побед русской армии и помещенных в «Книгу Марсову» позже другого материала.

После посещения Петербургской типографии в 1714 г. царь приказал украсить «Книгу Марсову» видами завоеванных городов и изображениями празднования побед — фейерверками. В 1715–1717 гг. граверы направлялись по приказу царя в города, возвращенные России. Местные власти должны были всячески помогать им в работе, в итоге которой были изготовлены виды Выборга (Ростовцев, одна из лучших гравюр), Риги (Деид), Пернова (Пикарт), Ревеля, Нарвы, Нейшлота.

Кабинет-секретарь А.В. Макаров писал, например, коменданту Риги: «Царское величество указал послать от сель доносителя сего письма грыдаровального мастера Гендрика Девида для рисования рижского прешпекту и когда оной Деид у вас явится, тогда изволте приказать рижским инженерам, чтобы они с ним в том деле обще трудились и зделали б на том абрисе с которой стороны была атака и бомбардирование и где были батареи и кисели и все, что к тому принадлежит и по окончании того абриса изволте его отправить сюда, таков отдан приказ и ревельским обер комендантам 14 мая»¹⁷.

Таким образом, победное шествие русских войск все больше получало отражение в изобразительной продукции тех лет — гравюрах разных типов. При этом они все больше превращали «Книгу Марсову» в панегирик деятельности Петра, прославляя содеянное им в ходе Северной войны. Празднование побед в Московском государстве становится особым ритуалом, разработанным самим царем при участии панегиристов: стихотворцев и публицистов, типографов, художников-граверов. Листки такого типа дифференцировались на триумфы (триумфальные ворота), фейерверки, панегирики-приветствия и слова. Они были лишь текстовым, знаковым выражением того значительного коллективного действия, близкого по своему характеру к народному карнавалу, сопровождавшего каждый ратный успех Петра и его войска¹⁸. Эти произведения вобрали в себя опыт духовной литературы (панегирики, слова) и светского искусства той эпохи — гравюры, обычно воплощавшей шествие победителей с их трофеями через триумфальные ворота и изображение фейерверка; и одновременно имели коммуникативное значение, недаром историки-библиографы относили их к афишам того времени.

Уже после победы под Нотебургом в 1702 г. Петр поддержал идею А. Шхонебека создать «Триумфальную книгу», состоявшую из листов-гравюр. В августе

1704 г. он дал распоряжение: «Иноземцом грыдорованного дела Адрианом Шхонебеком триумфальные листы, к которой триумф был в начатии сего 1704 лета отдать переплесть число 50 книг»¹⁹. Некоторые историки искусства, вспоминая этот сюжет и увлекаясь предметом исследования, преувеличивают эстетическую роль гравюры Петровской эпохи. При этом забывается контекст исторического времени, о том, что для Петра I в первую очередь были значимы практические задачи, коммуникативная роль печати и то, что изображение, в частности гравюра, в тех условиях было источником информации о событиях в России для не знающих грамоты или не владеющих русским языком. Вся эта продукция вывешивалась в людных местах, частично раздавалась, постоянно продавалась в торговых рядах и лавках, отправлялась в другие страны.

«К концу 1712 г. первый вариант книги был гравирован, не хватало только печатных текстов-юналов..., — замечает известный историк искусства М.А. Алексеева. — Январем 1713 г. датирован титульный лист "Книги Марсовой". Книга в ее первоначальном виде представляла собой небольшой альбом форматом 25 x 30 см»²⁰. О.Г. Агеева пишет: «"Марсова книга" является первым дошедшим до нас отечественным изданием, в котором изобразительный материал был не просто иллюстрацией, сопровождавшей текст. Эта работа Петербургской типографии, задуманная как гравированная летопись Северной войны, стала первым русским художественным альбомом... В первом варианте она включала тексты реляций и 18 гравированных планов...»²¹.

Более точны в выводах искусствоведы Н.В. Калязина и Г.Н. Комелова, готовившие альбом-монографию «Русское искусство Петровской эпохи». Они рассматривают «Книгу Марсову» как собрание «важнейших исторических документов эпохи»: «Эта книга представляет собой многостовые серии гравюр главным образом на батальные темы, которые иллюстрируют подлинные докумен-

ты — "юналы", описания тех или иных событий»²².

Факты истории создания книги, те задачи, которые при этом преследовались Петром I, содержание книги, — все это свидетельствует о том, что создавалась книга в том широком понимании этого типа формы, которое тогда было. Ее эстетическая функция все-таки была для Петра менее существенной. Она использовалась в коммуникативных целях, с тем, чтобы донести до читателя и зрителя более полное знание общественно-политической информации. Другое дело, создатели «Книги Марсовой» действительно добились органического сплава слова и изображения. И только теоретики разделяют то и другое, преувеличивая роль предмета исследования. Эстетическая функция гравюр стала основной уже в последующие времена, когда история тех лет остыла.

В эпоху Екатерины II «Книга Марсова» оставалась актуальным свидетельством воинской славы России. В преддверии войны с Турцией (1768–1774), в 1766 г. появилось ее «второе тиснение», имевшее 193 страницы, с соответствующим для нее форматом, брошюровкой, выходными данными, планами-схемами сражений. Она содержала 24 юнала и реляции, выходившие с 1702 г. Вероятно, это издание может служить ориентиром для современных исследователей в плане уточнения реального состава «Книги Марсовой» и ее типа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мурзанова М. Сравнительное описание трех академических экземпляров «Книги Марсовой», изд. 1713 г. // Отдел редкой книги БАН. Собрание авторских материалов. № 7. Рукопись.

² «Правдив сей календарь...» К 300-летию первого русского печатного «Брюсова календаря». — М., 2009. — С. 10.

³ Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. — СПб., 1862. — С. 289.

⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9. Вып. 1. — М.; Л. 1950. — С. 475; Вып. 2. — М. 1952. — С. 627; *Луннов С.П.* Книга в России первой четверти XVIII века. — Л., 1973. — С. 91; Описание календарей см.: *Пекарский П.П.* Указ. соч. — С. 186, 304–305, 310.

⁵ См. подробнее: *Жирков Г.В.* Эпоха Петра Великого: основание русской журналистики. — СПб., 2003. — С. 51–55.

⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2. — СПб., 1889. — С. 90–94; 415.

⁷ Там же. — С. 94, 96. Стейльс (Стелц) — английский купец.

⁸ Там же. — С. 415–416.

⁹ Там же. — С. 415.

¹⁰ *Жирков Г.В.* Эпоха Петра Великого: основание русской журналистики. — СПб., 2003.

¹¹ *Даль Владимир.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. — М., 1979. — С. 125.

¹² О Книге Марсовой см.: *Сопиков В.С.* Опыт российской библиографии или полный словарь сочинений и переводов, напечатанных до 1813 г. В 5 частях. — СПб., 1813–1821; *Пекарский П.П.* Указ. соч. — С. 290–305; *Быкова Т.А., Гуревич М.М.* Описание изданий гражданской печати 1708–1825 гг. — М.; Л. 1955. — С. 515–525; *Мурзанова М.Н.* «Книга Марсова» — первая книга гражданской печати, изданная в Петербурге // Труды Библиотеки АН. Т. 1. 1948. — С. 156–168; *Алексеева М.А.* Гравюра петровского времени. — Л., 1990. — С. 125–134; *Ермакова М.Е., Хромов О.Р.* Русская гравюра на меди второй половины XVII — первой трети XVIII века. — М.; СПб., 2004; *Жирков Г.В.* Книга воинской славы России // Его же. Жур-

налистика: исторические этюды и портреты. Сб. науч. трудов. — СПб., 2007. — С. 78–97 и др.

¹³ *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого. Изд. 3-е. Т. V. — С. 354; *Алексеева М.А.* Указ. соч. — С. 125.

¹⁴ *Алексеева М.А.* Указ. соч. — С. 126.

¹⁵ Книга Марсова... // Отдел редкой книги БАН. Титульный лист без года. Л. 6, 18, 20–22.

¹⁶ *Накорякова К.М.* Редакторское мастерство в России XVI–XIX вв.: опыт и проблемы. — М. 1973. — С. 59.

¹⁷ *Йогансен М.В., Киртичкинов А.Н.* Петровский Шлиссельбург // Русское искусство первой четверти XVIII века: материалы и исследования. — М. 1974. — С. 46; *Алексеева М.А.* Указ. соч. — С. 131.

¹⁸ См. об этом: *Жирков Г.В.* Эпоха Петра Великого: основание русской журналистики. — СПб., 2003. — С. 90–96.

¹⁹ Русская светская гравюра первой четверти XVIII века: аннотир. сводный каталог / сост. *В.К. Макаров.* — Л., 1978. — С. 249.

²⁰ *Алексеева М.А.* Указ. соч. — С. 125. Следует указать и на неточность такой фразы: «11 мая 1711 г. выходит первое издание новой типографии — газета «Санкт-Петербургские ведомости» (С. 112). В этот период издавалась только одна газета «Ведомости».

²¹ *Агеева О.Г.* Северная война и искусство гравюры в России Петровского времени // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X — начало XX в. Сб. науч. трудов. Вып. II. — М. 1990. — С. 164–165.

²² *Калязина Н.В., Комелова Г.Н.* Русское искусство Петровской эпохи. — Л., 1990. — С. 167.

УДК 016.58/59
ББК 78.5

**КАКИМИ КНИГАМИ ИЗ АКАДЕМИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ
РУКОВОДСТВОВАЛИСЬ СОСТАВИТЕЛИ
ЗООЛОГИЧЕСКОГО РАЗДЕЛА
ПЕРВОГО ПЕЧАТНОГО КАТАЛОГА КУНСТКАМЕРЫ?**

Юлия Александровна Дунаева,

*младший научный сотрудник отдела БАН при Зоологическом институте РАН
Библиотека Российской академии наук*

199034, Санкт-Петербург, В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: bibl@zin.ru

АННОТАЦИЯ

Проведено сопоставление описаний экспонатов в зоологическом разделе первого печатного каталога Кунсткамеры с описаниями и изображениями животных в изданиях, на которые указывали ссылки. При составлении библиографического списка были изучены экземпляры книг, хранящиеся в Библиотеке Российской академии наук, а также опубликованные и архивные каталоги, имеющие отношение к ранним фондам БАН. Важно отметить, что Академическая библиотека в первой половине XVIII в. могла предоставить создателям каталога необходимый справочный материал.

Ключевые слова: *Кунсткамера, Камеральный каталог, зоологические экспонаты, Библиотека Российской академии наук, гравюры, библиографический список, *Musei imperialis petropolitani*, иллюстрированные издания, Альберт Себа, Джон Рей.*

Санкт-Петербургская Академия наук впервые опубликовала каталог собраний петровской Кунсткамеры в 1741–1745 гг. Это двухтомное издание на латинском языке без иллюстраций. Первый том каталога посвящен естественнонаучным коллекциям. Его выпускали с 1742 по 1745 г.¹ Первая часть первого тома каталога содержит описания натуралий животного происхождения или зоологических экспонатов².

Всего в данной части каталога содержится более семи тысяч описаний образцов разнообразных представителей животного царства. Как и прочие экспонаты музея, они объединены в каталоге по месту хранения — по камерам или по залам, из-за чего каталог получил в обиходе название «Камеральный»³. В то же время структура зоологического раздела каталога соответствует существующим на тот момент представлениям о системе

животного мира. В частности, разделы, посвященные позвоночным животным, организованы в точном соответствии с системой, представленной в зоологических сводках Джона Рея⁴.

Чтобы идентифицировать, систематизировать и кратко, но точно описать в каталоге все образцы животного происхождения, составители должны были располагать зоологической литературой, охватывавшей разнообразные группы животных. Текст каталога Кунсткамеры содержит информацию об источниках информации, которыми пользовались составители.

Для каждого зоологического экспоната в каталоге было составлено уникальное описание. Составители указывали название животного, местность, где оно было поймано, приводили один или несколько внешних признаков образца, отмечали, в каком виде он хранится, а также

давали ссылку на источник информации о данном животном. При отсутствии тех или иных сведений описания были более краткими.

Ссылки на источники информации в описаниях экспонатов оформлены с разной степенью точности. Порой они состоят только из фамилии автора, причем в сокращенном варианте. Например: Aldrov., Gesn., Jonst., Marcgrav., Ruysch., Willughb. и др. В других ссылках дается сокращенное название книги, иногда в сочетании с краткой фамилией автора, иногда — нет. Например: *Musei Regii Dresd.*; *Raji Syn.*; *Theatr. Anat.*; *Wagner. Hist. nat. Hel.* и др. И, наконец, самые полные варианты ссылок могут содержать не только фамилии авторов и сокращенные названия книг, но и номера глав, разделов, страниц, иллюстративных таблиц и даже литеры и цифры конкретных изображений животных. Например: *Aldrov. de Insect. pag. 311. et 312⁵*; *Bartholin. anat. Cent. I. Hist. 9⁶*; *Petiver Gazophyl. Naturae et Artis. Tab. 74. Fig. 9⁷*; *Reaumur Tom. II. planche XX. Nr. 4⁸*; *Rumph. Tab. 47. Lit. F⁹*. Подобные ссылки на источники информации дают возможность точно определения изданий, которыми руководствовались составители описаний зоологических экспонатов.

В ходе данной исследовательской работы было проведено сопоставление описаний экспонатов в зоологическом разделе *Musei imperialis petropolitani* с описаниями и изображениями животных в изданиях на которые указывали ссылки. Всего было проверено 209 ссылок. Совпадение названий и признаков животных в книгах с названиями и признаками в описаниях каталога Кунсткамеры считалось доказательством того, что ссылка указывает именно на данное издание. При отборе изданий для сопоставления предполагалось, что книги не должны быть изданы позже года начала выхода *Musei imperialis petropolitani*, то есть 1742-го. Основную работу проводили в Библиотеке Российской академии наук в следующих отделах: отдел БАН при Зоологическом институте РАН, от-

дел БАН при Ботаническом институте им. В.Л. Комарова РАН, научно-исследовательский отдел редкой книги и научно-исследовательский отдел рукописей.

После сопоставления ссылок был получен список из 40 печатных изданий и 1 рукописного, для которых было зафиксировано точное совпадение названий животных в подписях к изображениям и в описаниях цитируемых книг с названиями в описаниях *Musei imperialis petropolitani*. Если книга состояла из нескольких частей или томов, то в данном случае они считались как одно издание. Рукописное издание — это *Studienbuch Марии Сибиллы Мериан*¹⁰. Все печатные издания были иностранные, опубликованы в разных странах Европы с 1558 по 1738 год. К сожалению, из-за ограниченности объема данной публикации, невозможно привести полностью библиографический список этих сорока книг. 29 книг из 40 были изданы после 1680 года, для того времени это была современная зоологическая литература. По характеру содержания издания разбиваются следующим образом: зоологические сводки по разным группам животных — 24 книги, описания природы разных стран — 4 книги, каталоги собраний натуралий — 12 книг. 22 книги представляли собой богато иллюстрированные издания. Большинство из них содержит многочисленные гравюры с изображениями животных, выполненные на высоком уровне изобразительного и художественного мастерства.

Использование иллюстрированной зоологической литературы открывало большие возможности для создателей первого печатного каталога Кунсткамеры. В то время еще не было установленных правил научной зоологической номенклатуры¹¹. По одному только названию и даже письменному описанию животного нельзя было сказать с уверенностью, о каком именно виде идет речь. Точные изображения животных в книгах позволяли, во-первых, более уверенно идентифицировать музейный образец и, во-вторых, более точно обозначить его в тексте ка-

талога, приведя ссылку на иллюстрацию в другом издании. Такой способ уточнения идентификации зоологических экспонатов в музейных каталогах, не содержащих иллюстраций, применялся и ранее¹².

12 книг из числа тех, которые удалось установить по ссылкам, сами являются музейными каталогами. Это каталоги анатомических и зоологических собраний амстердамского анатома Фредерика Рюйша¹³, каталог лондонского музея Джеймса Петивера¹⁴, «Амбоинский кабинет» Георга Румфа¹⁵, каталог амстердамского музея Альберта Себы¹⁶, каталог копенгагенского музея Оле Ворма¹⁷ и, наконец, каталог каталогов Михаэля Валентини¹⁸.

Что касается зоологического содержания цитируемых книг, то они охватывают все известные на тот момент группы животных, образцы которых было возможно выставить в музее. Тринадцать книг из сорока содержат сведения сразу о многих группах животных, остальные книги специализированы, то есть посвящены какой-либо одной группе, с учетом принятой на тот момент классификации животных. Наиболее узконаправленной в данном списке следует считать книгу Иоганна Генриха Линка о морских звездах¹⁹.

Первое место по частоте цитирования в *Musei imperialis petropolitana* занимает каталог анатомических собраний амстердамского анатома Фредерика Рюйша²⁰. Ссылки на эту книгу находятся в разделе каталога, посвященном анатомическим собраниям Кунсткамеры, «*Syllabus thesaurorum anatomicorum*». В этом разделе помещено всего 1 880 описаний анатомических препаратов, и в большей части описаний содержится ссылка на вышеупомянутую книгу. Это не удивительно, так как анатомические собрания петровской Кунсткамеры представляли собой в то время, в основном, бывшие собрания Фредерика Рюйша, приобретенные по распоряжению Петра I в 1717 году в Голландии²¹.

Очень часто цитируется также каталог Альберта Себы²². Собрание этого амстердамского аптекаря также было приобретено по приказу Петра I для Кунсткамеры в 1716 году²³. Каталог Альберта Себы содержит сведения об экспонатах его второго музея, который он собрал после продажи первого²⁴. По-видимому, многие экспонаты второго собрания Себы повторяли экспонаты первого собрания.

Следует упомянуть еще три книги, которые, по всей видимости, имели важное значение для составителей каталога Кунсткамеры. Это труды знаменитого английского натуралиста Джона Рея (John Ray, 1627–1705), его систематические сводки по четвероногим, змеям, птицам и рыбам²⁵. Ссылок на данные книги очень много в соответствующих разделах каталога *Musei imperialis petropolitana*. Названия частей зоологического раздела каталога Кунсткамеры во многих случаях с точностью до буквы совпадают с названиями глав и параграфов в книгах Рея. Даже порядок рассмотрения одних и тех же групп животных в соответствующих частях книг Рея и каталога часто одинаков²⁶. Это говорит о том, что составители каталога Кунсткамеры не только руководствовались книгами Джона Рея для идентификации различных животных, но и принимали за образец его систему животного мира.

Итак, мы видим, что во время подготовки зоологического раздела первого печатного каталога Кунсткамеры составители активно использовали целый ряд зоологических западноевропейских изданий, без которых их работа, вероятно, была бы сильно затруднена. Могла ли Академическая библиотека в то время обеспечить составителей данной литературой? Чтобы ответить на этот вопрос, мы попытались установить, находились ли они в первоначальном фонде Академической библиотеки. Для этого проводили как непосредственное изучение экземпляров хранящихся в Библиотеке Российской академии наук книг, так и сопоставление полученного списка изданий с опубли-

ПРИМЕЧАНИЯ

кованными и архивными каталогами, имеющими отношение к ранним фондам БАН. Свидетельствами принадлежности к первоначальному фонду считали следующие признаки: первоначальный штамп Академической библиотеки²⁷, знак Камерного каталога²⁸, наличие издания в «Камерном каталоге»²⁹, наличие в рукописном каталоге Академической библиотеки³⁰, принадлежность к библиотеке Аптекарского приказа³¹, принадлежность к библиотеке Петра I³², принадлежность к библиотеке Р. Арескина³³, принадлежность к библиотеке Я. Брюса³⁴. В результате исследования было установлено, что из сорока печатных изданий, которыми руководствовались составители зоологического раздела первого печатного каталога Кунсткамеры, лишь восемь не имеют никаких признаков принадлежности к первоначальному фонду. Что касается единственной рукописи, на которую ссылается *Musei imperialis petropolitani*, то известно, что *Studienbuch* или так называемый «Ленинградский альбом» Марии Сибиллы Мериан, принадлежал Роберту Арескину³⁵. Его библиотека была приобретена для Библиотеки и Кунсткамеры в 1719 году³⁶. Таким образом, большая часть процитированных в *Musei imperialis petropolitani* зоологических источников, а именно тридцать три из сорока одного, должны были находиться в Академической библиотеке во время подготовки первого печатного каталога Кунсткамеры. Академическая библиотека в первой половине XVIII века могла предоставить составителям каталога необходимый им справочный аппарат.

Автор выражает благодарность за помощь в проведении данной работы Елене Алексеевне Савельевой, Наталье Павловне Копаневой, Людмиле Петровне Гроздиловой, Галине Николаевне Панкратовой, Тамаре Александровне Черной, Алексею Геннадьевичу Сергееву, сотрудникам читального зала библиотеки БИН РАН, читального зала редкой книги БАН, читального зала рукописной книги БАН.

¹ Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской академии наук / Т.В. Станюкович. — М.; Л., 1953. — С. 82; Копанева Н.П. Первый каталог зоологических коллекций Кунсткамеры на русском языке // Зоологические коллекции России в XVIII–XXI веках: научный и социально-политический контекст: сб. науч. ст. / ред.-сост. Н.В. Слепкова. — СПб., 2012. — С. 289–290.

² *Musei imperialis petropolitani*. Vol. I. Pars prima qua continentur res naturales ex regno animali. — [Petropoli], 1742. — 700 с.

³ Неверов О.Я. Собрание редкостей петровской Кунсткамеры // Петр Великий — реформатор России / отв. ред. Н.С. Владимирская. — М., 2001. — (Материалы и исследования; 13). — С. 179–195.

⁴ Ray J. Synopsis methodica animalium quadrupedum et serpentini generis / John Ray. — Londini [London], 1693. — [16], 336, [8] с.; Ray J. Synopsis methodica avium / John Ray. — Londini [London], 1713. — [6], 198, [20] с., 2 л. ил.; Ray J. Joannis Raii Synopsis methodica Piscium / John Ray. — Londini [London], 1713. — 166, [14] с., 2 л. ил.

⁵ *Musei imperialis petropolitani*. Там же. С. 692.

⁶ Там же. С. 363.

⁷ Там же. С. 536.

⁸ Там же. С. 686.

⁹ Там же. С. 595.

¹⁰ Merian M.S. [Рукописный научно-художественный дневник с рисунками мелкого формата]. НИОР БАН. Собрание Петра I, ч. 2, № 72, л. 1–133.

¹¹ Считается, что начало научной зоологической номенклатуры было положено Карлом Линнеем в 10-м издании книги «Systema naturae», вышедшем в 1758 г. Об этом см., например: Mayr E. Principles of systematic zoology / Ernst Mayr. — New-York etc, 1969. — С. 343.

¹² См. например: Vincent L. Catalogus et descriptio animalium volatilium, reptilium, & aquatilium [Текст] / Levinus Vincent. — A la Haye [Den Haag]: Chez Pierre de Hondt, 1726. — 48, [16] с., фронт. (ил.)

¹³ *Ruysch F. Frederici Ruyschii ... Thesaurus anatomicus = Anatomisch cabinet ... / Frederick Ruysch. — Amstelædami [Amsterdam], 1701–1714. — В 9 т.; Ruysch F. Frederici Ruischii ... Thesaurus animalium primus. Cum figuris aeneis... / Frederick Ruysch. — Amstelaedami [Amsterdam], 1710. — [56], 42 с., 7 л. ил.*

¹⁴ *Petiver J. Musei Petiveriani Centuria Prima, Rariora Naturae Continens... / James Petiver. — Londini [London], 1695. — 93, [3] с., 2 л. ил.*

¹⁵ *Rumphius G.E. D'Amboinische Raritetkamer... / Georg Everhard Rumphius. — t'Amsterdam [Amsterdam], 1705. — [30], 340, [43] с., 60 л. ил., 1 л. портр.*

¹⁶ *Seba A. Locupletissimi rerum naturalium thesauri. Tomus I. / Albert Seba. — Amstelaedami [Amsterdam], 1734. — [31], 178 с., 111 л. ил., 1 л. портр., фронт. (ил.); Seba A. Locupletissimi rerum naturalium thesauri ... Tomus II / Albert Seba. — Amstelaedami [Amsterdam], 1735. — [32], 154 с., 114 л. ил.*

¹⁷ *Worm O. Museum Wormianum. Seu historia rerum rariorum ... / Olaus Worm. — Amstelodami [Amsterdam], 1655. — [12], 389, [3] с.: ил., 2 л. ил., 1 л. портр.*

¹⁸ *Valentini M.B. Museum Museorum, oder vollstündige Schau-Bühne aller Materialien und Specereyen ... / Michael Bernhard Valentini. — Frankfurt am Mäyn, 1704. — [24], 520, [4], 76 с.: ил., 2 л. ил.*

¹⁹ *Linck J.H. Iohannis Henrici Linckii ... de Stellis marinis liber singularis / Johann Heinrich Linck. — Lipsiae [Leipzig], 1733. — [24], 107, [5] с., 42 л. ил.*

²⁰ *Ruysch F. Frederici Ruyschii... Thesaurus anatomicus=Anatomischcabinet.../Frederick Ruysch. — Amstelædami [Amsterdam], 1701–1714. — В 9 т.*

²¹ *Радзюн А.Б. Анатомическая коллекция Ф. Рюйша // Петр I и Голландия: русско-голландские художественные и научные связи: к 300-летию Великого посольства / под ред. Г.В. Вилинбахова и др. — СПб., 1996. — С. 154.*

²² *Seba A. Там же.*

²³ *Юрьев, К.Б. Альберт Себа и его роль в развитии герпетологии // Труды Зоологического института. 1981. Т. 101. — С. 109–120; Driessen-van het Reve J.J. De Kunstkamera van Peter de Grote: De Hollandse inbreng, gereconstrueerd uit brieven van Albert Seba en Johann Daniel Schumacher uit de jaren 1711–1752 / J.J. Driessen-van het Reve. — Hilversum, 2006. — 350 с.*

²⁴ *Юрьев К.Б. Там же. С. 112.*

²⁵ *Ray J. Там же.*

²⁶ См. например: *Catalogus animalium quadrupedum // Musei imperialis petropolitani. Vol. I. Pars prima qua continentur res naturales ex regno animalī. — [Petropoli], 1742. — С. 335–352; Ray J. Synopsis methodica animalium quadrupedum et serpentini generis ... / John Ray. — Londini [London], 1693. — С. 62–336.*

²⁷ Описание штампа см.: СПБАРАН Ф. 158, оп. 2, № 79а, л. 2.

²⁸ Описание знака Камерного каталога см. например: Книги с автографами лейб-медика А.Н.Р. Саншеса в фондах Библиотеки Российской академии наук: каталог / сост. П.И. Хотеев. — СПб., 2003. — С. 5–6.

²⁹ *Bibliothecae imperialis petropolitanae. P. 1–4. — [Petropoli], [1741–1744].*

³⁰ СПБАРАН ф. 158, оп. 1, № 1–3.

³¹ Каталог книг из собрания Аптекарского приказа / сост. Е.А. Савельева. — СПб., 2006. — 381 с.: ил. — (Мемориальный проект).

³² Библиотека Петра I: указатель-справочник / сост.: Е. И. Боброва. — Л., 1978. — 215 с.

³³ СПБАРАН ф. 158, оп. 1, № 214а.

³⁴ Библиотека Я.В. Брюса: каталог / сост. Е.А. Савельева; отв. ред. А.И. Копаев. — Л., 1989. — 410 с.

³⁵ *Beer W.D. Zur Geschichte des «Leningrader Studienbuches» // Maria Sibylla Merian. Schmetterling, Käfer und andere Insekten: Leningrader Studienbuch. — Leipzig, 1976. — С. 14–16.*

³⁶ История Библиотеки Академии наук СССР 1714–1964 / отв. ред. М.С. Филиппов. — М.; Л., 1964. — С. 19.

УДК 930/94
ББК 63.2(0)

«НЕ ЗНАЮ, КТО ТЫ, ПРОРОЧЕ РОГАТЫЙ...»

(о смысле данного поэтического обращения
Феофана Прокоповича к Антиоху Кантемиру)

Константин Александрович Жуков,

кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории стран

Ближнего Востока Восточного факультета

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, В.О., Университетская наб., д. 11

e-mail: konstantin.zhukov2011@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В исследовании стихотворения Феофана Прокоповича 1730 г. «К сочинителю сатир» представлен научно обоснованный материал — гипотеза о смысловом содержании эпистолы, зашифрованной в литературной форме. Новый взгляд автора с позиции историка на обращение «пророче рогатый» позволил ему первому среди отечественных ученых решить вопрос о поставленных в послании целях.

Ключевые слова: Феофан Прокопович, Антиох Кантемир, сатира, Д.К. Кантемир, Отдел Рукописей БАН, Кавказская стена, Александр Македонский, Аристотель, коран, Зулькарнейн, пророк.

В 1730 г. в своем приветственном стихотворном послании молодому автору сатиры «На хулящих учения...»¹ Антиоху Кантемиру тогдашний первенствующий член Священного Синода Феофан Прокопович (1681–1736) использовал примечательное обращение — «пророче рогатый»: «Не знаю, кто ты, пророче рогатый; / Знаю, коликой достоин ты славы; / Да почто ж было имя укрывати? / Знать, тебе страшны сильных глупцов нравы»².

В дальнейшем Антиох Кантемир (1708–1744) становится преданным сторонником Феофана: как отмечают исследователи творчества А. Кантемира, многие из его последующих сатир по сути дела являются перифразом проповедей Ф. Прокоповича. Однако привлечь на свою сторону талантливого юношу было делом не совсем простым: еще не улеглась память о полемике с Феофаном покойного отца Антиоха — светлейшего князя Дмитрия Кантемира (1673–1723). В свое время возражения Д.К. Кантемира

«Loca obscura in Cathehisisi...» («Места примрачные в катихизисе...») на изданное в 1720 г. сочинение Феофана Прокоповича «Первое учение отроком» (или «Катихизис») сильно уязвили последнего [6, с. 9–10, 31–35; 12, с. 137–138]. Поэтому можно предположить, что тернистый путь к печатанию сочинения Д.К. Кантемира «Книга Систима, или состояние мухаммеданския религии» (СПб., 1722)³ в какой-то мере мог быть обусловлен в Св. Синоде именно позицией Ф. Прокоповича.

Понятно, что для «вербовки» Антиоха в свой стан Феофану, в первую очередь, было необходимо преодолеть сложившееся отчуждение от семьи Кантемиров. В числе прочих данная задача, по нашему мнению, была успешно решена в упомянутом послании Феофана Прокоповича «К сочинителю сатир». Всего же в этом послании были решены, по крайней мере, три задачи. Первая состояла в посмертном примирении с Д.К. Кантемиром.

Вторая — в восхвалении достоинств его сына. Третья — в предложении модели будущих взаимоотношений с автором сатиры. При этом только вторая из них решалась в тексте напрямую, путем неприкрытой лесты: «Объемлет тебя Аполлин великий, / Любит всяк, кто есть таинств его зритель». Остальные две решались скрытно, будучи преподнесенными в зашифрованной литературной форме; ключом к этому шифру, по нашему мнению, было обращение «пророче рогатый», вот уже долгое время являющееся предметом размышлений отечественных ученых⁴.

Нам представляется, что данное обращение содержит отсылку к двум научным трудам, а именно: 1) уже упомянутому выше сочинению Д.К. Кантемира «Книга Систима...» и 2) работе академика Т.З. Байера «О стене Кавказской...», в основу которой были положены материалы, собранные Д.К. Кантемиром при исследовании знаменитой крепостной стены Дербента во время Каспийского похода Петра I в 1722 г.: «Хартии, на которых положены стены от него описано было, сообщил мне князь Антиох Кантемир, отеческих ревнитель добродетелей и подражатель учений (*patris virtutum aemulo et imitatore studiorum*)», — уже в самом начале своего труда счел необходимым указать академик. «Славный Байер представил на рассмотрение собрания карту Кавказской стены, начерченную славной памяти покойным князем Дмитрием Кантемиром и любезно переданную Байеру его младшим сыном Антиохом Кантемиром», — говорилось также в протоколе Конференции (Общего собрания) АН от 6 марта 1728 г. [Цит. по: 13, с. 25]. Кроме чертежей и рисунков, автор использовал и другие материалы Д.К. Кантемира, в частности, начало переведенного им на латинский язык известного сочинения «Дербент-наме», список которого был подарен местным правителем Петру I при сдаче этого города русским войскам. Таким образом, русской читающей публике имя Антиоха Кантемира как продолжателя отеческих научных штудий впервые

стало известно в 1728 г. и, что для нас особенно интересно, в связи с Кавказской стеной⁵. Это очень важно, поскольку далее в своей статье Байер подробно рассматривает известия восточных авторов об Александре Македонском как о строителе этой стены, а также упоминает о его известном арабском прозвище, а именно: *Зулькарнейн* (Двурогий). Эти же сюжеты трактуются в сочинении Д.К. Кантемира «Книга Систима...», где, в частности, упоминается, что мусульманские авторы считают Александра Великого (он же «Александр рогатый») пророком.

Сведения об Александре содержатся в этом сочинении в нескольких местах. Д.К. Кантемир подчеркивает чрезвычайную популярность историй об Александре среди мусульманского населения Османской империи: «Едва не бесконечные суть у мухаммеданов о Александре Великом фабулы, понеже яко рехом, дела его десятию содержатся книгами, тамо чтутся битвы, поединки, взятия градов, всякий ума образ превосходящие, обаче вся сия яко истинную историю прочитывают и яко несумненные и живые древних витязей мужества и дел приклады подражания ради произносятся. Обычай же имеют таковые истории читати в нощех *Рамазана* везде и найпаче в корчмах, идеже варится и продается *кофе*, куды найпаче воины сходятся, которые мнят от сих фабул бодрственому в себе восставлятися духу и протч.» [8, с. 132, р. 226; 9, с. 257].

Д.К. Кантемир также пишет, что «мухаммедданы» называют Александра *Искендери Зуулкар Неин* «Александр рогатый» и следующим образом объясняет такое прозвище: «...веруют бо, яки бы он малейшие роги имел, но под покрывалом главы своя, дабы от иных невидены были, сокровенны хранил, ибо таковое в тех рогах таинство и сила бе, да аще кто оные увидит, Александр умрети имать, видевый же царство его восприимет». К этому пассажу автор прибавляет свой комментарий: «Не лишается басня сия своего фундамента, понеже древнейшие

фабул изобретатели, пииты греческие, паче и историки сказуют, яко Олимпиада мать Александрова зачала его от смешения с Иовишем [Юпитером/Зевсом/Амоном. — К. Ж.]. Иовиша же древние живописцы рогатого изображаху (откуда на неких Александровых рудолитных [металлических. — К. Ж.] вещах видехом Александра с превращенными рогами начертанна)». И, наконец, Д.К. Кантемир завершает это описание констатацией, что «мухаммеданы» в большинстве своем считают Александра/Искендера Зулькарнейна пророком: «Пророк ли есть или ни, прение о том у них творится. Обаче премагает мнение тех, которые его между пророков сочисляют...» [8, с. 128, р. 220; 9, с. 252–253]. Этот сюжет также был рассмотрен Т.З. Байером, который, в частности, делает вывод о тождественности Александра Великого и пророка Зулькарнейна из восемнадцатой суры Корана «Пещера» [2, с. 181–182, 190–191].

Итак, обе рассмотренные нами работы (книга Д.К. Кантемира «Книга Систима...» и основанное на кантемировских материалах сочинение Т.З. Байера «О стене Кавказской...») к 1729 году (т.е. ко времени создания сатиры Антиоха Кантемира «На хулящих учения...») ввели в российский интеллектуальный обиход доселе отсутствующее в нем развернутое представление мусульманских авторов о кораническом рогатом пророке Зулькарнейне (Александр Великом)⁶ как о строителе стены, ограждающей обитаемую часть суши от нашествия племен Гога и Магога. «...из баснотворной о Александре Великом Македонском истории пристрояют, яко в оное время бысть некий маловозрастный народ емуже имя Аджиудж и Маджиудж (которое название во правду от Гог и Магог в *Святом писании* реченных взято и из истинного пророчества в лжепророчество Кураново обращено)», — пишет Д.К. Кантемир и затем продолжает: «Сей притворный народ за пределами сего мира в другом мире паче всего пространнейшем живущий <...>

оружием Александровым пораженный и побежденный за горами *Каф*⁷ вселился, егоже Александр, создав в округ горы медную стену от сообщества с сим населенным миром (егоже арапы *Руби мексюн* нарицают) отлучил и нападение их, которые прежде зело часто творяху, пресек. И повелением Божиим народ оный даже до скончания мира за оною (юже *Седди Искендер*, то есть оплотом Александровым нарицают) медною стеною пребывати имать, о его же усилвании и тщании сотворити паки на сей мир нападение иную много лучшую буюсловят фабулу. Сказуют бо, по внегда Александр *аджуджиев* и *маджуджиев* народ стеною оною медною заключил, оный неусыпными трудами силится, во еже бы разрушив стену, паки на жителей мира сего нападение сотворити...» [8, с. 145–146, р. 246; 9, с. 269–270].

На наш взгляд, приведенные выше отрывки достаточно красноречивы и, если спроецировать их смысловое содержание на рассматриваемую нами тему, то можно сделать следующий вывод: Антиох Кантемир, названный в эпистоле Феофана «рогатым пророком», предстает перед читателем в образе борца с мировым злом, ограждающего своим сатирическим гением человечество от пороков — так же, как строитель Кавказской стены в свое время защищал ойкумену от нашествия Гога и Магога: «А ты как начал течи путь преславный, / Коим книжные текли исполины, / И пером смелым меци порок явный / На нелюбящих ученой дружины».

Наконец, у Д.К. Кантемира в полном соответствии с мусульманской традицией⁸ подчеркиваются отношения наставничества между Аристотелем и Александром Македонским: «В обозе при себе имел Аристотеля, как в философии учителя, так и в политических делах наставника» [8, с. 128, р. 220; 9, с. 253]. Такая модель будущих взаимоотношений (как известно, вполне осуществившихся) и была предложена Феофаном Прокоповичем Антиоху Кантемиру в послании «К сочинителю сатир».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев М.П.* «Пророческие рогаты» Феофана Прокоповича // *Алексеев М.П.* Сравнительное литературоведение. — Л.: Наука, 1983.
2. *[Байер Т.З.]* О стене Кавказской, чего издатель есть Т.З. Байер (пер. И. Ильинского) // Краткое описание комментария Академии наук. Ч. 1 (1726). — СПб., 1728. То же на латинском языке: De muro Caucaseo. Tractus orientalis Caucasi cum vestigiis muri veteris in eo ducti, descriptus a cellissimo principe Demetrio Cantimiro // *Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae.* Т. 1 (1726). — St.-Pbg., 1728.
3. *Бертельс Е.Э.* Роман об Александре и его главные версии на Востоке. — М.; Л.: Наука, 1948.
4. *Густерин П.В.* Первый российский востоковед Дмитрий Кантемир. — М.: Восточная книга, 2008.
5. *Жуков К.А.* Восточная титулатура Петра I в Астраханском манифесте от 15 июля 1722 г. // Тюркологический сборник 2011–2012 гг. — М.: Наука — Восточная литература, 2013.
6. *[Извеков]. Д. И-в.* Один из малоизвестных литературных противников Феофана Прокоповича // *Заря.* 1870. Август. Отд. II.
7. *Кантемир А.Д.* Собрание стихотворений. — Л.: Советский писатель, 1956.
8. *Кантемир Д.К.* Книга Систима, или состояние мухаммеданская религии // *Cantemir D. Opere complete.* VIII. Tomul II: Sistemul sau ontocmirea religiei muhammedane. Traducere, îngrijire și introduce de Virgil Cîndea, text rus ediție îngrijită de Anca Irina Ionescu. — București: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1987.
9. *Кантемир Д.К.* Книга Систима, или состояние мухаммеданская религии // Ислам как фактор формирования российской государственности и культуры, антология / сост., вступ. статья И.В. Базиленко, О.А. Воднева. — СПб.: РХГА, 2012.
10. *Лызлов А.* Скифская история. — М.: Наука, 1990.
11. *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1: Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. — СПб., 1862; Т. 2: Описание славяно-русских книг и типографий. — СПб.: Издание Т-ва «Общ. Польза», 1862.
12. *Рафиков А.Х.* Дмитрий Кантемир и его катехизис на турецком языке // Книгопечатание и книжные собрания в России до середины XIX века. — Л.: БАН, 1979.
13. *Радовский М.И.* Антиох Кантемир и Петербургская Академия Наук. — М.; Л.: Наука, 1959.
14. *Цвиркун В.И.* Димитрий Кантемир. Страницы жизни в письмах и документах. — СПб.: Нестор-История, 2010.
15. *Derbend — Nâmeḥ, or the history of Derbend, translated from a select Turkish version and published with the texts and with notes ... by Mirza A. Kazem-Beg.* — St.-Pbg., 1851.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Первоначальный текст сатиры был создан в конце 1729 г., окончательная редакция к 1743 г. Список, содержащий наиболее ранний текст сатиры, хранится в Отделе Рукописей БАН (Ф. 1, оп. 1, № 22): «Наука ободрана, в лоскутах обшита, / Из всех знатнейших домов с ругательством сбита; / И в самой богадельне места не находит, / Мразна, нага, голодна, беспомощно бродит; / Знаться с нею не хотят, бегут ея дружбу, / Как, страдавши на море, корабельну службу» [7, с. 366, 442–444].

² Полный текст стихотворной эпистолы «К сочинителю сатир» см. в: [7, с. 442–443]. На самом деле, Феофан уже был хорошо осведомлен об авторе сатиры. В автокомментариях Антиох Кантемир пишет, что «...один из его приятелей, выпросив ее прочесть, сообщил Феофану, архиепископу Новгородскому, который ее везде с похвалами стихотворцу рассеял

и, тем не доволен, возвращая ее, приложил похвальные сочинителю стихи...» [7, с. 62, 443].

³ Примеры трудных объяснений Д.К. Кантемира с членами Св. Синода по поводу издания книги см. в: [11, т. 1, с. 567–570; 14, с. 266–269].

⁴ Наиболее полная сводка предложенных толкований (вкуче с пространными рассуждениями) содержится в работе академика М.П. Алексева, впервые опубликованной в 1958 г. и переизданной в 1983 г. [1, с. 96–118].

⁵ Во время Каспийского похода семья Д.К. Кантемира, включая Антиоха, находилась в Астрахани.

⁶ Здесь мы подчеркиваем слово «развернутое». Вспомним, однако, что в 1716 г. повелением Петра был напечатан первый русский перевод Корана. Отметим также, что отличие европейских (в том числе русской) версий Александрий от соответствующих восточных версий должно было обратить на себя внимание вдумчивого читателя.

⁷ Горы (гора) *Каф* — легендарные горы на краю земли (в персидской мифологии и средневековой исламской космологии). В европейской художественной традиции и обыденных представлениях часто отождествлялись с Кавказом. С такими представлениями русский читатель был знаком, по крайней мере, уже в конце XVII в. [10, с. 171].

⁸ Как отмечает Е.Э. Бертельс, мусульманские ученые и историографы обращали особое внимание на отношения Александра и Аристотеля: это позволяло объединить вопросы политики, управления страной, военного дела с вопросами философии, этическими учениями. При таком подходе на первое место в истории Александра выходили даже не собственно его завоевания, а поиск им новых знаний, что, в свою очередь, давало возможность поставить его в один ряд с греческими философами, в то время как его борьба с зороастризмом расценивалась как подготовка почвы для распространения ислама, и это позволяло включать его в ряд пророков [3, с. 3, 16].

УДК 930.25
ББК 78.33

**СОХРАНЕННАЯ КОЛЛЕКЦИЯ:
ИЗ ИСТОРИИ БИБЛИОТЕКИ
АКАДЕМИКА Г.Ф. МИЛЛЕРА**

Наталья Юрьевна Болотина,
*кандидат исторических наук, доцент
Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ*

119571, Москва, пр. Вернадского, д. 82, стр. 1
e-mail: bolotina30@rambler.ru

АННОТАЦИЯ

Представлены результаты исследования истории богатейшей коллекции «портфелей Миллера», включающей книги, рукописи, ландкарты и другие архивные документы. Кратко дана биография Г.Ф. Миллера, отмечен вклад ученого в пополнение Московского архива коллегии иностранных дел (МАКИД). Показано непреходящее значение редких книг и документов для историков, краеведов, искусствоведов, библиофилов и др.

Ключевые слова: *рукописи, древние книги, архивы, реестры, коллекции, Екатерина II, Г.Ф. Миллер, Н.Н. Бантыш-Каменский, М.В. Ломоносов, Академия наук, Российский государственный архив древних актов.*

Знаменитый академик, историк, источниковед и архивист Г.Ф. Миллер за свою жизнь собрал богатейшую коллекцию подлинных рукописей и редких книг, которая была хорошо известна современникам и поражала заезжих иностранцев. Известный английский путешественник Уильям Кокс писал о своем знакомстве с ним в 1779 г. на обеде у князя М.Н. Волконского в Москве: «Миллер говорит и пишет свободно по-немецки, по-русски, по-французски, по-латыни и свободно читает по-английски, по-голландски, по-шведски, по-датски и по-гречески. Он обладает до сих пор изумительной памятью, и его знакомство с самыми малейшими подробностями русской истории прямо поразительно. После обеда этот выдающийся ученый пригласил меня к себе, и я имел удовольствие провести несколько часов в его библиотеке, в которой собраны чуть ли не все сочинения о России вышедшие на европейских языках; число английских авторов, писавших об этой стране, гораздо

больше, нежели я думал. Его собрание государственных актов и рукописей неоценимо и хранится в величайшем порядке» [4. С. 182–183].

Начиная с 1779 г. Миллер предпринимал решительные шаги для передачи своей коллекции в Московский архив коллегии иностранных дел (МАКИД). Ему поступали выгодные предложения и от частных лиц, в том числе от князя Г.А. Потемкина [2. С. 253–254]. В одном из своих представлений Екатерине II 20 апреля 1780 г. Миллер обращался к императрице с предложением возобновить при архиве должность историографа, учрежденную еще Петром I. Он писал о своей «немощи» и беспокойстве за судьбу архива: «На сем основании и как историографу без пристойной библиотеки быть не можно, не сомневаюсь я и на то получить Вашего императорского величества всемилостивейшее соизволение, что я намерился собственную мою библиотеку, из знатного чис-

ла весьма редких книг и не без важных манускриптов состоящую, после моей смерти посвятить публике, дабы немалые те мои для истории российской начатые труды в пользу Отечества удобным образом всегда продолжаемы были. А от Коллегии иностранных дел просить буду, чтоб позволили определить место для сей моей библиотеки при московском архиве»¹.

В «Изъяснении о моей библиотеке», составленном 8 декабря 1781 г. Г.Ф. Миллера писал, что «я снабден был всегда изобильным жалованьем, что жил весьма умеренно, время препроводил в трудах, а не в гуляниях, следовательно, по пятидесяти семилетней службе должно бы было остаться у меня немалому капиталу, но онаго нет; сбереженные у меня деньги употребил я на книги и манускрипты, дабы тем лучше исполнить по моей должности, потому что в библиотеке академической весьма нужных книг не доставало, представлял же я себе наиболее предмет книги о истории российской и о всем состоянии Российской империи... Между сими книгами есть немалое число таких, кои по их редкости и важности немного как с великим трудом и за чрезвычайную цену сысканы быть могут» [1. С. 43–63]². Книжная часть коллекции ученого состояла не только из исторических сочинений, в ней были богословские, юридические, медицинские, философские труды, и даже «школьные книги». Миллер заканчивает свое «Изъяснение» обращением к Екатерине II: «Уверен я, что величайшая государыня императрица по неизмеримой своей щедрости высочайшую свою милость до конца жизни моей ко мне продолжать, библиотеку мою и все мои письма в архив указать принять...»³.

В последние годы Г.Ф. Миллер тяжело болел и с трудом посещал архив; книги и рукописи ему приносили домой. 11 октября 1783 г. Г.Ф. Миллер скончался. Некролог редактировал его коллега видный археограф Н.Н. Бантыш-Каменский; он счел важным сделать

добавление к тексту: «Всеавгустейшая наук покровительница императрица Екатерина II благоволила пожаловать ему знатную сумму денег (20 000 рублей) за библиотеку его и рукописи, повелев оные присоединить к “Московскому иностранному архиву”»⁴.

Управляющие архивом М.Н. Соколовский, Н.Н. Бантыш-Каменский и И.Г. Стриттер должны были организовать устройство библиотеки Г.Ф. Миллера и решить все вопросы, связанные с ней. В указе об их назначении определялось, что к прежнему жалованью управляющие получали прибавку из оклада Миллера, а оставшиеся из 250 рублей «угодно было Ея величеству указать, дабы оныя употреблять на умножение и содержание библиотеки у покойного Миллера купленной»⁵. Шла постепенная работа по систематизации оставшейся коллекции и сбору всех рукописей и книг в архив. Так, например, 23 ноября и 11 декабря 1783 г. из Кабинета Ее императорского величества были возвращены рукописи, которые Миллер присылал Екатерине II для ее исторических изысканий⁶. Наиболее заинтересовавшие ее рукописи императрица приказала скопировать для себя, о чем 10 апреля 1784 г. последовало распоряжение в архив: «Как Ея императорскому величеству угодно иметь точные списки с тех сочинений, кои в приложенном здесь реестре отмечены, то по получению сего извольте в архив определить нарочистых людей, которые... те списки наискоро сделали». По этому указу для Екатерины II должны были быть скопированы старинные рукописи из собрания Г.Ф. Миллера: «Российский летописец с 1547–1576 год, разделенный на царствование государей», «Летописец от времен царя Феодора Ивановича до царя Михаила Феод(оровича)», «Описание стрелецкого бунта», документы о «Крон принцессе и царе грузинском Арчиле» и др.⁷

При жизни Миллера в архив была передана только часть коллекции, в доме историографа оставались еще руко-

писи и книги из его собрания, а также грамоты, статейные списки и некоторые другие архивные документы, взятые им в свое время для работы. Уже на следующий день после кончины Миллера управляющие архива, озабоченные судьбой теперь уже принадлежавшего государственному хранилищу собрания и старинных рукописей, предприняли шаги для их возвращения. Они сообщили в Коллегию иностранных дел 12 октября 1783 г., что «как все оные книги и дела находились в особливом покое, то мы, ниже подписавшиеся, вчера поутру с согласия покойного супруги и сына тот покой и три шкафа с книгами казенною архивскою печатью и запечатали с тем, что по погребении тела его, как те следующие в библиотеку оставшие книги, так манускрипты и другие дела, в архив принять»⁸. Наследники пытались оставить себе некоторое количество книг, ссылаясь на то, что они не были упомянуты в реестре библиотеки 1782 г. Управляющие архивом смогли только уговорить наследников опечатать эти издания у них дома и составить им реестр для последующего рассмотрения этого вопроса в коллегии.

Когда в архиве были сосредоточены все книги, рукописи и ландкарты из собрания Миллера, стало возможным подготовить подробные описи и представить их в Коллегию иностранных дел. В ходе этой работы выяснилось, что по реестру 1782 г. не хватает некоторых книг и рукописей, нашлись не внесенные в него, а часть изданий необходимо было возвратить в Академию наук. В заключении доношения «начальников» архива в коллегию от 18 марта 1784 г. было предложено: «Как ныне в архиве имеются две библиотеки: одна так называемая коллежская, другая купленная у г. Миллера, то из сего и выходит великое неудобство и затруднение не токмо в скором прииске и в расположении по разным одному существа книг и рукописей шкапам, но и в недоумении, которую из оных двух библиотек умножать новою книг прикупкою... Не угодно ли будет

государственной коллегии повелеть обе оныя библиотеки, яко действительно коллежскому архиву навсегда уже принадлежащие, соединить»⁹. Далее предлагалось для библиотеки пристроить к основному архивному зданию флигель, в котором могла бы наверху поместиться библиотека, а внизу — типография.

Всего в ходе описания коллежской библиотеки было составлено 11 реестров, шесть из которых отражали состав уникальной коллекции Миллера. В первом представлены «печатные разноязычные книги и ландкарты», во втором — описания по «оставшимся в доме Миллера печатным книгам, каковых в купленной у него для архива библиотеке недостает» (87), в третьем — «оставшимся в доме Миллера печатным книгам, каковые уже в архиве имеются» (245), в четвертом — «письменным книгам, портфелям и ландкартам, в архив вступившим», в пятом — «книгам и рукописям, коих по посланному в Санкт-Петербург прежнему реестру в доме его не найдено», и, наконец, в шестом реестре были зафиксированы «оригинальные рукописи, найденные при описании библиотеки и следующим к отдаче в императорскую Санкт-Петербургскую академию наук»¹⁰. Поскольку 1 и 4 реестры были постоянно востребованы, они, как отмечено в росписи реестров, «в библиотеке хранятся». Вопросами приема «принятия и смотрения» коллекции Миллера и архивной библиотеки занимался переводчик Мерзлюкин, которого в июле 1784 г. согласно определению Коллегии иностранных дел сменили переводчик Лев Максимович и студент Иван Ждановской, и они уже начали принимать по реестрам книги и рукописи¹¹.

Вопрос о части коллекции Миллера, оставшейся после его смерти у наследников, решил только 5 октября 1792 г. В этот день последовал указ Екатерины II: «дабы оныя от долговременного заперты лежания повредиться не могли, определено: сундуки оныя распечатать и, вынув книги, первые расположить к не-

достающему числу, а последняя, то есть дублеты, особо в шкаф поставить»¹². Около десяти лет простояли нетронутыми книги Миллера, приобретенные им после составления реестра 1782 г. или отданные для чтения в «чужие руки», но воля историка была высказана неоднократно — передать всю без исключения свою коллекцию в МАКИД.

Одной из задач по устройству собрания Миллера в архиве было разделение книг, принадлежавших Академии наук и оказавшихся у ученого, и собственно тех, которые должны принадлежать архиву. Шесть книг — 2 folio и 4 quarto — были высланы в Петербург из архива уже 28 ноября 1783 г. «через ямскую почту»¹³. В реестре № 6 значилось еще 20 книг, которые следовало переслать в Академию наук.

Вновь вопрос о передаче книг и рукописей из коллекции Миллера в Академию наук возник в XIX в. В феврале 1830 г. Академия наук запросила у архива рукописи, относящиеся к «ученому путешествию» Миллера по Сибири и истории Академии, которые обнаружил в МАКИД академик Гамель. По мнению президента Академии наук, во время пребывания историографа в Москве ему была официально поручена «редакция истории Академии, для чего протоколы и акты были по временам к нему туда пересылаемы и что от сего, вероятно, и произошло, что разных протоколов первых годов со времени учреждения Академии или вовсе не имеется в Архиве Конференции или токмо в черновых списках»¹⁴. Директор МАКИД А.Ф. Малиновский, просмотрев часть рукописей Миллера, отобрал 19 портфелей, относящихся к истории Академии наук, и отправил их в апреле 1830 г. в трех больших тюках в Петербург. Ученик Миллера, опытный архивист и знаток исторических рукописей не спешил тревожить ценную коллекцию и передавать документы архива без тщательного разбора. Малиновский пытался по возможности сохранить уникальное собрание

и писал в столицу графу вице-канцлеру К.В. Нессельроде: «Пятидесятилетняя моя служба приучила меня дорожить вверенными мне бумагами и считать Архив Российской Энциклопедией, где сосредотачиваются все отрасли государственного управления, не исключая и свободных наук, а потому испрашиваю у Вашего сиятельства дозволения: 1-е, бумаги, которые окажутся вдвойне, могут ли из них оставлять по одному экземпляру в архиве? 2-е, списанные в разных сибирских городах старинные акты, из которых многие внесены и напечатаны уже с означением принадлежности их архиву... оставлять ли в библиотеке архива, равно исторические и статистические сведения, собранные трудолюбивым и усердным Миллером?». Малиновский с возмущением пишет об академике Гамеле, который «воспользовался мнимым своим отысканием тогда, как я при нем показывал посетившему архив г. Гумбольту разные бумаги, имеющие отношение к учености и, особенно, к минералогии и геогностики»¹⁵.

Малиновскому удалось сохранить в коллекции Миллера в архиве копии «старинных актов», списанные историком в сибирских городах, о чем последовало высочайшее повеление Николая I¹⁶. Нессельроде напомнил императору о том, что желание Миллера было пожертвовать всю коллекцию архиву, и Екатериной II было пожаловано ему за это 20 000 рублей. Это стало вескими аргументами для того, чтобы считать все материалы принадлежащими архиву. В апреле 1831 г. Малиновский сообщил Нессельроде еще о 60 портфелях и рукописных книгах, отобранных им для передачи в Академию наук, которые сразу же по составлению реестров будут отправлены в Петербург¹⁷. В октябре того же года были подобраны еще 33 портфеля, а в ноябре Малиновский подготовил последние 17 портфелей.

В декабре 1898 г. Московский государственный архив министерства иностранных дел (МГАМИД) обратился

в Петербургский главный архив МИД с просьбой выслать в Москву подробные списки выделенных из архива документов. Оказалось, что составленные Малиновским реестры, кроме одного, вместе с портфелями Миллера поступили в Академию наук¹⁸. В результате в феврале 1899 г. архив получил копии описей, но в октябре 1909 г. непреходящий секретарь Академии наук в свою очередь обратился в архивы МИДа о предоставлении ему этих списков для снятия с них копий¹⁹. Директор архива князь В.Е. Львов сообщил, что описи были еще в 1899 г. напечатаны в изданной архивом работе князя Н.В. Голицына «Портфели Миллера», и послал в Академию наук экземпляр этой книги²⁰.

Приемники Миллера на посту руководителя архива не переставали заботиться об улучшении состояния библиотеки. В 1876 г. директор МГАМИД Ф.А. Бюллер обратился на Императорский фарфоровый завод с просьбой изготовить фарфоровый бюст Екатерины II для архива. Средств на покупку не было, как записал Бюллер карандашом на письме, в котором указывалась стоимость: «Архив весьма ограничен в своих средствах, и я скуп на казенные деньги». Он обратился с докладной запиской к графу А.В. Адлербергу с просьбой помочь в приобретении бюста императрицы, и обосновывал ее весомый вклад в обогащение архивного собрания: «Мудрая государыня приобрела для архива за 20 000 руб. у предместника моего по управлению сим учреждением академика и историографа Миллера все его книги и рукописи. Посему в библиотеке, размещенной в нижнем этаже архива, обновленного от щедрот государя императора, бюст императрицы Екатерины II, соответствующий по величине размерам сего этажа был бы, кажется вполне на своем месте»²¹. Уже в следующем году в помещении, где хранилась уникальная коллекция Миллера, был установлен «бисквитный бюст» Екатерины II 6 вершков на пьедестале. В настоящее время,

в РГАДА хранится пьедестал, а сам бюст волею судеб оказался в Государственной Третьяковской галерее.

Богатейшее собрание Миллера, ставшее достойным украшением собрания МАКИД (затем МГАМИД), привлекало пристальное внимание не только историков-специалистов, но и многих высокопоставленных посетителей архива. По установившейся традиции члены императорского дома и многие зарубежные главы государств и дипломаты включали в планы пребывания в Москве обязательное посещение уникальной сокровищницы документов, сравнимой по составу с богатейшими королевскими хранилищами Европы. Так, например, 12 марта 1875 г. великий князь Константин Николаевич в течение часа осматривал архив, а особо в «архивской библиотеке рассматривал портфели историографа Миллера, восточные рукописи»²².

Несомненно, наибольший интерес к коллекции Миллера проявляли все же специалисты. Историки, начиная с Н.М. Карамзина, активно использовали собранные историографом материалы, его исторические сочинения. Нередко МГАМИД предоставлял исследователям документы «портфелей Миллера» во временное пользование. Так, например, в 1910 г. в Императорскую публичную библиотеку было выслано несколько томов для занятий ученого корреспондента при историко-филологическом отделении императорской Академии наук профессора Е.К. Шмурло. В своем письме князю В.Е. Львову он сообщал, что материалы нужны ему для «сверки с бумагами Вольтера, что хранятся в здешней публичной библиотеке, по вопросу о составлении французским писателем его «Истории России ... времен Петра Великого»²³. Императорская публичная библиотека не входила в список учреждений, куда выдавались дела во временное пользование, но «в виду тех высоких гарантий сохранности, которые даны», запрашиваемые портфели Миллера (№ 55, Т. I (а); № 55, Т. II (в); № 149, Т. I, № 2)

были высланы обычной почтой. Осенью того же года все документы благополучно вернулись в МГАМИД.

Основная часть коллекции историографа — так называемые «портфели Миллера» — в настоящее время хранятся в Российском государственном архиве древних актов (Ф. № 199). Судьба рукописной коллекции Миллера не была окончательно решена и в советское время. Завещание Миллера, сохранить всю его коллекцию единой, было нарушено не только передачей материалов в Академию наук в XIX — начале XX вв. В 1951 г. в Архив внешней политики МИДа СССР из ЦГАДА была отправлена 41 ед. хр., которые были распылены по разным фондам²⁴.

Печатные издания из собрания Миллера в первые годы после революции 1917 г. были выделены и рассеяны в основном фонде русских и иностранных книг архива. Сейчас книжное собрание Миллера частично восстановлено. Из редких книг XVIII в. особую ценность представляют сочинения М.В. Ломоносова, которые Г.Ф. Миллеру удалось приобрести благодаря его особому положению конференц-секретаря Академии наук. Нет в других библиотеках страны сочинений М.В. Ломоносова «Слово похвальное Петру Великому» (1754 г.) и «Се Елизавета Петра Великого дочь» (1761 г.) [З. С. 255–263]. Подлинными жемчужинами библиотеки РГАДА являются редкие иностранные издания XVI–XVII вв. из собрания Миллера.

Интерес историков, краеведов, любителей старины к документальным богатствам и книжным редкостям коллекции Миллера не иссяк и по сегодняшний день. Редкие рукописи и книги, начиная с 1950-х гг., постоянно экспонировались на выставках в различных музеях страны. Широкий интерес общественности вызвали организованные РГАДА выставки, посвященные жизни и деятельности Г.Ф. Миллера (2005) и М.В. Ломоносова (2011), на которых достойное место занимали книги из собрания историографа

[5, 6]. Можно сказать, что судьба коллекции академика и выдающегося энциклопедиста своего времени Г.Ф. Миллера сложилась счастливо, она, как и желал историк, сохранилась, несмотря на все жизненные перипетии, в государственном архиве и по сей день служит исследователям, которые не перестают благодарить прозорливого ученого.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Болотина Н.Ю.* «После моей смерти посвятить публике». Судьба коллекции академика Г.Ф. Миллера // Исторический архив. 2006. № 1.
2. *Болотина Н.Ю.* Личная библиотека светлейшего князя Г.А. Потемкина-Таврического / Книга. Исследования и материалы. Сб. 71. — М., 1995.
3. *Долгова С.Р.* О редких академических изданиях XVIII в. в библиотеке ЦГАДА // Археографический ежегодник. 1974. — М., 1975.
4. *Коукс (Кокс) У.* По России и Польше в исходе XVIII столетия // Русская старина. 1907. № 10.
5. «От Рейна до Камчатки». К 300-летию со дня рождения Г.Ф. Миллера. Каталог выставки. — М., 2005.
6. М.В. Ломоносов и его эпоха. К 300-летию со дня рождения. Каталог выставки. — М., 2011.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ РГАДА. Ф. 180. Канцелярия МГАМИД. Оп. 1. Д. 56. Л. 91.
- ² Там же. Д. 57. Л. 214а–214а об.; Ф. 17. Д. 260. Л. 13 об.
- ³ Там же. Л. 214 об.
- ⁴ См.: там же. Д. 59. Л. 210–213.
- ⁵ Там же. Л. 232–232 об.
- ⁶ См.: там же. Л. 238, 263.
- ⁷ См.: там же. Л. 132–133.
- ⁸ Там же. Л. 206 об.
- ⁹ Там же. Д. 60. Л. 73.
- ¹⁰ Там же. Л. 90 об. Все реестры, кроме 1 и 4, находятся в этом деле; 1 и 4 вошли в состав другого фонда РГАДА.

- ¹¹ См.: там же. Л. 290а–290а об.
¹² Там же. Д. 68. Л. 245–245 об.
¹³ См.: там же. Д. 59. Л. 235.
¹⁴ РГАДА. Ф. 31. Новые дела. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–1 об.
¹⁵ Там же. Л. 4–5.
¹⁶ См.: там же. Л. 10 об.
¹⁷ См.: там же. Л. 16.
¹⁸ См.: там же. Л. 46–54.
¹⁹ См.: там же. Л. 83.
²⁰ См.: там же. Л. 85.
²¹ РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 3132. Л. 4–4 об.
²² См.: там же. Д. 2949. Л. 28.
²³ Там же. Д. 3332. Л. 1.
²⁴ См.: РГАДА. Дело фонда № 199. Л. 5–9.

УДК 021.13
ББК 78.33

**О ПРОБЛЕМЕ СОХРАННОСТИ БИБЛИОТЕЧНОГО ФОНДА
НА ПРИМЕРЕ БИБЛИОТЕКИ
ТРОИЦКОЙ ЛАВРСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ
(конец XVIII – начало XIX вв.)**

Павел Владимирович Пичугин,
*начальник отдела
Российский государственный
социальный университет*

129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1
e-mail: Pichugin-pavel@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Автор статьи, изучив архивные документы Троицкой Лаврской духовной семинарии, показал пути решения проблемы ее сохранности – разыскание пропавших книг и их восстановление в фондах. Особо подчеркнута в этом роль преосвященного Платона (Левшина).

Ключевые слова: *сохранность фондов, преосвященный Платон (Левшин), библиотекарь, Троицкая Лаврская духовная семинария, утраченные книги, каталог, расписка, архивные документы.*

«Проблема формирования, интеграции и сохранности информационных ресурсов, – по мнению академика РАН В.И. Жукова, – является одной из ключевых в современном развитии библиотечного дела. От ее успешного решения во многом зависят эффективность работы российских библиотек, их социальная роль, общественное признание ...сохранение библиотечного фонда – одно из основных направлений деятельности любой библиотеки, будь то крупнейшие, национального уровня, обладающие ценными

книжными памятниками, или районные, ведомственные библиотеки, имеющие небольшие, но часто весьма специфические, нестандартные фонды» [2. С. 377].

Сегодня, в XXI в., на самом высоком уровне решается данная проблема [3, 4]. Как решалась она в XVIII столетии? По мнению Глазкова М.Н.: «Проблемы сохранности фондов были значимыми во все эпохи существования библиотек. Но особую остроту они приобрели после декларирования публичности и широкой доступности библиотечного обслужи-

вания. В России это произошло в XVIII столетии, во многом в связи с петровскими реформами. Поскольку библиотеководения как такового еще не существовало, не имелось эффективных технологий защиты, отсутствовали соответствующие законодательно-административные нормы охраны библиотечных ценностей, то практически все зависело от человеческого фактора: уровня квалификации и ответственности книгохранителей» [1. С. 172].

Автор полагает, что преосвященный Платон (Левшин) внес весомый вклад в развитие отечественного библиотечного дела, несмотря на то, что у него отсутствуют работы, посвященные этой теме. Но, поскольку он старался решить на практике проблему сохранности фонда в московской метрополии, то, соответственно, считал, что библиотекарь несет полную ответственность за библиотечный фонд, а если при ревизии обнаруживалась недостача, то с него необходимо было удерживать стоимость утерянных книг.

Преосвященный Платон (Левшин) требовал строго соблюдать сохранность фондов библиотеки Троицкой Лаврской семинарии. Когда учитель Амвросий Подобедов в 1768 г. передавал дела новому библиотекарю — Михаилу Ильинскому, то выяснилось, что судьба 37 книг оказалась неизвестной. Было проведено расследование по факту отсутствия книг, установлено, что при передаче библиотеки предшественником Амвросия Петром Зерновым не все книги, согласно каталогу, были налицо. Далее были обнаружены записи о том, какое количество книг не было передано иеромонахом Афанасием библиотекарю П. Зернову, а также наведены справки о приеме книг лицами, ранее исполнявшими обязанности библиотекаря (иеромонах Парфений, учитель Иван Панов, учитель Игнатий Калинин). Потерянных книг было много, а на полках стояли другие, не отраженные в библиотечном каталоге. Об этом доложили Платону, представив перечень утерянных книг. Последовала резолюция: «1) от Ам-

вросия (который поступил на должность проповедника в московскую академию) требовать, чтобы утраченные при нем книги были возвращены; 2) за книги, которые не отыщутся, заплатить деньгами; 3) те книги, которые в разное время выданы были без росписок бывшим настоятелям лавры Арсению, Афанасию, Гедону, также келарю Иннокентию и другим духовным и мирским людям, из которых многие и умерли, если не отыщутся, из каталога исключить; 4) книги другого названия, оказавшиеся в библиотеке на месте утраченных, равно как и излишние книги, которые, неизвестно как перешли в библиотеку, вписать в каталог под их названиями; 5) как выше значит, что из семинарской библиотеки в прошлых годах прежде бывшими содержателями книги выдаваемы были по слабости их смотрения разным людям без всяких росписок, да и обратно требованы были спустя немалое время, чрез что несколько тех книг и растеряно; того ради отныне впредь будущим при семинарии библиотекарям подтверждается: имеющиеся в библиотеке всякия книги под смотрением своим содержать и хранить в целости, и из оных никому и ни на какое время без собственных росписок, и то не больше, как на год, а на сторону и совсем никому не давать; кому же выданы будут, оныя чрез полгода осматривать, имеются ли они в целости, и для того иметь при себе настольную записную тетрадь; а если от несмотрения чьего, хотя мало что утрачено будет, оное все взыщется с него без всякаго упущения вдвое» [9. С. 382–383].

Только к 1770 г. некоторые пропавшие книги были возвращены в библиотеку Амвросием, а за остальные он уплатил деньги. Книги, потерянные при прежних библиотекарях, были списаны. Библиотекаря М. Ильинского обязали составить новый каталог с указанием места и года издания книги. Однако при передаче Ильинским библиотеки в 1775 г. библиотекарю Амвросию Серебренникову выявилась новая недостача до 60 книг, среди которых были рукописные. В представ-

лении о потерянных книгах Платон сделал надпись: «которые книги у кого под росписками состоят, и они живы, с тех взыскивать книгами ж или деньгами; а которые умерли, или неизвестно где находятся, те оставить и из каталога исключить, а в коих книгах росписок нет, а они не найдены и чрез месяц не отыщутся, за те с Ильинскаго взыскать книгами таковыми, или деньгами по настоящей цене» [9. С. 384].

Строгие порядки относительно сохранности фонда не решили проблемы — книги терялись, но только в меньшем количестве. Так, в 1782 г. при передаче учителем иеромонахом Гедеоном библиотеки учителю Михаилу (Мефодию) Смирнову 11 книг не оказалось на месте. По этому случаю Платоном была сделана следующая резолюция: «...семинарской конторе рассмотреть, есть ли росписки на тех, на коих теперь книги неявившимися состоят, и почему при отпуске тех людей книг от них не отбирано, или не взыскано, и контора при увольнении семинаристов от семинарии, библиотекарю давала ли знать, и если не давала, то почему, и от кого теперь те книги взыскать следует натурою, или деньгами, и по сколько, — представить с подробными обстоятельствы и со мнением» [9. С. 384–385].

Учитель Петр Остроумов, принимая библиотеку от Мефодия, обнаружил, что к утерянным ранее книгам прибавилось еще, и по оценке Учрежденного собора с Мефодия надлежало удержать сумму в 115 руб. Однако преосвященный Платон простил Мефодию, занимавшему должность ректора, эту недостачу, мотивируя, что среди утерянных книг большинство — учебная литература. В 1789 г. по смерти П. Остроумова библиотеку принимал назначенный на должность библиотекарь Алексей (в монашестве Августин) Виноградский. При этом книг на сумму в 60 руб. опять не оказалось на месте. Резолюция Платона была такой: «весьма сожалительно, что книги по нерадению содержателей и в столь немалом

числе пропадают. Деньги (оставшиеся после Остроумова) удержать в казне и на оныя всемерно стараться купить такие же книги, какия пропали, кроме тех, кои нами зачернены, кои или для семинарии ненужны, яко маловажные, или оных и купить неможно. Между тем пропавших книг всемерно отыскивать, или хотя росписок: ибо они конечно или у учителей, или у семинаристов должны быть на лице» [9. С. 385–386].

В «Деле о истребовании от семинариста Кондрата Орлова книги "Свободные часы" и о доставке ее в Крутицкую консисторию (1785, февр. 25–26)» (4 л.) [5] читаем документ, отправленный из Учрежденного Собора Троицкой Сергиевой Лавры в Семинарскую Кантору: «Сего февраля 24 дня 1785-го года присланным во оный Собор из Крутицкой д[у]ховной Консистории Сообщением требуется присылкою взятой из Семинарской библиотеки под росписку философии Учеником Кондратом Орловым обучающимся н[ы]не в Лаврской Семинарии книги под названием Свободных часов, том первый 1765-го года на генварь, или подлежащих за нее денег. И для того учрежденным собором ОПРЕДЕЛЕНО, о истребовании от показанного Орлова оной книги, или подлежащих за нее денег, и по истребовании о присылке во Учрежденный Собор, для доставления в Крутицкую д[у]ховную Консисторию, в Семинарскую Кантору Сообщить писменно, о чем Сим и Сообщается, февраля 25 дня 1785-го года Казначей Иеромонах Иоанникий. Канцелярист Петр туленин» [5. Л. 2]. Подобным образом требовали от семинаристов соблюдать установленный порядок.

Вот как отражено решение проблемы сохранности фонда в деле «Правила поведения семинаристов и инструкция инспекторам семинарии» (1787, сент. 26) (12 л.), [6] в разделе: «Образ поведения...

“15” При общих отпусках отежающим в дом, так же увольняемым совсем из Семинарии, отдавать книги казенные Библиотекарю в Библиотеку, а естли, ко-

торая кем утрачена будет, о такой немало не медля объявлять своему инспектору и Библиотекарю» [6. Л. 4 — об. 5].

Приведем одно из Представлений, поданных от Лаврского Семинарского правления на имя Митрополита Московского и Коломенского Платона (Левшина). «...Резолюциею Вашего Высокопреосвященства последовавшею 1801 года августа 3 дня Сделан при здешней семинарии на место бываго здешней Семинарии Ректора архимандрита Августина, библиотекарем Реторики учитель, ныне префект, Соборный иеромонах Сергей. Но поелику ему Префекту, так как и другими должностями занятому, быть более библиотекарем затруднительно, да и поручить библиотеку одному, как прежде, из учителей, по причине нередкой их перемены, предвидится невыгодным; а для сохранения библиотеки в большем порядке и целости, определить непременно библиотекаря, признается за надежнейшее...» [7. Л. 1]. Здесь Лаврское семинарское правление высказывает озабоченность о сохранности библиотечного фонда семинарской библиотеки. Затем следует примерная инструкция, как библиотекарь должен справляться со своими обязанностями: «...Всегдашняго же определить библиотекаря разсуждаем на следующем основании. Как библиотекарь есть хранитель книг, то новому библиотекарю, приняв все книги от старого по каталогам, пещись о сохранении библиотеки во всеможней целости.

Для сего:

1. Выдавать ему книги Ректору, Префекту, учителям, студентам, ученикам реторики и поэзии, с роспискою в книге, нарочно для того от Семинарсаго правления ему библиотекарю выданной; которую книгу, так как и каталоги хранить всегда на столе в библиотеке.

2. Ректору, Префекту и учителям можно поверять всякую книгу; Студентам книг важных и дорогих не давать.

3. Из Самых классических и недорогих книг, Студентам и ученикам не всякую давать, но какая кому назначена

будет от учителя: и для сего студенты богословии должны брать книги в присутствии Ректора, Студенты философии при Префекте, ученики реторики и поэзии при своих учителях.

4. Выдавать Студентам и ученикам книги в год двукратно, после Рождества Христова, и после вакации, а возвращать оныя, пред Рождеством Христовым и пред вакациею, в день Семинарским правлением назначенной.

5. По отобрании книг у студентов и учеников, библиотекарь репортует семинарскому правлению, все ли книги возвращены в целости. Естли кем книга будет потеряна, или очень избита; того правлению обязывать подпискою пот[е]р[я]нную книгу вскорости отыскать, а избитую переплести и представить библиотекарю. В противном случае о потерявшем книгу библиотекарь представляет Вашему Высокопреосвященству, а с повредившаго переплет делает взыскание Семинарское правление.

6. Когда кто будет отбывать из Семинарии; то библиотекарь, по предварительному от Семинарсаго правления о сем уведомлению, все казенныя книги у отбывающаго должен отобрать; и всели будут отобраны, немедля репортовать Семинарскому правлению. До возвращения всех книг в целости никто не может быть уволен из Семинарии.

7. Признается сверх сего за нужное библиотеку ежегодно пересматривать: для сего семинарское правление по наступлении вакации имеет подавать доклад Вашему Высокопреосвященству о назначении, кому соблаговолено будет осмотреть все книги по каталогам. В каком положении библиотека будет найдена, о том, делавший осмотр немедленно должен репортовать Вашему Высокопреосвященству.

8. Каждая вновь поступившая книга объявляется библиотекарю, и вносится в каталог» [7. Л. 1 — об. 1].

Таким образом, на основе архивных документов, подробно представлены пути решения проблемы сохранности биб-

лиотечного фонда, а также идеальный образ, которому должен соответствовать библиотекарь-профессионал.

Еще один документ «Дело о возвращении казенных книг бывшим наместником Спасо-Вифанского монастыря архимандритом Мелхиседеком в библиотеку Троице-Сергиевой семинарии» (1803, ноября 4) характеризует, как решалась проблема сохранности фонда в означенный период. Приведем документ полностью: «Святотроицкой Сергиевой лавры из Учрежденного Собора в Лаврское Семинарское Правление во исполнение Словеснаго Его высокопреосвященства приказания объявленнаго отцем казначеем Иеромонахом Макарием в сем Соборе Определено: в Лаврское Семинарское правление Сообщить и требовать уведомления: не забраны ли бывшим Сей Лавры наместником и Спасовифанскаго монастыря Архимандритом Мелхиседеком из Семинарской библиотеки каких книг, и Естьли окажутся, оные от него вытребовать, и все ли будут вытребованы, или коих не окажется, Учрежденному Собору с приложением реэстра и с показанием цены дать Знать в самоскорейшем времени ноября 4-го дня 1803 года.

Духовник Соборный Иеромонах Ювеналий
Секретарь Иосив Сергиевский»
[8. Л. 2].

Далее последовал рапорт префекта семинарии, который исполнял обязанности библиотекаря: «По Сему Учрежденного Собора Сообщению Я Лаврской Семинарии Префект и библиотекарь Иеромонах Сергей объявляю, Что На бывшем в Троицкой Лавре Наместнике Архимандрите Мельхиседеке имеется одна Казенная Книга. Латинская, под Заглавием: *Hugonis Grotii Jus. belli et pacis in 8°*, в пергамене, без означения цены в каталоге, взятая им с роспискою и доселе по требованию не возвращенная... Оная книга упомянутым наместником отыскана и возвращена. Префект и библиотекарь Иеромонах Сергей. 1803 года ноября

4 Дня, сообщить по оному пр[и]казанию, в Учрежденный Собор троицкой лавры.

Ректор Соборный Иером[онах]
Префект Соборный Иером[онах]
Сергий» [8. Л. 2 об.].

«Святотроицкия Сергиевы Лавры из Семинарского правления

Оныя Лавры в Учрежденный Собор Присланным в Лаврское Семинарское правление Святотроицкия Сергиевы лавры из учрежденнаго собора сообщением требовано уведомление: не имеется ли на бывшем в оной лавре наместнике архимандрите Мелхиседеке каких либо казенных Семинарской библиотеки книг, и Ежели окажутся, оные от него вытребовать, и все ли будут вытребованы, или коих не окажется, учрежденному собору, с приложением реэстра и с показанием цены, дать знать. А как по объявлению Семинарский господин библиотекарь и префект Соборный Иеромонах Сергей Объявил, что на бывшем Господине отце наместнике и Архимандрите Мелхиседеке, *одна казенная латинская книга под названием: Гугена Гроция право войны и мира, в осьмушку, в пергамене, которой цены в каталоге неозначено; и которая по требованию в библиотеку не возвращена:* почему в Лаврском Семинарском правлении определено: Сообщить о Сем в Учрежденной Троицкия Лавры Собор, и сообщается ноября дня 1803 года.

... было за подписанием отца префекта 1803 года Июля 5 дня» [8. Л. 4].

Остается неизвестным, возвратил ли должник книгу в семинарскую библиотеку, но указанные выше документы говорят о том, что руководство семинарии трепетно относилось к вопросу сохранности библиотечных книг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глазков М.Н. Человеческий фактор в деле сохранности библиотечных фондов в XVIII в. / М.Н. Глазков // Библиотечно-информационная деятельность в условиях

История библиотек

- модернизации общества: мат-лы 16 Междунар. науч. конф. (г. Москва, 27–28 апреля 2011 года). — М.: МГУКИ, 2011. — С. 172–174.
2. Жуков В.И. Россия в глобальном мире: философия и социология преобразований / В.И. Жуков. — Изд. 2-е, перераб. и доп. в 3-х тт. — Т. 3. — М., 2007. — 614 с.
3. Национальная программа сохранения библиотечных фондов России: подпрограмма «Книжные памятники Российской Федерации» 2001–2009 гг. / М-во культуры РФ; Рос. гос. б-ка; [сост. А.Ю. Самарин]. — М., 2009. — 176 с.
4. Национальная программа сохранения библиотечных фондов России: подпрограмма «Консервация библиотечных фондов» 2001–2008 гг. — М., 2008. — 160 с.
5. НИОР РГБ. Ф. 757. Троицкая Лаврская духовная семинария. К. 47. Ед. хр. 4. 4 лл.
6. НИОР РГБ. Ф. 757. Троицкая Лаврская духовная семинария. К. 51. Ед. хр. 18. 12 лл.
7. НИОР РГБ. Ф. 757. Троицкая Лаврская духовная семинария. К. 83. Ед. хр. 8. 24 лл.
8. НИОР РГБ. Ф. 757. Троицкая Лаврская духовная семинария. К. 84. Ед. хр. 31. 4 лл.
9. Смирнов С.К. История Троицкой лаврской семинарии. — М., 1867. — 586 с.

УДК 025.354
ББК 72.3г(2)

**АКАДЕМИК В.М. АЛЕКСЕЕВ —
ЧИТАТЕЛЬ БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУК:
по материалам Синологической картотеки В.М. Алексеева**

Татьяна Игоревна Виноградова,
*кандидат исторических наук,
заведующий Отделом литературы стран Азии и Африки
Библиотека Российской академии наук*

199034, Санкт-Петербург, В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: ptat-vinogradova2008@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Автором по материалам Синологической картотеки академика В.М. Алексеева сделаны выводы о состоянии библиотечного дела и обслуживания читателей в советские годы. Отмечается пристальное внимание ученого к проблемам Библиотеки Академии наук. Об этом свидетельствуют записи на библиографических карточках, расчеты для устройства Института востоковедения на новом месте, доклад на библиотечной конференции 27.12.1936. Дан подробный анализ его заявок на книги по межбиблиотечному абонементу. Показан вклад академика в совершенствование организации китайских каталогов Азиатского музея.

Ключевые слова: *Синологическая картотека, академик В.М. Алексеев, библиографические карточки, Институт восточных рукописей, Библиотека Академии наук, комбинации циклических знаков, библиотечное обслуживание, литература на китайском языке, заклинания.*

Синологическая картотека академика В.М. Алексеева представляет собой библиотечный куб старинного образца из 22-х каталожных ящичков, в настоящее время он находится в помещении библиотеки Института восточных рукописей РАН. Куб был перевезен в Институт из домашнего кабинета академика после его кончины в 1951 г. На известной фотографии можно видеть ученого в своем домашнем кабинете за рабочим столом рядом именно с этим каталогом (Рис. 1).

Синологическая картотека представляет собой опись личных документов и коллекций ученого, которую он вел в течение многих лет. Картотеку можно считать ключом к архиву Василия Михайловича, который шифровал все документы и материалы при помощи комбинаций циклических знаков¹ и арабских цифр (шифры полок и шкафов), эти

шифры перенесены на карточки картотеки. На 90% Синологическая картотека

Рис. 1

состоит из библиографических карточек, остальное — свидетельства жизни ученого, описанные и систематизированные им самим. Карточки распределены по тематическим рубрикам, расположенным в порядке русского алфавита. За последние годы нами были проанализированы некоторые темы, в результате чего увидела свет следующая серия статей².

Картотека содержит ряд документов, непосредственно связанных с Библиотекой Академии наук, включая заявки на книги, списки книг, взятых и возвращенных в фонды. Несомненный интерес представляют краткие записи ученого о состоянии библиотечного дела и совершенствовании обслуживания.

Прежде всего, следует иметь в виду, что Азиатский музей, преемником которого является нынешний Институт восточных рукописей РАН со всеми его многочисленными рукописными и книжными фондами, находился непосредственно на 5 этаже главного здания Библиотеки (Биржевая линия, дом 1). Являясь хранителем и научным сотрудником Азиатского музея, В.М. Алексеев долгие годы ходил сюда на работу, что облегчало ему доступ к основным книжным фондам.

Один из документов (крайне редко В.М. Алексеев вставлял в свой рабочий каталог подлинники) — объявление о заседании секции литературоведения Института востоковедения в кабинете дирекции Института (Рис. 2). Известно, что окна дирекции выходили на Менделеевскую линию, т.е. размещалась она в кабинетах напротив центрального лифта главного здания Библиотеки, на пятом его этаже.

В.М. Алексеев очень многое сделал для организации китайских каталогов Азиатского музея, комплектования его фондов литературой на китайском языке и новейшими работами западных сиологов, повышением библиографической подготовки коллег-китаистов. Этому есть множество свидетельств в его Картотеке, они станут предметом дальнейшего исследования.

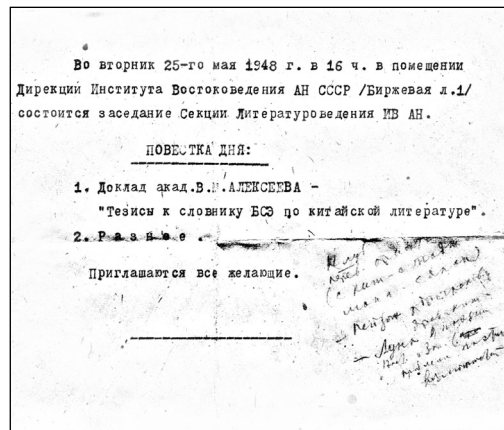

Рис. 2

Остановимся на материалах, связанных непосредственно с БАН:

亥³ 1124, 21 Книги, взятые мной из БАН возвр. к 1 сент. 1937.

亥 1331, 10 Расписка на книги, взятые мною из библи. АН I-III 1940.

Ученый пользовался услугами межбиблиотечного абонемента. Свидетельство тому — вложенная в картотеку заявка на книгу Charcot. Les démoniaques dans l'art. Paris, 1887, взятую в ГПБ 2 февраля 1946 г. и имеющую печать «Возвращено. Библиотека Академии Наук СССР» (Рис. 3). Помещена заявка в рубрику «Заклинания», в общий алфавит литературы по теме. Обычно В.М. Алексеев специально писал карточки для библиографических разделов своей Картотеки, иногда по многу раз для различных рубрик.

Книга известного невропатолога Ж.-М. Шарко (Jean-Martin Charcot) (1825–1893) написана в соавторстве с его ассистентом Полем Рише (Paul Marie Louis Pierre Richer) (1849–1933), анатомом, физиологом, художником и скульптором, позднее профессором художественной анатомии в Высшей национальной школе изящных искусств в Париже, членом Национальной медицинской академии. Название следует перевести как «Безумие в искусстве», или «Бесноватые в искусстве», именно этим термином оперирует словарь Брокгауза и Ефрона. В словар-

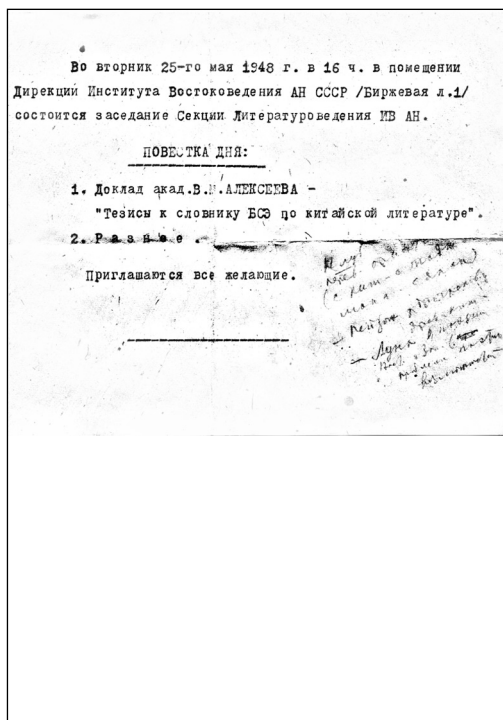

Рис. 3

ной статье отмечается, что Шарко и Рише не нашли в большинстве картин и скульптур европейского искусства точных изображений реального клинического безумия — они «мало соответствуют живой действительности» [2. С. 261].

Интересно, что к теме безумия в искусстве В.М. Алексеев обратился в 1946 г. Основная его работа, связанная с этой проблематикой, относится к 1926 г. Это английская лекция «The demons' destroyers in Chinese popular religion (with illustrations)», прочитанная в Школе востоковедения Лондонского университета и опубликованная в посмертно изданном сборнике его трудов по китайской народной картине под названием «Заклинатели демонов в китайских народных верованиях и изображениях» [1. С. 207–226]. Речь в статье идет об иконографии главных апотропаических божеств китайской народной религии — Люй Дун-бине, Чжун Куе/Пхаре⁴, Чжан Тянь-ши. Материа-

лы рубрик «Заклинания», «Амулеты», «Талисманы» свидетельствуют о том, что В.М. Алексеев располагал гораздо большим количеством материалов, чем те, которые были использованы при подготовке английской лекции. О том, что ученый постоянно обращался к этой тематике, свидетельствует и заявка на книгу, датированная 1946 годом. Заметим, что китайское народное искусство не знает изображений безумцев, т.е. людей, одержимых демонами, есть только картины-иконы экзорцистов, сопровождаемые для убедительности надписями-заклинаниями.

В Картотеке есть отдельная рубрика «Дети наши», содержащая материалы о том, как В.М. Алексеев самостоятельно занимался обучением своих трех детей. В нее включены записи, свидетельствующие о том, что ученый брал книги из БАН для детей:

№ 892/16. Л.В. Щерба. Список рекомендованных и доставленных мне книг «Lecture, explication du texte»⁵.

№ 892/19. Книги из БАН для чтения в 1935 г. (весна).

В.М. Алексеев всегда сам занимался организацией своей громадной домашней библиотеки, делал замеры, чертежи полок: об этом свидетельствуют карточки из рубрики «Быт наш».

№ 1316, 14. Метры моих книжных полок (перед переездом на новую квартиру в 1931 г.).

Со знанием дела взялся ученый за расчет обустройства Института востоковедения по новому адресу:

Nova 15/40. К делу о предположении переезда ИВАН в «Михайловский дворец» 14.12.48.

Nova 23/4. Мой проект. Набросок переезда в д. 18 по Дворцовой набережной.

Nova 67/19. Расчеты дворца Дворцовая набережная 18 для переезда Института востоковедения.

Одной из своих первоочередных задач вижу в отыскании в архиве академического текста доклада, который упоминается в Картотеке:

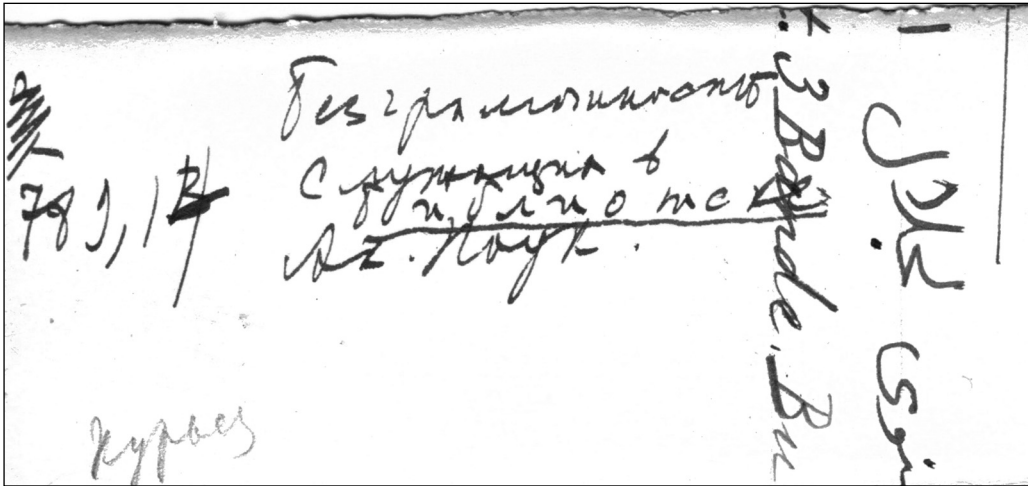

Рис.4

Доклад мой на библиотечной конференции 27.12.1936 «Место восточной книги в фундаментальных библиотеках СССР».

О постоянном внимании В.М. Алексеева к проблемам библиотек свидетельствуют записи о прочитанных в газетах статьях на эту тему. Карточки эти помещены в особую рубрику об ужасах советского быта:

№ 1388/1. Книга и читатель (чудовищные цифры книжных краж).

№ 1422/17. ...Только за один год библиотеки Ленинграда недосчитались 105 000 томов.

Есть упоминание о БАН и в рубрике «Курьезы», в которую В.М. Алексеев помещал заметки о забавных, грустных или нелепых обстоятельствах окружающей жизни. Одна из записей гласит:

№ 789, 14. Безграмотность служащих в библиотеке Академии наук (подчеркнуто В.М. Алексеевым — Т.В.) (Рис. 4).

Карточка не датирована, но на ее оборотной стороне виден фрагмент библиографического описания книги, вышедшей в 1940 г.; скорее всего это каталожная карточка библиотеки Института востоковедения. Возможно, в архиве В.М. Алексеева удастся обнаружить документ с точным описанием его претензий к сотрудникам БАН.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В.М. Заклинатели демонов в китайских народных верованиях и изображениях // Алексеев В.М. Китайская народная картина. Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях. — М.: ГРВЛ, 1966. — 258 с.

2. Н.В. Бесноватые // Энциклопедический словарь. Издатели Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. 5. — СПб.: Типо-литография И.А. Ефрона, 1891.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Циклические знаки — традиционная китайская система обозначения цифр от 1 до 12, отличная от простого порядкового перечисления цифр, использует особые иероглифические знаки, обозначающие изначально годы двенадцатеричного астрономического цикла, применяется при летоисчислении в сочетании с другой группой из 10 знаков, а также в филологических и философских трактатах для построения перечня.

² *Виноградова Т.И.* Академик В.М. Алексеев и его каталоги (по материалам Синологической картотеки В.М. Алексеева) // 44 научная конференция Общество и государство в Китае.

Т. 44. Ч. 1. — М.: ИВ РАН, 2014. (Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 12). — С. 541–548; *Виноградова Т.И.* «Картинки прибыли, покупайте картинки!» // 44 научная конференция Общество и государство в Китае. Т. 44. Ч. 2. — М.: ИВ РАН, 2014. (Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 12). — С. 765–772; *Виноградова Т.И.* Некоторые аспекты педагогической деятельности академика В.М. Алексева (по материалам его синологической картотеки) // Россия–Китай: история и культура: сборник статей и докладов участников VI международной научно-практической конференции. — Казань:

Изд-во «ЯЗ», 2014. — 588 с. — С. 38–45; Материалы синологической картотеки академика В.М. Алексева, касающиеся деятельности востоковедных учреждений Ленинграда и Москвы // Общество и государство в Китае: Т.43. Ч. 2. — М.: ИВ РАН, 2013. (Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 9). — С. 286–295.

³ Циклический знак *хай*, первый знак двенадцатеричного цикла.

⁴ Подробнее об этом персонаже см.: *Виноградова Т.И.* Ракурсы Чжун Куя // Россия и Китай. Сборник научных статей. К 60-летию КНР. — СПб.: БАН; Альфарет, 2009. — С. 121–144.

⁵ «Чтение, объяснение текста» (*фр.*).

УДК 001/008
ББК 78.33г

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
И АКАДЕМИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА:**

кросс-культурные научные связи двух славянских культур

Надежда Николаевна Елкина,
*кандидат педагогических наук,
научный сотрудник группы «Энциклопедия БАН»
Библиотека Российской академии наук*

199034, Санкт-Петербург, В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: encycl@rasl.nw.ru

АННОТАЦИЯ

Статья нацелена на то, чтобы показать, что кроме влияния в XVIII–XIX вв. на развитие российской науки западноевропейских ученых, существенную роль на нее оказали выходцы с Украины — известные деятели науки и библиотечного дела. Приведены их содержательные биографии, представлены портреты и документы.

В свете сегодняшних тенденций, происходящих в глобальном мире, необходимо напоминать о подобных исторических параллелях.

Ключевые слова: *Петербургская академия наук, Библиотека Академии наук, славянские культуры, биографии ученых, Россия, Украина, Петр I, библиотекари.*

Термин «кросс-культурные исследования» был введен в научный оборот в 1949 году. В настоящее время он содержит более 700 тематических категорий⁴⁸. Профессор Пенсильванского государст-

венного университета (Филадельфия, США), президент Общества кросс-культурных исследований Гарри Чик в одном из своих определений культуры предлагает рассматривать ее как информацию,

а «любую отдельно взятую культуру как “информационную структуру”, в которой информация принимается или создается, отыскивается, передается, используется и даже утрачивается». Носителями информации, ее создателями и представителями является определенная социальная группа, «ее поведение, идеи, достижения, включая их воплощение в артефактах»⁴⁶.

Российская академия наук и ее библиотека создались трудом представителей многих национальностей. Взаимоотношения двух славянских культур, с акцентом на Россию и Украину, показаны через краткие биографии ученых, преимущественно в первые два столетия существования Академии наук и ее библиотеки.

В истории русского просвещения XVII и XVIII столетий два момента в особенности останавливают внимание исследователя — это заведение академии в Киеве

Рис. 1. Петр Первый

Рис. 2. Петр Могила

Петром Могилою и заботы Петра Великого о распространении знаний в России.

Оба эти события — одно в начале XVII, другое — в первые годы XVIII века имели огромное влияние на последующий ход русского просвещения.

Влияние Киева на русское просвещение начала XVIII века отмечал еще доктор русской истории *honoris causa*, академик Петр Петрович Пекарский. Им немало написано о роли Украины в истории российской науки.²⁷

Русское образование, по мнению Пекарского, при Петре слагалось из двух стихий — киевской учености, перенесенной из Польши, и европейского просвещения, заимствованного из Голландии, Германии, отчасти Англии, Франции и даже Италии. Киевская ученость имела заметный перевес, поскольку за ней было право давности; европейское же образование, вследствие причин исторических, усваивалось с трудом и, за исключением самого царя, да двух или трех его прибли-

Люди и книги

Рис. 3. П.П. Пекарский

Рис. 4. Феофан Прокопович

Рис. 5. Г.В. Козицкий

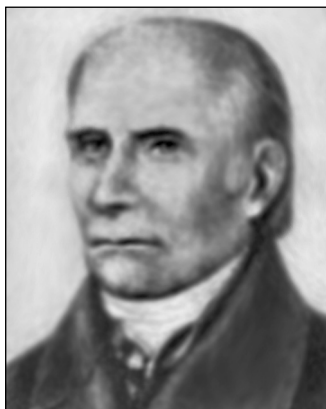

Рис. 6. А.А. Загорский

Рис. 7. В.Я. Буняковский

Рис. 8. М.В. Остроградский

Рис. 9. П.И. Кешен

Рис. 10. К.Г. Разумовский

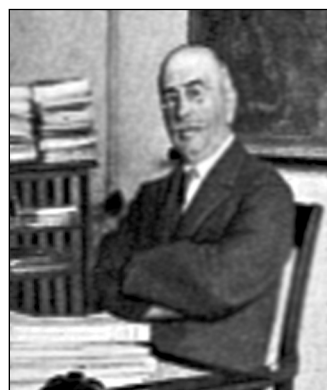

Рис. 11. Г.А. Надсон

женных, как писал П.П. Пекарский, — не имело в России замечательных представителей²⁸.

Одним из таких замечательных представителей, по мнению П.П. Пекарского, был ректор Киево-Могиланской академии (1710–1716) Феофан Прокопович, известный теолог, поэт, математик. Феофан, попав в юности в киевскую академию, скоро «превзошел товарищей и сверстников особенным прилежанием, отличною памятью, умом любезным и элегантным»²⁹.

По наблюдениям Пекарского, на Украине и в России, как и в европейских государствах, особенно после реформации, наука шла вперед и «не для поддержания какого-нибудь одного сословия, не в видах усиления преимуществ только избранных лиц, но на пользу всем и каждому, кто только хотел обратиться к ней»³⁰.

Российская академия наук, образованная как Императорская Петербургская академия наук, созидалась трудом представителей многих национальностей. С первых лет ее существования в Санкт-Петербургской Академии наук работали виднейшие европейские ученые: *швейцарцы* — Яков Герман, Даниил и Никола Бернулли, Леонард Эйлер; *немцы* — Георг Бернгард Бюльфингер, Христофор Гросс, Иоганн Христиан Буксбаум, Христиан Гольдбах, Иоганн Георг Дювернуа, Герард Фридрих Миллер, Иоганн Симон Бекенштейн, Иосия Вейтбрехт, Иоганн Георг Лейтман, Георг Вольфганг Крафт, Иоганн Георг Гмелин; *французы* — Жозеф-Никола Делиль, Луи Делиль де ла Круайер³³.

Только в 1733 году в Академии наук появился первый отечественный сотрудник — адъюнкт, а впоследствии почетный член Академии наук, уроженец Новгорода Василий Евдокимович Адодуров³⁴. С середины 1740-х годов ряды отечественных ученых пополнили пскович Григорий Николаевич Теплов, холмогорский уроженец Михаил Васильевич Ломоносов, москвич Степан Петрович Крашенинников, астраханец Василий Кирил-

лович Третьяковский, уроженец Юрьева-Польского Суздальской провинции Никита Иванович Попов³⁵.

В 1750-е годы в Петербургской академии наук трудились: уроженец Владимирской провинции Степан Яковлевич Румовский, уроженец Новгородской губернии Михаил Софронов³⁶.

Начало службы в Санкт-Петербургской Академии наук выходцев с Украины было положено киевлянином Григорием Васильевичем Козицким, воспитанником Киево-Могиланской академии, произведенного 1759 года в адъюнкты Академии наук³⁷, литературным деятелем екатерининской эпохи.

В 1779 году адъюнктом по химии Петербургской Академии наук был избран уроженец Харьковской губернии Федор Петрович Моисеенко, минералог, адъюнкт Академии наук. С 1802 года начал свою деятельность в Академии наук ботаник, медик и фармацевт, академик, уроженец Киевской губернии, врач, профессор Императорской медико-хирургической академии, анатом и физиолог Тимофей Андреевич Смеловский. В 1805 году — медик, академик, украинец Петр Андреевич Загорский; в 1828 году — математики украинцы Виктор Яковлевич Буняковский и Михаил Васильевич Остроградский; в 1837 году — экономист, статистик, этнограф и библиограф, академик, украинец по месту рождения (Харьков), Петр Иванович Кеппен, который много и плодотворно сотрудничал с Библиотекой Академии наук³⁸.

Практически всю вторую половину XVIII века, с 1746 по 1798 год, во главе Петербургской академии наук и всех ее научных учреждений стоял уроженец Черниговской губернии Кирилл Григорьевич Разумовский (1728, хутор Лемешин Козелецкого повета Черниговской губ. — 1803, село Батурино). К.Г. Разумовский — известный государственный деятель России и последний гетман Малороссии (1728–1803)⁴⁷.

Разумовский учился в Берлине у математика Л. Эйлера, посещал лекции

в Геттингенском университете, а также в университетах Франции и Италии (1745). С 21 мая 1746 года по 15 апреля 1798 года К.Г. Разумовский — президент Петербургской академии наук, в чьем ведении находилась и ее «главная ученая принадлежность» — Библиотека Академии наук. Согласно журналу выдачи книг, Разумовский был постоянным читателем Библиотеки¹⁷.

Участие уроженцев Украины в деятельности Академии наук и ее Библиотеки представляется немаловажным фактором развития, способствовавшим славе, гордости и престижу нашей науки в России и за рубежом.

Для воплощения идеи создания немыслимого для тогдашней России образовательного и просветительского комплекса учреждений: гимназия-университет-академия, ее музей (Кунсткамера) и библиотека, Петр I приглашал в Россию ученых и собирал по всей Западной Европе знаменитые естественнонаучные коллекции и печатные труды первоклассных авторов. Еще до открытия Академии наук (1728) ее библиотека уже славилась своим замечательным книжным собранием, украшением которого стали редчайшие экземпляры зарубежных научных изданий, которые, как признавали иностранные гости, трудно было найти даже в Европе¹⁹. В Библиотеке по распоряжениям русского императора трудились лейб-медик царя, шотландец Роберт Арескин [Эрскин] и «библиотекариус», немец Иоганн-Даниель Шумахер²⁰.

Национальный состав сотрудников академической библиотеки Санкт-Петербурга также всегда был очень разнообразен и, по имеющимся сведениям, уже в XVIII–XIX вв. веке насчитывал более двух десятков представителей разных стран и народов.

Много позже среди сотрудников Библиотеки Академии наук (БАН) были не только представители почти всех национальностей бывшего Советского Союза, но и немало выходцев из южных, северных, восточных и западных стран. И это

вполне естественно, Библиотека АН всегда нуждалась в сотрудниках — коренных носителях культуры и языка, так как литература в нее стекалась со всех уголков Российской империи, затем Советского Союза, позже стран СНГ и зарубежья.

Наш рассказ посвящен некоторым сотрудникам Библиотеки Академии наук, тем, кто родились и жили на Украине, были ею вскормлены, а затем приехали в Россию и часть своей жизни отдали работе в академической библиотеке Санкт-Петербурга-Петрограда-Ленинграда. В 1928 году сотрудница БАН С.А. Рышкова составила алфавитный список из 460 сотрудников и руководителей Библиотеки Академии наук с 1714 по 1928 год, который стал отправной точкой для дальнейших разысканий, уточнений и пополнений².

Среди выбранных нами библиотекарей БАН встретятся хорошо известные имена ученых, для которых Библиотека Академии наук была только фрагментом их научной деятельности, тех, кто, не покидая ее стен, совмещал свои научные исследования и занятия с выполнением библиотечных обязанностей и имена простых тружеников — рядовых библиотекарей. Но даже от рядового сотрудника работа в научной библиотеке требовала и требует обязательного высшего образования, знания иностранных языков, широкого кругозора и высокой профессиональной квалификации.

Представим десять биографий библиотекарей БАН родом с Украины, посвятивших свою жизнь одной из крупнейших научных библиотек мира.

Первая биография повествует о трагической судьбе микробиолога и ботаника, академика Георгия Адамовича Надсона (23.05(04.06).1867, Киев — 15.04?1939, пос. Коммунарка, Моск. область), бывшего на протяжении 31 года директором библиотеки Ботанического сада Академии наук (с 1899 по 1930 год)⁹.

Г.А. Надсон родился в Киеве в православной купеческой семье, окончил Петербургский университет, защитил

магистерскую диссертацию в Варшаве (1903). В 1929 году был избран действительным членом Академии наук СССР (Ленинград).

В августе 1899 года Надсон был назначен директором Санкт-Петербургского Ботанического сада, а с декабря того же года — заведующим библиотекой этого учреждения²².

Следует сказать, что должность заведующего библиотекой любого академического учреждения считалась почетной и ответственной, на нее обычно выдвигались наиболее способные и эрудированные ученые, как правило, директора этих учреждений. Георгий Адамович очень серьезно относился к организации ботанической библиотеки. С декабря 1911 по январь 1912 года он находился в командировке в Берлине, с целью изучения устройства и внутреннего распорядка работы немецких библиотек.

Г.А. Надсон сам комплектовал фонды ботанической библиотеки, вел книгообмен с научными учреждениями в пределах страны и за границей. Осенью 1937 года семидесятилетний академик был арестован по обвинению в участии в так называемой «антисоветской диверсионно-вредительской организации»¹⁸. Весной 1938 года решением Общего собрания Г.А. Надсон был исключен из Академии наук, а через год приговором Военной коллегии Верховного суда СССР

осужден и приговорен к расстрелу. Через 16 лет (29.10.1955) Надсона реабилитировали, а в феврале 1956 года Общее собрание Академии наук восстановило учебного в своих рядах³².

За время своей библиотечной деятельности Георгий Адамович Надсон проявил себя как талантливый библиотекарь и библиограф: он вел основной хронологический каталог Библиотеки (инвентарь). Им написаны также две статьи о библиотеке Ботанического сада, которые стали основополагающими работами по истории этой специализированной библиотеки, входившей в структуру Библиотеки Академии наук²⁵.

Варвара Павловна Адрианова-Перетц (30.04.1888, г. Нежин, Черниговская губ. — 06.06.1972, г. Ленинград). Отечественная филология являлась основной научной деятельностью члена-корреспондента Академии наук СССР, заслуженного деятеля науки РСФСР В.П. Адриановой-Перетц.

Первая научная статья В.П. Адриановой-Перетц появилась в 1907 году, последние работы вышли в свет в 1968 году.¹ До конца своих дней Варвара Павловна сохраняла изумительную работоспособность, была человеком универсальных интересов и энциклопедических знаний, оставившим глубокий след в истории литературы, фольклористике, исторической поэтике, текстологии, библиографии.

Рис. 12. В.П. Адрианова-Перетц

Рис. 13. А.И. Лященко

Рис. 14. А.Л. Бем

Рис. 15. В.И. Кардашевский

Как ученый В.П. Адрианова-Перетц сформировалась в знаменитой Семинарии русской филологии профессора В.Н. Перетца. Среди киевских участников Семинарии были такие ученые как: С.Д. Балухатый, впоследствии также сотрудник БАН, заведовавший библиотекой Пушкинского Дома, С.А. Бугославский, Н.К. Гудзий, Б.А. Ларин, С.И. Маслов, А.А. Назаревский, научный сотрудник Рукописного отделения БАН С.А. Щеглова⁴³.

С 1924 по 1927 год В.П. Адрианова-Перетц применяла свои знания и талант для улучшения работы и приведения в порядок каталогов Славянского отделения Библиотеки АН². Затем ее деятельность была связана с Пушкинским Домом и богатейшими фондами этой библиотеки¹. Варвара Павловна хорошо знала славянскую литературу, в особенности польскую и украинскую, много писала о русско-славянских литературных контактах XVI–XVII вв. и успешно применяла свои знания в работе с фондами и каталогами БАН.⁴

Аркадий Иоакимович Лященко (14.01.1871, Киев – 12.09.1931, Ленинград). Историк, педагог, библиограф и библиофил. С 1899 года член и активный участник Русского библиологического общества (СПб., 1899), заместитель председателя Общества исследователей украинской истории, литературы и языка в Петрограде, член-корреспондент Всеукраинской Академии (1925) и Академии наук СССР (Ленинград, 1928), а также действительный член Русского Географического общества.²⁶

С 1921 по 1931 год А.И. Лященко руководил Славянским отделением библиотеки Академии наук⁸.

С детства Аркадий Иоакимович любил и почитал книгу. Еще в гимназические годы он увлекся историей, хронологией. Приобретенные еще в гимназии разнообразные сведения стали основой той энциклопедической эрудиции, которая отличала его всегда. Его интересы относились к истории и словесности XVIII и XIX столетий.¹⁴

Через отдельных сотрудников Библиотеки Академии наук, таких как: Э.А. Вольгер, А.М. Белов, В.П. Ламбин, А.И. Малейн, Н.М. Лисовский, Б.Л. Модзалевский и А.И. Лященко Библиотека Академии наук участвовала в процессе упорядочению регистрации произведений печати в России и организации Российской национальной библиографии на заре ее становления.¹⁶

Как историк и библиотековед Лященко провел исследования по истории российских библиотек, им было собрано немало биографических материалов о русских библиотекарях²³, которыми активно пользуются современные исследователи.

Альфред Людвигович Бем (23.04.1886, Киев – 16.05.1945?, Прага), уроженец Киева, из семьи немецкого подданного. Окончил словесное отделение историко-филологического факультета Петербургского университета. В 1908 году был приглашен для работы в Библиотеку Академии наук. С 1915 года – член и активный

сотрудник Русского библиологического общества в Петрограде.

С 1919 года стал работать ученым хранителем Рукописного отделения Библиотеки⁶. В годы Гражданской войны много ездил по губернским городам с лекциями и с целью восстановления в них библиотек. В апреле 1919 года А.Л. Бем получил одобрение Общего собрания для отъезда в Киев и Харьков с целью приобретения печатных изданий «за последние два года в Южной России»²¹. Из этой командировки он уже не вернулся в БАН. В 1920-е годы Бем эмигрировал из России и остался жить в Чехословакии. По одной из версий в конце войны, в 1945 году, А.Л. Бем был арестован СМЕРШем и расстрелян во дворе пражской тюрьмы Панкрац³.

В первые годы после Октябрьского переворота 1917 года А.Л. Бем принимал самое активное участие в сохранении жизнедеятельности библиотеки АН, переживавший нелегкий период. С 21 апреля 1917 года по 6 июня 1919 года (до отъезда в Киев) он был бессменным секретарем всех еженедельных Заседаний Совета служащих, исключение составляет апрель-май 1919 года, когда Бем был в Вологде. На всех этих заседаниях Бем тщательно вел протоколы — сначала чернилами и твердым почерком, в последний год — карандашом, на разрозненных листочках, и оборотках черновиков, плохо разборчивым почерком. Благодаря этим Протоколам³¹, сегодня мы имеем возможность проследить за первыми послереволюционными мероприятиями в Библиотеке Академии наук.

Валериан Иванович Кардашевский (11.09.1883, г. Короп, Черниговская губ., Кролевецкий уезд — 1942). Филолог, лингвист, книговед, библиограф. С 1912 по 1919 год — председатель библиотечной комиссии в Пушкинском Доме; член Русского библиологического общества (1927–1928)⁴⁰; сотрудник Библиотеки Академии наук с десятилетним стажем.

Кардашевский окончил среднюю школу в Нежине, затем классическую гимназию в Сумах. Высшее образование

получил в Петербургском университете на историко-филологическом отделении (1909). Учился также в Гренобльском университете и слушал лекции в Сорбонне. Вернувшись в Россию с 1908 по 1919 год преподавал французский и немецкий языки в Петербурге и Царском селе. Специальное библиотечное образование В.И. Кардашевский получил на Высших библиотечных курсах при государственной Публичной библиотеке (Петроград) и с осени 1919 года стал сотрудником БАН⁷. С 1919 по 1929 год Кардашевский был ученым хранителем II (Иностранного) отделения Библиотеки АН. В период с 1925 по 1926 год когда было решено организовать весь книжный фонд БАН по системе Бэра, В.И. Кардашевский совместно с Б.П. Гуциным активно работал в Комиссии по пересмотру классификации книг академика К.М. Бэра, осуществив ее перевод с латинского языка на русский.¹⁵ Одновременно с 1926 по 1930 год Кардашевский был внештатным сотрудником Института книги документа и письма и членом комиссии по иностранной библиографии⁴⁶. С 1927 по 1929 год — сотрудник Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде³⁹.

Николай Аркадьевич Полницкий (р. 1866, Екатеринославль) — библиотечный работник II (Иностранного) отделения Библиотеки АН. Стаж в БАН 13 лет — с 1924 по 1937 год.

Родился в Екатеринославле, там же окончил реальное училище. Затем слушал лекции на юридическом факультете в Брюсселе (Université Nouvelle) один год и в Париже два года. В Париже также работал в американской фирме «The Mercantile Agency R.G. Dun & C°» по отделу прессы и в архиве. Библиотечным делом начал заниматься с 1912 года, еще в Париже. Для Кружка русских студентов-юристов Н.А. Полницкий организовал библиотеку. В связи с началом первой мировой войны в октябре 1914 года возвратился в Россию. С 1915 до ноября 1921 года служил на Екатерининской железной дороге в должности инспекто-

ЛИЧНАЯ КАРТОЧКА №		Личные данные №	Раб. карт. №
1. Фамилия Ясинский	2. Имя Яков	3. Отчество Иеронимович	
4. Год рождения 1886	Место рождения Киев	Дата движения по службе: 28.12.1916	Опыт работы: 20 лет
5. Место работы Либ. Ясинский	16. Место работы Либ. Ясинский	17. Место работы Либ. Ясинский	18. Место работы Либ. Ясинский
6. Образование высшее	19. Образование высшее	20. Образование высшее	21. Образование высшее
7. Спец. образование Либ. Ясинский	8. Спец. образование Либ. Ясинский	9. Спец. образование Либ. Ясинский	10. Спец. образование Либ. Ясинский
11. Награды в Петербурге с 1916 г.	12. Награды в Петербурге с 1916 г.	13. Награды в Петербурге с 1916 г.	14. Награды в Петербурге с 1916 г.
15. Общий трудовой стаж 26 лет	16. Общий трудовой стаж 26 лет	17. Общий трудовой стаж 26 лет	18. Общий трудовой стаж 26 лет

Рис. 16. Личная карточка Якова Иеронимовича Ясинского⁴⁴

ра (за исключением периода с февраля 1916 по конец июля 1917 года, когда был призван рядовым как ратник 2-го разряда)¹⁰.

С 1917 по 1920 год Н.А. Полницкий работал в библиотеке служащих Контроля и в Профсоюзе Финкомтруда г. Екатеринославля. Кроме того, с 1922 по 1923 год был председателем общегородского библиотечного совета. В начале 1920-х годов вел активную лекторскую работу в Губсовпартшколе, выступая с такими докладами как «Новости по библиотечному делу и библиографии», «Сущность основы десятичной классификации», «Библиотечная техника» и др., посвященные вопросам библиотекведения, библиографии, систематизации и основам библиотечного дела⁴¹.

В январе 1924 года Николай Аркадьевич Полницкий приехал в Петроград. Губернская проверочная комиссия Петрогубоно утвердила его в должности библиотекаря и в июне того же года он поступил в Библиотеку Академии наук по II (Иностранному) отделению на должность помощника библиотекаря. Без отрыва от производства Н.А. Полницкий окончил в 1925 году Высшие курсы библиотекведения при Государственной Публичной библиотеке (ныне РНБ). С 1924 по 1937 год работал в должности главного библиотекаря Рукописного отдела⁴².

Яков Иеронимович Ясинский (1886, Киев — весна 1942, Ленинград), лите-

ратурный переводчик, сын писателя И.И. Ясинского.

В 1905 году Ясинский окончил классическую гимназию в Петербурге. Затем поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, но не закончил его.

До поступления в Библиотеку Академии наук работал в 15-й средней школе Ленинграда, откуда был переведен в Институт Русской литературы на должность литературного переводчика. В 1933 году стал научным сотрудником 2 разряда Библиотеки АН, а затем старшим библиотекарем библиотеки Института Русской литературы. К 1942 году его общий трудовой стаж насчитывал 36 лет. Я.И. Ясинский погиб весной 1942 года во время блокады Ленинграда. 12 марта 1942 приказом № 15 Ясинский был исключен из списков личного состава с формулировкой «в связи со смертью»⁴⁵.

Сергей Дмитриевич Балухатый, уроженец Феодосии (12.03.1893, г. Феодосия — 02.04.1945, г. С.-Петербург) литературовед, библиограф. Выпускник историко-филологического факультета Петроградского университета. С 1943 года член-корреспондент АН СССР.

В 1915 году С.Д. Балухатый стал членом Русского Библиологического общества в Петрограде. В 1917–1919 годах он был библиографом Книжной палаты, находившейся тогда еще в Петрограде⁵. В 1919–1923 годах С.Д. Балухатый преподавал в Самарском университете, затем, до конца жизни — профессор Ленинградского государственного университета. В 1920-х годах в Институте истории искусств он читал курс по литературной библиографии. В ее развитии большую роль сыграла статья Балухатого «К пересмотру принципов литературной библиографии» (в «Сборнике статей к 40-летию ученой деятельности акад. А.С. Орлова», 1934). В период с 1926 по 1937 год был библиотекарем БАН и принимал участие в работе Толстовского Музея. В 1940-х годах Балухатый возродил традицию библиографических семинариев²⁴.

Рис. 17. С.Д. Балухатый

С 1930 руководил отделом русской литературы XX века в Институте русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом). Библиографические труды Балухатого утвердили новый тип научного и аннотированного указателя литературы как библиографического жанра.

Нина Васильевна Энгель (р. 1885, г. Глухов, Черниговская губ.). Сотрудница Библиотеки Академии наук с 1925 по 50-е годы. Стаж библиотечной работы более 25 лет. Работала в I (Русском) отделении БАН: сначала техническим сотрудником со стажем; затем помощником библиотекаря. В 1942 году Н.В. Энгель была эвакуирована из Ленинграда с Химико-Технологическим институтом. После войны, как бывшая дворянка, она попала под подозрение властей и по Постановлению НКВД Дзержинского района г. Ленинграда была подвергнута административной высылке с формулировкой «за враждебное отношение к советской власти». Только в 1947 году с нее было снято это взыскание, она была освобождена от административного выселения и вернулась в Ленинград в Библиотеку Академии наук, где работала до середины 1950-х годов.¹²

Прасковья Григорьевна Спица (р. 1897, Черниговская губ.). Сотрудница Библиотеки Академии наук с 25-летним стажем — с 1933 по 1957 год. Отец — Гри-

горий Иванович, украинский мещанин, служил в земской управе в отделе коммунального хозяйства, имел собственный дом. Мать — Ивашенко Феодосия Ивановна, была домохозяйкой. В 1934 году после смерти отца дом продан, семья перебралась в Петербург. Поскольку П.Г. Спица успела к этому времени окончить гимназию, она смогла по приезде в Ленинград поступить на службу в Библиотечный отдел внешкольного образования. Оттуда она была направлена на обучение в Институт Внешкольного образования Ленинграда. Окончив его в 1933 году, Прасковья Григорьевна поступила на службу в Библиотеку Академии наук, где проработала 25 лет. Сначала ей поручили разборку и описание запасных книжных фондов, затем она стала заведующей этим отделом. В 1942 году была эвакуирована. Вернулась в Ленинград в 1948 году. В период с 1949 по 1954 год

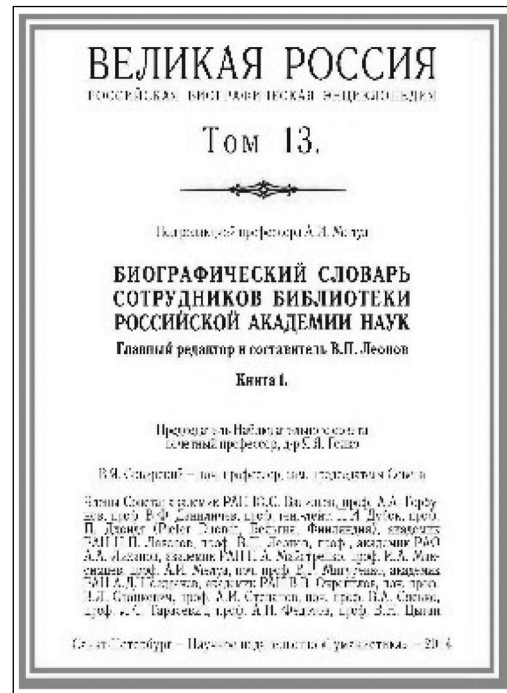

Рис. 18. Титульный лист Биографического словаря сотрудников Библиотеки РАН

она совмещала работу и учебу в Ленинградском государственном университете, позднее перешла в библиотеку Ботанического института РАН, где и работала до выхода на пенсию в 1957 году.¹¹

Таким образом, мы видим, что Российская академия наук и ее библиотека созидались трудом представителей многих национальностей, в том числе украинцами, что способствовало взаимообогащаемому развитию кросс-культурных научных отношений стран и государств. Многонациональный состав коллективов Академии наук и ее библиотеки, как и многоязычный состав книжных фондов БАН являются гарантом дружественной плодотворности отечественной академической деятельности, способствуя повышению ее престижа в международном научном сообществе.

В 2014 году к 300-летию Библиотека Академии наук силами коллектива БАН был создан биографический печатный справочник, включивший биографии 3 443 сотрудников БАН с 1714 по 2014 год¹³. В нем исследователи смогут найти достоверное подтверждение многонационального состава первой научной библиотеки России и глубже проследить интернациональные кросс-культурные отношения Библиотеки РАН на протяжении трех веков ее существования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адрианова-Перетц В.П.* Биография. Список трудов // URL: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=118>.

2. Алфавитный списокличного состава Библиотеки РАН за 1728–1928 гг. / сост. С.А. Рышкова // Архив Библиотеки РАН. Оп.1. Д. 2. [1928]. — Л. 1. № 2. — Машинопись.

3. *Бем А.Л.* Исследования. Письма о литературе / вст. статья С.Г. Бочаров, Н.З. Суррат. — М., 2002. — С. 7–31. — Портр. с задней обложки издания.

4. Библиотека РАН. Персональный состав: 1714–1950, част. до 2014. [Элек-

трон. ресурс] / руков. Н.В. Колпакова; сост. Н.Н. Елкина, В.В. Рубцов. — СПб., 2000–2014. — 1697 биосправок. [Электрон. данные] — № 2 (Адрианова-Перетц В.Н.).

5. Там же. № 15 (Балухатый С.Д.).

6. Там же. № 29 (Бем А.Л.).

7. Там же. № 16 (Кардашевский В.И.).

8. Там же. № 231 (Лященко А.И.).

9. Там же. № 886 (Надсон Г.А.).

10. Там же. № 310 (Полницкий Н.А.).

11. Там же. № 1131 (Спица П.Г.).

12. Там же. № 448 (Энгель Н.В.).

13. Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук. В 2-х т. / гл. ред. и сост. В.П. Леонов. — СПб., 2014. — 586; 576 с. — (Великая Россия: Т. 13, 14).

14. *Ботанцов И.В.* Петербургские страницы жизни и творчества Аркадия Иокимовича Лященко // Наследники великого города. Выпуск 17. — СПб., 2008. — С. 102–111.

15. *Бэр К.Э.* Система классификации книг II отделения Библиотеки Российской академии наук / перев. с лат. В.И. Кардашевского; предисл. В.П. Гуцина. — Л., 1926. — 63 с.

16. *Герасимова Л.М.* А.И. Лященко — библиофил и библиограф // 275 лет Библиотеке Академии наук: сб. докл. юбил. науч. конф. 28 нояб. — 1 дек. 1989 г. — СПб., 1991. — С. 259–264.

17. История Библиотеки Академии наук. 1714–1964 / авт. коллектив; отв. ред. М.С. Филиппов. — М.; Л., 1964. — С. 120.

18. *Колчинский Э.И.* Академическая наука в Санкт-Петербурге и мировая культура. — URL: <http://vivovoco.astronet.ru/vv/journal/viev/kolchin.htm>.

19. *Леонов В.П.* Судьба Библиотеки в России. Роман исследование. — СПб., 2000. — 415 с. — Гл. V. Европейцы о первой русской библиотеке. — С. 108–124.

20. Летопись Библиотеки Российской Академии наук, 1714–1900. Т. 1 / науч. рук. В.П. Леонов. — СПб., 2004. — С. 7–8, 17–18, 23.

21. Летопись Библиотеки Российской академии наук (по Протоколам РАН: 1900–1928). Т. 2, часть 2. — СПб., 2014. — С. 930.
22. Малая энциклопедия Библиотеки Академии наук / сост. Д.И. Блюменау, Г.В. Головки, Т.Н. Данченко, Н.В. Колпакова, А.Н. Маслова, А.В. Соколов. — СПб., 1999. — [Электрон. ресурс]. — Сеть специальных библиотек: Библиотека Ботанического сада.
23. Материалы по истории библиотек в России, собранные библиотекарем Э.А. Вольгером // ПФА РАН. Ф. 158. Оп. 4. — 17 л.; Материалы к биобиблиографическому словарю русских библиотечек / Э.А. Вольгер // ПФА РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 239. — 14 л.
24. *Муратова К.* Балухатый Сергей Дмитриевич // Книговедение. Энциклопедический словарь. — М., 1982. — С. 29–30.
25. *Надсон Г.А.* Библиотека Императорского Санкт-Петербургского Ботанического сада и ее книжные сокровища // Императорский Санкт-Петербургский Ботанический сад за 200 лет его существования (1713–1913): юбил. изд. / гл. ред. А.А. Фишер фон Вальдгейм. — СПб., 1913. — Ч. 2. — С. 39–95.
26. *Никольский Н.* Записка об ученых трудах А.И. Лященко. Л., 1928. — 5 с.; Берков П.Н. А.И. Лященко (1871–1931) // Slavia, Praha. 1932. № 3–4. — С. 681–683; Михеева Г.В. Ведущие деятели базисной библиографии (1917–1921 гг.): кр. биограф. спр. // История русской библиографии. 1917–1921. — СПб., 1992. — С. 353–372.
27. *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом. — [2 т.]. — СПб., 1962. — Т. 1. — С. 1–6, 107, 108, 187, 315–316, 480.
28. Там же. С. 1.
29. Там же. С. 481–482.
30. Там же. Т. 1. — С. 6.
31. Протоколы заседаний совета служащих I Отделения БАН и библиотечных совещаний. — 1917 г., 22 апреля — 1920 г., 5 января; 1924 г., 29 авг. — 19 дек. — СПб.: филиал Архива РАН. Ф. 158. Оп. 3 (1917). Д. 3. — 62 л.
32. *Раутенштейн Я.И.* Георгий Адамович Надсон (1867–1939) // Надсон Г.А. Избранные труды. — М., 1967. — Т. 1. — С. 18–25; Захаров И.А. Академик Георгий Адамович Надсон (1867–1939) // Микробиология, 1999. Т. 68. № 6. — С. 736–740.
33. Российская Академия наук. Персональный состав. В 3-х кн. / Б.В. Левшин, В.И. Васильев, О.В. Батурин. — М., 1999. — Т. 1. — С. 3, 4, 5, 6, 7, 22, 210, 298, 299, 300, 301, 535; Т. 2. — С. 295; Т. 3. — С. 295.
34. Российская Академия наук. Персональный состав... — Т. 1. 1724–1917. — С. 9, 216.
35. Там же. — С. 1, 9, 14, 15, 16, 210.
36. Там же. — С. 19, 212, 534.
37. Там же. — С. 20, 212.
38. Там же. — С. 27, 32, 35, 42, 44, 48.
39. Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры. Биографический словарь / ред. кол. Л.А. Шилов и др. — СПб., 1999. Т. 2. 1918–1930. — С. 341–345. (Кардашевский В.И. — авт. ст. Н.К. Леликова).
40. СПб филиал Архива РАН. Ф. 158. Оп. 3 (1929). Д. 55. — Л. 6.
41. Там же. Ф. 158. Оп. 7. Д. 56. — Л. 43 об.
42. Там же. Ф. 158. Оп. 158. Оп. — 1929. Д. 56. — Л. 43–43 об.
43. Там же. Ф. 158. Оп. 3 (1929). Д. 55. — Л. 1; Оп. 3 (1919). Д. 6. — Л. 19.
44. Там же. Ф. 158. Оп. 7. Д. 829. — Л. 88.
45. Там же. Ф. 158. Оп. 7. Д. 829. — Л. 88–90; Библиотека РАН. Архив (Петербург). Ф. БАН. Оп. 1. Д. 24. — Л. 87; Д. 32. — Л. 60; Библиотека РАН. Персональный состав [Электронный ресурс]... № 639 (Ясинский Я.И.).
46. *Тищенко Н.М.* Ленинградские библиотечари в Институте книговедения (1920–1933 гг.) // Библиотеки Петербурга-Петрограда-Ленинграда: сб. науч. тр. СПб., 1993. — С. 73.
47. Чик Гарри, Единицы культуры // сб. Системные исследования культуры / науч. ред. В.С. Жидков, СПб.: Алетейя, 2006. — С. 107–131; URL; <http://ecsocman.hse.ru/data/787/561/1216/012yIK.pdf>

48. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: CD-ed. — IDDK: Мультимедия изд-во «Адепт», 2002. — [Электронный ресурс]. ст.: Разумовский К.Г.

49. *Chick G. Cultural Complexity: The Concept and Its Measurement // Cross-Cultural Research. 1997. № 31. P. 275–307.* Цит. по: Единицы культуры: URL: <http://xreferat.ru/104/3801-3-edinicy-kul-tury.html>

УДК 027.54
ББК 78.33г(2)

«...Я И РОССИЯ, МЫ НИКОГДА НЕ ЗАБУДЕМ ВАШИ ЗАСЛУГИ»

Петр Петрович Лаврук,
ведущий библиограф
Военная историческая библиотека
Генерального штаба Вооруженных Сил РФ
191055, Санкт-Петербург, Дворцовая пл., д. 10
e-mail: vibgsh@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Приведены исторические сведения о зарождении и становлении библиотеки Генерального (Главного) штаба Русской армии. Освещается деятельность первого начальника этой библиотеки — генерал-лейтенанта Александра Ивановича Михайловского-Данилевского, чьи заслуги перед Отечеством были высоко оценены Императором Александром I. Он заслуженно пользовался большим уважением среди офицеров и генералов Генерального штаба не только как храбрый офицер, но и благодаря своим глубоким знаниям военной истории. Автор с чувством сопричастности к своему герою рассказывает о его увлеченности наукой и страсти к собирательству книг, успешном развитии библиотеки под его руководством.

Ключевые слова: *А.И. Михайловский-Данилевский, Император Александр I, П.М. Волконский, офицеры, библиотека Главного штаба, каталог, библиотекарь, военная история.*

Словами, которые вынесены в заголовки статьи, закончилась беседа Императора Александра I со своим «начальником канцелярии» полковником А.И. Михайловским-Данилевским, который писал боевые рапорта и письма на французском языке «со вкусом и плодovitо»¹ в ходе Отечественной войны 1812 года и заграничных походов.

В своих воспоминаниях Александр Иванович писал: «...во время пятимесячного пребывания нашего на конгрессе (Венском — прим. автора) я один из них занимался работою с утра до вечера: находясь в течение последних походов в центре всех операций, я пользовался прия-

нию и, что еще более, доверенностью всех людей, управлявших ходом дел... Советь моя чиста и я доволен»².

В сентябре 2014 г. в читальном зале Военной исторической библиотеки Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации (Санкт-Петербург, Дворцовая пл., д. 10) экспонировалась книжная выставка, посвященная 250-летию со дня рождения первого начальника этой библиотеки — генерал-лейтенанта Александра Ивановича Михайловского-Данилевского³.

Известный российский писатель и историк родился в Петербурге 26 августа (8 сентября) 1789 года. Первоначальное

образование он получил в Петербургской лютеранской школе⁴. Уже там проявился его интерес к книгам по российской истории. Продолжал обучение в Геттингене, где слушал курсы лекций по истории искусств, политике, финансам, римскому и церковному праву. В конце 1811 года вернулся в Россию⁵.

После вторжения армии Наполеона в Россию он подал заявление о зачислении его в ополчение, и 1 августа 1812 года его назначили адъютантом М.И. Кутузова, возглавлявшего тогда Петербургское ополчение. После назначения Кутузова главнокомандующим Михайловский-Данилевский отправился вместе с полководцем в действующую армию. Сначала он служил в его канцелярии, но вскоре превзошел своего непосредственного начальника в умении составлять документы на французском языке⁶. На молодого, образованного чиновника обратили внимание Главнокомандующий и его ближайшее окружение.

Боевое крещение Михайловский-Данилевский получил в Бородинском сражении и был награжден Орденом Св. Анны 4-й степени. Во время Тарутинского сражения был ранен пулей в правую руку; пришлось покинуть армию и уехать для лечения в Тулу.

Вернулся на поля сражений Михайловский-Данилевский только в феврале 1813 года по личному приглашению М.И. Кутузова⁷. Начальник Главного штаба князь Петр Михайлович Волконский оставил за ним составление «Журнала военных действий» и иностранную переписку. С тех пор совместная служба Михайловского-Данилевского и князя Волконского продолжалась долгие годы⁸.

Отметим, что редактировал журнал в это время Император Александр I, весьма хвалебно отзывавшийся о способностях Михайловского-Данилевского, который в мемуарах так описал свои занятия по службе в тот период: «...дни я проводил верхом, делая переходы, а вечером составлял Журнал действий армий из донесений генералов, из повелений, которые им да-

А.И.Михайловский-Данилевский

ваемые были и из так называемых диспозиций; сверх того встречалась еще незначительная переписка»⁹.

Несмотря на большую занятость, молодой историк продолжал собирать книги общенаучного и военного характера. В этом его активно поддерживал начальник Главного штаба князь П.М. Волконский. После окончания войны он предложил полковнику Михайловскому-Данилевскому возглавить первую военную библиотеку Генерального и Главного штаба. И не ошибся в этом выборе.

Инициатором создания библиотеки Генерального (Главного) штаба был Петр Михайлович Волконский (1776–1852 гг.) — князь, генерал-фельдмаршал, основатель училища колонновожатых, из выпускников которого комплектовался Генеральный штаб. С 1810 г. он занимал должность генерал-квартирмейстера.

Люди и книги

В 1811 году П.М. Волконский возвратился из Парижа. Там он изучал устройство французской армии, работу ее генерального штаба. Вскоре он был назначен начальником Главного штаба Русской армии. Генерал придерживался передовых взглядов, изучал опыт прошлых войн и ратовал за изучение военного дела офицерами штаба. Волконский обратился к императору за разрешением создать при штабе библиотеку «...с целью доставления офицерам Генерального штаба возможности развивать свое научное образование» для «посильного служения — делу военного просвещения в России»¹⁰.

Александр I с одобрением отнесся к этому предложению «и из собственных средств пожертвовал значительную сумму на обзаведение библиотеки», а генерал Волконский передал библиотеке 500 книг по истории войн и военному делу европейских армий. Эти книги в основном он привез из-за рубежа.

22 октября 1811 года Петр Михайлович отдал приказ, в котором приглашал всех офицеров бывшей квартирмейстерской части «...содействовать усилению средств для библиотеки»¹¹. Некоторые офицеры по примеру своего начальника дарили библиотеке книги. В основном это была литература военного или общенаучного содержания. Уже через два года таким путем было собрано до 1 000 книг. Многие тома были приобретены на деньги, которые добровольно сдавали офицеры.

Полковнику Эйхену, управляющему в тот период зданием Главного штаба, поручалось заняться размещением книжного фонда. Место было найдено и, следует отметить, весьма удачно.

Библиотека находилась в той части здания, которая некогда составляла дом Кушелевой (урожденной Ланской), а по наследству от нее — дом Молчанова. «Роскошный громадный дом этот был куплен, — писала газета «Новое время» в феврале 1900 го-

Библиотека до пожара 1900 г.

да, — в казну и пожалован рескриптом Императора Александра I для помещения и соединения разрозненных частей Генерального штаба. Особенным изяществом выделялся большой круглый зал с куполом, обнесённый хорами на 16 колоннах ионического ордера из желтоватого искусственного мрамора, и рядом с ним длинный танцевальный зал. В этих-то двух залах и смежных с ними комнатах помещалась знаменитая библиотека».

Библиотека стала самым почитаемым местом для генералов и офицеров Генерального штаба. В тот период она имела обширный круглый зал (ротонду) с лепными украшениями и вензелями, увенчанный стеклянным куполом с двухъярусными просветами. (Этот купол хорошо виден с Дворцовой площади. Он находится рядом с аркой Главного штаба). На стенах библиотеки висели портреты. Высокие шкафы содержали до 50 тысяч томов редких старых книг, преимущественно на иностранных языках по вопросам военного искусства и истории военного дела.

В период Отечественной войны 1812 года поступление литературы в библиотеку резко сократилось. Генерал Волконский все время находился при действующей армии, естественно, для него заботы о сборе военно-исторических книг, военно-педагогических изданий и научных трудов были не на первом плане. Но как только кончилась война, и русские войска вступили в Париж, Петр Михайлович тут же поручил флигель-адъютанту А.И. Михайловскому-Данилевскому *«купить в Париже полезные для библиотеки Генерального штаба сочинения...»*¹².

Александр Иванович выделялся среди офицеров квартирмейстерской службы глубоким знанием военной истории. Им написан ряд трудов о войнах России, так что поручение Волконского он выполнял с особой прилежностью. Он со знанием дела подбирал литературу, необходимую генералам и офицерам Генерального штаба. По его инициативе в библиотеку стали поступать прогрессивные журналы. Рас-

ширялись профиль и сфера обслуживания, фонды начали быстро пополняться.

В 1814–1815 годах, находясь в Париже и Вене (на Венском конгрессе), полковник Михайловский-Данилевский приобрел для библиотеки до 3 000 томов различных военных сочинений¹³. В последствии на все книги были составлены описания. Военный историк добился, чтобы ему было разрешено закупать партии книг и домашние библиотеки видных историков и военных писателей. Александр Иванович в своих трудах подчеркивал, что книги — это летопись времени. В них запечатлена вся память человечества, весь его необъятный мир. Человечество не умрет, пока есть книги. Еще в XVIII веке немецкий писатель Лессинг справедливо заметил: *«То, что однажды напечатано, становится достоянием всего мира на вечные времена»*.

В заграничных походах и в последующем Александр Иванович никогда не расставался с книгами. Он тщательно подбирал свою коллекцию. Находил возможность заглянуть в библиотеки тех государств, где бывал, и всегда скупал по Родине. 15 сентября 1815 года он писал в своем дневнике: «Я рассчитывал дни и часы, когда приеду в Петербург, и думал о своих книгах и бумагах с таким же восхищением, как мореходец после дальнего многотрудного плавания мечтает о берегу»¹⁴.

Страшно печалился он от того, что не хватало времени на науку, чтение книг. Хотя успехи по службе ему льстили, его исправно награждали чинами, однако он роптал *«...от разнообразности дел и ответственности на мне лежащей, у меня кружится голова... Наукам я не могу уделить ни одной минуты»*¹⁵.

Трудами Михайловского-Данилевского и его помощников читальный зал библиотеки был устроен великолепно. Созданы хорошие условия для работы с книгой, что усиливало тягу офицерского корпуса к военным знаниям и стимулировало развитие военно-исторической мысли. Кстати, Александр Иванович

пользовался среди офицеров и генералов Генерального штаба большим уважением не только как военный историк, но и как храбрый защитник Отечества. В войну 1812 года он был адъютантом М.И. Кутузова. При Турине был тяжело ранен. Вылечился — и снова на войну. Штабс-капитан перешел на службу в Гвардейский Генеральный штаб. Участвовал в 1813–1814 гг. во многих сражениях и получил золотую шпагу с надписью «За храбрость», награжден многими орденами. Будучи во главе библиотеки, он написал труды о войнах России с Францией, Турцией, а затем — и с Финляндией.

Немалая заслуга первого начальника библиотеки и в том, что он добивался и получил «...высочайшее разрешение на ежегодный отпуск по 500 червонцев для пополнения библиотеки новыми книгами»¹⁶. Его усилиями за шесть лет библиотека собрала немалые духовные ценности. В ее фондах имелись труды по всем военным и смежным отраслям знаний на французском, английском, немецком, шведском, латинском, всех славянских и других языках. Библиотека приобретала все большую популярность среди широкой научной общественности. В списках читателей значились не только военные ученые, но и гражданские историки, географы, археологи, художники, писатели, среди которых были академики и профессора. В Генеральный штаб приезжали иностранцы со «специальной целью — получить доступ в названную библиотеку для ознакомления с теми или другими материалами»¹⁷.

Генерал-лейтенант Михайловский-Данилевский оставил для потомков ряд сведений, которые непосредственно относятся к библиотеке Генерального и Главного штаба. В частности, в своем Журнале 1815 года он писал: «Для рисования видов смотра при Вертю был приглашен по Высочайшей воле живописец Пажет¹⁸, известный двумя картинами, нравящимися Императору, из коих одна представляет переход неприятельских войск через Неман в июле 1812 года,

а другая — молебен, петый в 1814 году в Париже на площади Людовика XV в присутствии Государя и российской армии». Он нарисовал шесть следующих видов смотра, которые изображают:

первый — церемониальный марш;

второй — то время, когда после церемониального марша монархи возвратились на Монт-Энь, а армия, сделавши на караул, открыла батальный огонь;

третий — большой обед в саду;

четвертый — когда государь за столом провозглашает мир Европе и благоденствие народам;

пятый — общий вид церковного народа;

шестой — вид одной из семи походных церквей, которые были устроены перед каждым корпусом.

Государь подарил по возвращении в Россию эти рисунки в библиотеку Генерального штаба, а автор снял для себя с них копии. Так что имелось только два экземпляра изображений: один в упомянутой библиотеке, а другой у Михайловского-Данилевского¹⁹.

С душевным трепетом раскрываем мы книги, где имеются инвентарные номера, написанные рукой Михайловского-Данилевского. Для него была очевидна связь между библиотекой и культурой. Поэтому он не раз повторял слова Петrarки: «Слава достается добродетелью, но сохраняется для потомства книгами».

В 1818 году Михайловский-Данилевский отдал распоряжение библиотекарям составлять подробный список книг по военной тематике, находящихся в продаже, но не имевшихся в библиотеке. Многие книги (за деньги квартирмейстерской службы) приобретались у частных лиц и комиссионеров, поступали из военной типографии Главного штаба. С благодарностью библиотекари относились к тем генералам и офицерам, которые дарили библиотеке книги. Их фамилии заносились в особую тетрадь, которая находилась на видном месте для обозрения. Делали вклады в библиотечный фонд и сами сотрудники.

По велению начальника библиотеки на одном из столов читального зала в виде плаката, но меньших размеров, была выписка из «Повести временных лет» 1037 г.: *«Велика ведь бывает польза от учения книжного; книги наставляють и воздержают нас... ибо мудрость обретаем и воздержание в словах книжных. Это — реки, напоющие Вселенную, это источники мудрости, в книгах ведь неизмеримая глубина»*. Эти высочайшего смысла слова написали офицеры школы колонновожатых. Древнерусская вязь привлекала внимание каждого, кто посещал библиотеку.

К началу 1820 года Александр Иванович оставил должность начальника библиотеки, стал трудиться в Военно-ученом комитете, но был самым верным другом библиотеки — *«сокровищницы военной мысли»*. Книгам и людям, которым нужны книги, отдал он последние годы своей жизни.

Страсть к собирательству книг у Михайловского-Данилевского была неизменной. Немало томов, в том числе и на иностранных языках, хранились в селе Юрьево, Сергачского уезда Нижегородской губернии. Это село подарила ему жена Анна Чемоданова в 1826 году. Именно в этом прекрасном месте Александр Иванович писал свои мемуары в 1827–1828 годах²⁰.

Еще раньше, вскоре после возвращения из заграничного похода, Михайловский-Данилевский составил в Петербурге каталог своей библиотеки, насчитывавшей почти три тысячи томов. В 1828 году он дополнил этот каталог и изменил его систематические рубрики. Следует отметить, что в конце XIX века некоторые книги, ранее принадлежавшие Михайловскому-Данилевскому и хранившиеся у его дочери А.А. Берновой, были приобретены директором Императорской Публичной библиотеки Н.К. Шильдером. В 1902 году эти книги в составе библиотеки Шильдера поступили в Императорскую Публичную библиотеку. К сожалению, книги из библиотеки Михайловского-Да-

Выставка в ВИБ ГШ ВС РФ

нилевского не имеют владельческих знаков (экслибрис, переплет и др.) и сейчас их можно атрибутировать только по рукописным пометкам²¹.

В 1825 году Михайловский-Данилевский был произведен в генерал-майоры и назначен командиром 2-й бригады 7-й пехотной дивизии. В турецкую войну (1828–1829 гг.) он командовал бригадой, а затем был дежурным генералом 2-й армии. В бою у Грохова (1831 г.) был ранен. В 1835 году произведен в генерал-лейтенанты и назначен сенатором и председателем Военно-цензурного комитета, а вскоре — членом Военного совета. В последующие годы своей жизни Александр Иванович был главным редактором «Военной галереи Зимнего Дворца» — издания, в котором несколько биографий написано им самим.

...Шумели над Дворцовой площадью влажные ветры с Невы, летело время. Старинные шкафы красного дерева пополнялись уникальными книгами. Трудом библиотекарей генерала Андрея Николаевича Петрова, полковников Дмитрия Александровича Скордули, Александра Семеновича Лацинского и других приемников Михайловского-Данилевского, которые стали бескорыстными помощниками многих читателей, прирастала сокровищница военной мысли. В 1917 году библиотека насчитывала 200 000 томов.

В этом книжном море Михайловский-Данилевский стал первым надежным и опытным лоцманом. Он утверждал, что библиотека не только пункт получения информации, но и место для раздумий. Исчезновение библиотек равносильно исчезновению народной памяти, всякой связи с прошлым. Книга будет жить вечно, а стало быть, и ее хранилище тоже.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Михайловский-Данилевский А.И. Мемуары. 1914–1915. — СПб., 2001. — С. 161.

² Там же. — С. 161.

³ Дневник Военной исторической библиотеки Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации. 2014. — С. 42.

⁴ Сапожников А.И. Генерал-лейтенант А.И. Михайловский-Данилевский: карьера военного историка. Статья на сайте Генштаб.ру.

⁵ Сапожников А.И. А.И. Михайловский-Данилевский и его «Журналы» 1814–1815 гг. — С. 6.

⁶ Там же. — С. 6.

⁷ Там же. — С. 7.

⁸ Глиноецкий Н.П. История Русского Генерального штаба. — СПб., 1883. Т. 1. — С. 258.

⁹ Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1814 года. — СПб., 2001. — С. 26.

¹⁰ Лацинский А.С. Библиотека Генерального и Главного штаба. — СПб., 1906. Гл. I.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Михайловский-Данилевский А.И. Мемуары. 1814–1815 гг. — СПб., 2001. — С. 327.

¹⁵ Там же. — С. 295.

¹⁶ Лацинский А.С. Библиотека Генерального и Главного штаба. — СПб., 1906. Гл. I.

¹⁷ Там же. — С. 44.

¹⁸ Имеется в виду Бажетти Джузеппе Пьеро (1764–1831), итальянский живописец, который в 1807 г. приехал в Париж и написал целую серию картин, посвященных победам Наполеона.

¹⁹ Михайловский-Данилевский А.И. Мемуары. 1814–1815 гг. — СПб., 2001. — С. 272–273.

²⁰ Там же. — С. 376.

²¹ Там же. — С. 377.

УДК 929
ББК 78.33г

КИРА РОСТИСЛАВОВНА АКУЛОВА (Никитина)
(1937–2006)

Алексей Гаврилович Акулов, археолог, топограф
Евгения Леонидовна Гурьева, библиотекарь
Отдела научной систематизации литературы
Библиотека Российской академии наук

199034, Санкт-Петербург, В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: rio@rasl.nw.ru

АННОТАЦИЯ

Биография Киры Ростиславовны Акуловой (Никитиной) составлена по документам и письмам из семейного архива Акуловых, включающих ее обширную переписку с родными и близкими. Выразительный язык, яркие запоминающиеся эпизоды о различных жизненных перипетиях являются неотъемлемым качеством хорошей мемуарной литературы, которая, как известно, есть связующее звено между ушедшим и будущим поколениями. Именно в этом заключается ценность подобных публикаций.

Ключевые слова: *семейный архив, БАН, Васильевский остров, ссыльные ленинградские немцы, Салехард, пейзажист-акварелист Гавриил Иванович Акулов, поэзия, детская библиотека.*

«Север крошит металл, но шадит стекло»
Иосиф Бродский
Из цикла «Часть речи»

Я еще не знала, когда несколько лет назад пришла работать в БАН, что с этой библиотекой связана и семья моего мужа. С его матерью, Кирой Ростиславовной Акуловой, я не была знакома, она умерла за год до нашей встречи. Но благодаря семейному архиву, включавшему обширную переписку с родными и близкими, она действительно стала живой для меня. Удивительны ее воспоминания о детстве, изложенные в письмах к мужу. Выразительный, сочный язык, отсутствие ненужных подробностей, яркие детали, юмор, сопровождающий повествование — все это достойно лучших образцов мемуарной прозы.

Однажды, разбирая семейные архивы, я наткнулась на следующую телеграмму:

«Поздравляем! Желаем здоровья и большого счастья. Ждем ответа. Крепко целуем. БАНовцы».

К.Р. Акулова (Никитина). Начало 1960-х гг.
(Из личного архива)

Телеграмма отправлена БАНовцами к рождению сына Киры Ростиславовны. Выяснилось, что она работала с мая 1957 по июль 1961 г. в Отделе обслуживания в должности помощника библиотекаря. Так неожиданно порой наша жизнь ока-

Министерство связи СССР		№ Т-12
ТЕЛЕГРАММА		
Имя: <u>Ирина</u>	Имя: <u>Ирина</u>	Адрес: <u>МОСКВА ПЕРВАЯ</u>
№: <u>25</u>	№: <u>25</u>	<u>ХОРОШЕВСКАЯ 15 кв 155</u>
От: <u>ЛЕНИНГРАД 13/82 20 18 1745</u>		Кому: <u>АКУЛОВЫМ НИРЕ РОСТИСЛАВОВНЕ</u>
Содержание: _____		
ПОЗДРАВЛЯЕМ ЖЕЛАЕМ ЗДОРОВЬЯ И БОЛЬШОГО СЧАСТЬЯ ЖДЕМ ОТВЕТА ИРЕПО ЦЕЛУЕМ БАНОШЫ		
г. Кострома, тел. ш. М. Горького, кв. 4700		

Поздравительная телеграмма. 1962 г.
(Из личного архива)

зывается пронизана связями с уже ушедшим поколением.

Рассказывает сын Киры Ростиславовны, Алексей Акулов:

«Я — северный человек» — говорила о себе мама, имея в виду и Петербург, и места поближе к полюсу, где, собственно, и прошла большая часть ее детства, и близкую её сердцу Эстонию, где мы отдыхали каждый год, пока я учился в школе. Выйдя замуж за любимого человека и волей-неволей оказавшись в Москве, она пронесла через всю жизнь эту привязанность к северным просторам, от безлюдных западносибирских тундр до серой глади Балтики и туманных питерских улиц и площадей, где навсегда смешались земля, вода и небо.

Кира Никитина родилась в типической для того времени семье интеллигентных петербуржцев — василоостровцев. Ее дедушка — Георгий Михайлович Никитин — до революции был церковным архитектором, строил храмы и подворья в Петербурге, губернии и даже в Японии. С приходом к власти большевиков ему, разумеется, пришлось сменить специфику своей работы. Он проектировал мосты в Европейской части и в Сибири. Его сын Ростислав, отец Киры работал инженером, мать, Анжелика Рутто, была технологом.

Большая семья жила на 1-й линии, рядом с Соловьевским садом. Обелиск, липы, решетка, за ней простор Невы, через

реку — Адмиралтейская набережная с величественным силуэтом Исаакия. Звон проходящих трамваев, гудки автомобилей и пароходов, тогда еще ходивших по Неве.

Пришла война, отец ушел на фронт, где был трижды ранен и получил орден Красного Знамени. В страшную блокадную зиму 1941–1942 года погибли все старшие родственники. Большая квартира опустела. Анжелика же с маленькой Кирой выжили, не в последнюю очередь благодаря тому, что мать работала на важном оборонном заводе. Но в начале лета 1942 года к уже пережитым напастям добавилась новая. Несмотря на героизм мужа и самоотверженную работу на оборону города, Анжелика с дочерью была депортирована, как лицо немецкой национальности, за Полярный Круг, в Салехард, вблизи устья Оби.

Сегодня это богатая столица края нефтяников, с многоэтажными домами и торговыми центрами, тогда же Салехард был маленьким поселком, застроенным бараками, населенными в основном ссыльными ленинградскими немцами, румынами и евреями из оккупированной в 1940 году Буковины и прочими «неблагонадежными элементами». В этой удивительной атмосфере, где маленькая Кира пила теплую оленью кровь, которой ее угощали в чуме прикочевывавшие немцы, а потом, дома вечером, подруга матери читала ей по-немецки «Фауста», она и росла.

«Сколько я себя помню, я все время фантазировала. В первом классе я уверила всех, даже учительницу, что путешествовала с папой по Африке. Мои “путевые заметки” сводились к пересказу любимой в то время книжки “Доктор Айболит” с изменениями и добавлениями из собственной головы. В классе я была “девочкой, приехавшей из Африки”. Но все выяснилось довольно скоро. Я решила, что учиться совсем не обязательно, к тому же, меня оскорбили, поставив перед всем классом на весь день в угол, и я перестала ходить в школу вообще. Это мне сходило с рук две недели, а потом разразился

мировой скандал, все выяснилось, мне поставили четверку по поведению и перестали верить. Но я не отчаивалась», — пишет Кира Ростиславовна в своих воспоминаниях о детстве. Куда уж тут отчаиваться. «Уходя после обеда на работу, мама закрывала меня на ключ, но мои приятели были верными друзьями и не терпели “насилия над личностью”; они быстро нашли ключ, подходивший к нашему замку, и я преспокойно удалялась из дома через 10 минут после маминого ухода. К несчастью, в одной из “самовольных отлучек”, во время игры в войну, я вывихнула ногу, прыгнув “за Родину, за Сталина” с нашего дома, а он был все-таки двухэтажным. Это было роковым, в результате всего этого мама лишний раз убедилась, какая я отчаянная лгуныя».

Однако, уже тогда в маленькой фантазерке и озорнице проступали черты будущего призвания.

«По вечерам я читала, читала все, что попадалось под руку, и свои детские книжки, и “взрослые”. “Взрослые” были интересней, в них было что-то, что я еще не понимала, но что влекло своей новизной. Кажется, мне было лет 10, когда я впервые прочитала “Анну Каренину”. Я два дня рыдала — мне было жаль “бедного Каренина” и я ненавидела Анну <...> Моя дружба с мальчишками кончилась внезапно, как и началась, и я окончательно ушла в мир книг. Теперь, кроме них, меня ничего не интересовало, я читала, читала и читала».

Странен был мир сталинской заповедной ссылки: сочетание ужаса обстоятельств поднадзорного полуголодного существования и, без преувеличения, великолепия людей, оказавшихся там.

«Иногда мама брала меня в театр, где она по вечерам работала суфлером. Я сидела за кулисами, смотрела и забывала обо всем на свете. Я никак не могла понять, как эти же артисты могут в перерывах пить, смеяться и рассказывать анекдоты. Одним из любимых актёров был еще ленинградский мамин приятель Лёва Мюллер. Он работал врачом и сам вво-

дил себе в кровь спирт, иначе он не пьянел. Но, когда он пьянел, его легко можно было уговорить сесть за рояль и тогда он преображался. Больше всего я любила, когда он играл и напевал вполголоса Вертинского. С этих импровизированных концертов я уходила опустошенная. Вертинский был для меня целым миром, миром утонченной голубой печали».

Подрастающая Кира обожала поэзию, и тут нашлось применение её актерской жилке. Не только на школьных, но, зачастую, и на «взрослых» праздниках она декламировала стихи. Ей удавалось, помимо обязательных славословий в адрес Ленина-Сталина, прочитывать что-нибудь задушевное, человеческое — о любви, о разлуке, об оставшемся в неясных воспоминаниях детства любимом городе.

Все когда-нибудь кончается. К счастью — и людоедские режимы тоже. После смерти Сталина сначала Кире, как дочери фронтовика и орденноносца (к сожалению, уже умершего) разрешили съездить в Ленинград получить паспорт — без этого она была бы, по законам того времени фактически обречена пожизненно проживать в Салехарде — а потом, через год, позволили вернуться и им обоим, вместе с матерью. Старая квартира была занята новыми жильцами, но все же им удалось на двоих получить комнату на 11-й линии. Они были счастливы.

«В Ленинград я сразу же влюбилась, меня поражало все — громадные дома, прямые улицы, мосты, газоны с цветами и даже дождь, который здесь не шел, а моросил. Не понравилась только Нева, она казалась такой узенькой по сравнению с Обью, и я не могла представить, что она может выйти из берегов». В том, что это не так, Кире очень скоро пришлось убедиться — во время наводнения 15 октября 1955 года, когда ей еле удалось вернуться домой из библиотечного техникума — навстречу ей с подружкой от Невы бежала вода, и уже у подъезда ее было по колено!

После окончания учебы в техникуме Кира Никитина пошла работать в БАН.

Работа была увлекательной — не только возможностью читать книги, бывшие раньше за семью печатями, но и тем, что по службе приходилось общаться с людьми всего мира, разных рас и народов. Дома она часто вспоминала о бесконечном трудолюбии китайцев, потрясающей элегантности денди-англичан, веселом легкомыслии африканцев. По вечерам бежала в университет слушать лекции знаменитых ученых.

В 1958 году Кира Никитина встретила своего многолетнего спутника жизни — московского архитектора и художника Гавриила Акулова. На девять лет старше ее, тоже из семьи репрессированных, сам прошедший шесть с лишним лет по тюрьмам и ссылкам, он стал тем прекрасным принцем, о котором подрастающая Кира мечтала еще в отрочестве. Честный, добрый, мягкий и, одновременно, очень мужественный человек, Гавриил обладал огромной эрудицией, был прекрасным пейзажистом-акварелистом, написавшим больше сотни картин только с видами Ленинграда, впоследствии по его проектам были построены крупные общественные здания в нескольких городах СССР. В 1961 году они поженились, и Кира — уже Акулова — переехала к мужу в Москву.

Сначала она устроилась в библиотеку проектного института, где работал супруг, но вскоре ей предложили место в детской библиотеке рядом с домом. К этому времени родился сын, и Кира Акулова с радостью пошла на новую работу, еще не подозревая, что она продлится около 20 лет.

И действительно, в детской библиотеке она, без преувеличения, нашла себя. Хорошо помня свою страсть к книгам ребенком, Кира Акулова всеми силами стремилась помочь тем, кто способен получить от чтения настоящее удовольствие. Тех же, кто был равнодушен, она пыталась заинтересовать книгой, полагая, кажется — справедливо, что без этого человек лишается какой-то очень яркой и существенной части своей жизни.

Киру Ростиславовну прекрасно знали дети всех соседних школ. Она не просто

искала и выдавала книги, но долго и с удовольствием помогала каждому ребенку выбрать для чтения именно ту, которая будет ему близка. Вместе с учителями литературы она проводила в школах уроки внеклассного чтения. Это были очень живые уроки, где рассказы о писателях и книгах часто перемежались с ее личными воспоминаниями — о Севере, о Питере, о детстве.

Дети платили ей искренней симпатией. По дороге из магазина, когда она несла тяжелую сумку домой, вечно подходил кто-нибудь из мальчишек, здоровался и тащил ношу Киры Ростиславовны до подъезда.

Дома, в минуты отдыха, ее редко видели без книги. Удовольствие от чтения для нее перекрывало все остальные радости досуга — исключая, разве что, встречи с любимыми друзьями.

А их, этих встреч, в доме Гавриила и Киры Акуловых, было немало. Каждые выходные не обходились без застолий с друзьями — архитекторами и художниками, учеными — молодыми и не очень, близкими родственниками, просто интересными и хорошими людьми. Это не был великосветский салон, посещаемый властителями дум, но именно из таких, малозаметных и разбросанных по городам страны пристанищ, и состояла культурная среда интеллигенции позднего советского времени. Прекрасные акварели и обширная эрудиция супруга, чуткое знание поэзии и вообще литературы самой Кирой, приветливость и неизменная доброжелательность хозяев и, конечно, не в последнюю очередь, вкуснейшие пироги, беяши, бараньи ноги, грибы собственной засолки и прочие кулинарные шедевры, до изготовления которых Кира была большой охотницей, делали этот дом для тех, кто знал о нем, желанным приютом.

А поэзию Кира Ростиславовна действительно великолепно знала и любила. Случалось, что ее просили угадать, кому из русских или советских поэтов принадлежит то или иное, незнакомое ей стихотворение — и ответы в абсолютном

большинстве случаев были правильными. С большим нетерпением она ожидала возвращения из-за границы кого-нибудь из друзей, привозивших книги не печатавшихся в СССР поэтов — от Гумилева и Кузмина до Бродского.

Кира Ростиславовна никогда не прерывала своей связи с Петербургом, с мужем и сыном они постоянно ездили к ее родителям, встречались с друзьями и бывшими сослуживцами, которые, в свою очередь, всегда находили у них приют в Москве. Вообще в семье процветал своеобразный культ Петербурга-Ленинграда, оставшийся и после их ухода.

В 80-е годы Кира Ростиславовна сменила место работы и стала заведующим библиотекой одного из московских НИИ. Там тоже до сих пор помнят ее доскональное знание мировой литературы, человеческую чуткость, умение порекомендовать любому замечательную книгу, нужную именно ему.

Несмотря на тяжелую утрату — в 1985 году умер Гавриил Иванович — Кира Ростиславовна и в поздние годы жизни оставалась все той же, неизменно доброй, участливой, понимающей, всегда готовой принять и обогреть в своем доме даже малознакомых людей. Среди них появились новые — друзья сына, художники, музыканты, археологи из Москвы и Питера, с Украины и из Сибири — и все они до сих пор с нежностью вспоминают эту хрупкую и маленькую, но гордую и мужественную женщину.

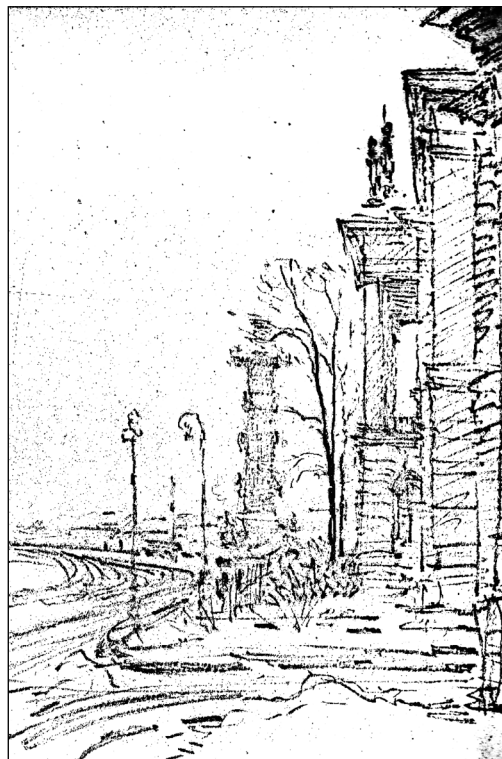
С конца 80-х годов и до самой смерти, Кира Ростиславовна состояла в организации блокадников, была их районным куратором, опекала престарелых людей, как могла — от доставки немощным продуктов домой до составления им официальных бумаг. Много времени отнимала и забота об устройстве персональных выставок супруга, в чем ей неизменно помогали верные друзья семьи, оставшиеся еще с молодости и искренне любившие Киру Ростиславовну.

Даже в последние годы, омраченные тяжелой болезнью, ее приветливость и

ласка помогали людям и согревали их. Наверное, нет из знавших ее ни одного человека, который бы не вспомнил ее добрым словом.

После смерти Киры Ростиславовны ее сын переехал обратно в Петербург, на Васильевский остров. И теперь вокруг гранитного обелиска в Румянцевском садике, как раньше ее отец, она сама и ее сын, бегают один из ее внуков, двухлетний Платон. Карабкается по ступеням, смеется, смотрит вдаль... Нет уже трамвайных звонков и гудков пароходов, но все тот же узор решетки, серая гладь реки и туманная громада Исаакия на том берегу.

Мы, конечно, умираем — но не целиком и не до конца. Часть нашего существа остается — в крови потомков и памяти окружающих. И это, пожалуй, лучшая константа человеческого существования.

Г.И. Акулов. Набережная Макарова.
Конец 1950-х. Фломастер (копия).
(Из частной коллекции)

УДК 929
ББК 78.33г

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА НАУМЕНКО (1947–2006)

Наиля Вилевна Бекжанова, кандидат педагогических наук
Валентина Болеславовна Лазуркина, кандидат биологических наук
Ирина Николаевна Комарова, кандидат медицинских наук,
научный сотрудник сектора естественных и технических наук
Отдела научной систематизации литературы
Библиотека Российской академии наук

199034, Санкт-Петербург, В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: onsl@rasl.nw.ru

АННОТАЦИЯ

В статье представлены краткая биография и творческий путь от старшего редактора до учредителя издательства Татьяны Васильевны Науменко. Ее научная и переводческая деятельность, высокий профессионализм были достойно оценены Российской Академией наук. Коллеги же знали ее как необыкновенно талантливого человека. Своими умениями она щедро делилась с окружающими, оставляя о себе память и создавая, таким образом, преемственность в отношениях, которая будет передаваться далее.

Ключевые слова: Т.В. Науменко, систематизация литературы, архитектура, таблицы ББК, каталог БАН, библиография, буддизм.

Татьяна Васильевна Науменко родилась 19 июля 1947 года в Ленинграде. Ее отец — Василий Григорьевич Науменко (1918–2007) — был преподавателем кафедры оснований и фундаментов Ленинградского инженерно-строительного института (ЛИСИ), а также превосходным цветоводом-любителем.

Мать — Галина Флорентьевна Науменко (1922–2010) — работала в отделе систематизации Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, занимала должность главного библиотекаря, заведовала группой систематизации технической литературы. В 1960–1965 гг. под ее руководством и при непосредственном участии были подготовлены и изданы таблицы Библиотечно-библиографической классификации по циклу технических наук. В 1981 г. в составе группы разработчиков ББК она была удостоена почетного звания лауреата Государственной премии.

Брат Татьяны Васильевны — Майк Науменко (1955–1991) — один из созда-

телей русского рока, лидер известной рок-группы «Зоопарк». В 1977–1979 гг. сотрудничал с группой «Аквариум». В середине 1980 г. Майк при поддержке Б. Гребенщикова записал свой первый сольный акустический альбом «Сладкая N и другие», после чего Майка стали называть «ленинградским Бобом Диланом». В дальнейшем его песни исполняли такие группы как «ДДТ», «Аквариум»,

«Секрет», «Алиса», «Ленинград», «Кино» и др.

В 1965 г. Татьяна Васильевна окончила 213-ю школу с углубленным изучением английского языка и поступила на архитектурный факультет ЛИСИ, учебу на котором завершила в 1971 г. С апреля 1971 по август 1972 г. она работала в архитектурно-планировочной мастерской № 2 Ленинградского государственного института по проектированию городов (Ленгипрогор) при Госстрое РСФСР.

После перерыва в 1972–1973 гг., связанного с болезнью дочери, Татьяна Васильевна Науменко поступила на работу в БАН, с 29 ноября 1973 г. — временно, а с 15 января 1974 г. перешла в штат. Закономерным стал ее приход в отдел систематизации литературы на должность старшего редактора сектора технических наук. Впитав атмосферу семьи: техническую специальность отца — преподавателя ЛИСИ, и матери — ведущего сотрудника одной из крупнейших библиотек страны, она за короткий срок успешно освоила методику систематизации литературы по архитектуре и строительству и стала одним из ведущих специалистов отдела. Татьяна Васильевна занималась систематизацией литературы, вела разделы Центрального систематического каталога БАН «Н Строительство», «О Транспорт», «Ж Техника и технические науки в целом». В работе ей помогало владение иностранными языками: английским, немецким, польским.

Татьяна Васильевна активно участвовала в научной работе отдела. На 15-й научной конференции БАН по вопросам оптимизации ББК и концепции ее второго издания она сделала доклад «О месте раздела “Архитектура” в таблицах ББК», который был опубликован в сборнике научных трудов БАН за 1978 г. Эта статья получила 2-ю премию на конкурсе молодых специалистов БАН. Т.В. Науменко принимала участие в подготовке дополнений и исправлений к таблицам ББК по разделу «О Транспорт». Она выступила рецензентом «Методических рекомен-

даций по применению таблиц ББК для классифицирования литературы по гидротехническому строительству», разработанных сотрудниками ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, и представила свои решения, которые вошли в окончательный вариант, опубликованный в 1978 г. Она принимала участие в совместном исследовании Государственной библиотеки им. В.И. Ленина, Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина и Библиотеки Академии наук по теме «Анализ классификационных решений трех библиотек по разделу “Н Строительство”».

Татьяна Васильевна участвовала в библиографических работах, проводимых в отделе. Вместе с сотрудниками отдела занималась составлением систематических указателей к изданиям, выпускаемым БАН или же при участии БАН: «Библиография изданий Академии наук СССР: ежегодник», «Доклады Академии наук СССР. Новая серия», «Новые иностранные книги: каталог новых поступлений...», «Общесоюзный сводный каталог зарубежных книг: Естественные науки. Техника. Сельское хозяйство. Медицина».

С апреля 1979 г. Татьяна Васильевна исполняла обязанности старшего научного сотрудника отдела, а в октябре того же года на заседании Ученого совета БАН единогласно была утверждена в этой должности. В 1985 г. она возглавила сектор физико-математических и технических наук, а 2 июня 1987 г. была назначена заведующим отделом научной систематизации литературы.

Продолжая заниматься систематизацией текущих поступлений, ведением профильных разделов каталога, разработкой дополнений и исправлений к выпускаемым ББК, Т.В. Науменко также осуществляла организационное и методическое руководство всеми направлениями работы отдела. Она занималась разработкой текущих и перспективных планов работы отдела, обеспечением их своевременного и качественного исполнения, подбором и

расстановкой кадров, возглавляла научно-методический совет отдела.

С 1985 г. Татьяна Васильевна была избрана членом Проблемного совета «Систематический каталог и пути его совершенствования». Она участвовала в создании «Электронного пути книги БАН». В рамках проекта GEAC редактировала перевод рабочей документации. В октябре 1990 г. для изучения опыта работы библиотек Швеции в области создания электронных каталогов в составе группы сотрудников БАН Т.В. Науменко посетила библиотеки Стокгольмского университета и университета в г. Линчепинг.

Татьяну Васильевну отличал высокий профессионализм, ответственность, творческий и деловой подход. Четкость и серьезное отношение ко всем принятым на себя обязательствам отмечают также и ее коллеги по «переводческому цеху», к которому она примкнула после ухода из БАН в 1992 г. Один из них — Михаил Ахманов (М.С. Нахмансон) — посвятил ее памяти трогательный очерк «Две Татьяны», опубликовав его на персональном сайте (http://akhmanov.ru/books_000/zam_stat/stat_tt.htm).

Начало профессиональной переводческой деятельности Татьяны Васильевны было положено фантастическими романами Энн Маккефри из серии «Хроники Перна» и произведениями других фантастов, которые в ее переводах печатались в издательстве «Эксмо». Позднее Т.В. Науменко стала членом Союза писателей Санкт-Петербурга.

В последующие годы Татьяна Васильевна стала крупным специалистом в области переводов буддийских религиозных сочинений. Она участвовала в работе семинара по проблемам русскоязычных переводов буддийской терминологии индо-тибетской традиции. Снижению количества ошибок и неточностей в подготавливаемых ею переводах должно было способствовать и знание тибетского языка, который Татьяна Васильевна упорно изучала. Достигнутые успехи позволили

ей выступить в роли переводчика одного из лам, имя которого, к сожалению, выпало из памяти авторов статьи, в ходе его поездки по Бурятии.

В конце 1990-х гг. вместе с группой энтузиастов Татьяна Васильевна стала учредителем издательства «Уддияна», была его главным редактором. Издательство должно было решать задачи по переводу и выпуску на русском языке книг по тибетскому буддизму. Татьяна Васильевна выступила в роли переводчика или же редактора переводов многих книг буддийских учителей, вышедших в этом издательстве.

Присущий ей талант Татьяна Васильевна вкладывала во все, чем бы она ни занималась. Кроме научной и переводческой деятельности, она писала стихи, рисовала, шила, вязала, отличалась кулинарными способностями. Своими умениями она щедро делилась с окружающими.

2005 г. стал последним для Татьяны Васильевны Науменко. В самом начале 2006 г. тяжелая болезнь прервала жизнь этого удивительно талантливого человека.

Приложение

Выборочный список публикаций Т.В. Науменко

I. Библиоковедение

Дополнения и исправления к библиотечно-библиографической классификации: табл. для науч. б-к. Вып. 1–25: инструктив.-метод. рекоменд. / ГБЛ им. В.И. Ленина, ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Б-ка АН СССР и др. — М., 1983. — № 1 / гл. ред. Н.П. Журжалина. — 20 с.

Один из составителей.

То же. — М., 1987. — № 6 / гл. ред. Н.П. Журжалина. — 40 с.

Один из составителей.

То же. — М., 1988. — № 8. — 21 с.

Один из составителей.

Дополнения и исправления к библиотечно-библиографической классификации: табл. для науч. б-к. / ГБЛ

им. В.И. Ленина, ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Б-ка АН СССР и др. — М., 1980. — Вып. 10: Н Строительство. Раздел Н77 Гидротехническое строительство. Гидротехника: инструктив.-метод. рекоменд. № 2. — 24 с.

Один из составителей.

То же. — М., 1982. — Вып. 11: О Транспорт: инструктив.-метод. рекоменд. № 2. — 55 с.

Один из составителей.

Методические рекомендации по применению таблиц Библиотечно-библиографической классификации для классифицирования литературы по гидротехническому строительству / ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; сост. М.С. Добрин; науч. ред. С.П. Дорожкина. — Л., 1978. — 52 с.

Рецензент и автор ряда положений.

Применение специальных типовых делений библиотечно-библиографической классификации по технике: метод. рекоменд.: табл. 2: Специальные типовые деления для детализации литературы о машинах, аппаратах, приборах, оборудовании, сооружениях и других устройствах / ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина; сост. Г.Ф. Науменко; ред. И.Б. Цветкова. — Л., 1987. — 85 с.

Участник разработки отдельных вопросов.

* * *

Категориальный анализ и синтез раздела «Н5 Строительные конструкции» (в рамках первого издания ББК) // Методы усовершенствования Библиотечно-библиографической классификации и ее применение в Библиотеке АН СССР: сб. науч. тр. / Б-ка АН СССР; редкол.: А.А. Панов (отв. ред.) и др. — Л., 1980. — С. 133–147.

О месте раздела «Архитектура» в таблицах ББК // Усовершенствование и применение Библиотечно-библиографической классификации: (сб. науч. тр.) / Б-ка АН СССР; редкол.: А.А. Панов (отв. ред.) и др. — Л., 1978. — С. 97–105.

Основные направления совершенствования таблиц ББК по технике // Тезисы докладов и сообщений на Всесоюзной научно-практической конференции «Проблемы дальнейшего совершенствования и внедрения советской Библиотечно-библиографической классификации» (27–28 сент. 1983 г.) / ГБЛ им. В.И. Ленина. — М., 1983. — С. 67–70. — (В соавт. с Г.А. Григорьевой).

Отражение литературы по проектированию в таблицах ББК по технике // Советская Библиотечно-библиографическая классификация / ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. — Л., 1981. — Вып. 3. — С. 54–63.

Условия, влияющие на объекты и процессы, и их отражение в таблицах ББК по техническим наукам // Научная конференция «Основные направления и методы совершенствования ББК», Ленинград, 13–15 апр. 1982 г.: тез. докл. / Б-ка АН СССР; редкол.: М.А. Тарасов (отв. ред.) и др. — Л., 1982. — С. 14.

То же // Основные направления и методы развития Библиотечно-библиографической классификации: сб. науч. тр. / Б-ка АН СССР; редкол.: Е.Г. Сухманева (отв. ред.) и др. — Л., 1982. — С. 39–44.

II. Переводы

II.1. Художественная литература

Гроф С. Зов Ягуара. — М.: АСТ и др., 2001. — 380, [1] с. — (Сокровенное путешествие).

Один из переводчиков и редактор перевода.

Джонс Е. Волшебник поневоле // Вино грез / сост. А. Медвинский. — Киев, 1993. — С. 6–165. — (VEGA).

Переводчик.

Маккефри Э. Белый дракон. — М.: ЭКСМО-пресс, 2001. — 475, [1] с. — (Драконы Перна).

Один из переводчиков.

То же. — 2005. — 477, [2] с. — (Хроники Перна).

Один из переводчиков.

Маккефри Э. Все Вейры Перна. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. — 510, [1] с. — (Драконы Перна).

Один из переводчиков.

Маккефри Э. Все Вейры Перна. — М.: Эксмо, 2005. — 506, [2] с. — (Хроники Перна).

Один из переводчиков.

Маккефри Э. Корабль, который пел // Маккефри Э. Спор о Дьюне. Корабль, который пел. — СПб., 1993. — С. 208–446. — (Сер. Fantasy).

Переводчик.

Маккефри Э. Корабль, который пел. — М.: Эксмо, 2007. — 344, [2] с. — (Хроники Перна).

Переводчик.

Маккефри Э. Корабль, который пел // Маккефри Э. Сага о живых кораблях. — М.; СПб., 2008. — С. 5–224. — (Шедевры фантастики).

Переводчик.

Маккефри Э. Корабль, который пел. — М.: Эксмо, 2010. — 414 с. — (Фантастика & Фэнтези: The best of).

Переводчик.

Маккефри Э. Песнь Перна: трилогия. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. — 542, [1] с.: ил. — (Драконы Перна).

Переводчик.

Рассел Э. Ф. Зловещий барьер. Ближайший родственник. Оса / послесл. А. Балабухи; худож. П. Борозенец. — СПб.: Северо-Запад, 1992. — 605, [2] с.: ил.

Один из переводчиков.

Рейнольдс М. Зерно богоподобной силы // Рейнольдс М. Зерно богоподобной силы. — СПб., 1994. — С. 11–226.

Переводчик.

Фармер Ф. Ночь света // Мир дней. — Саратов; СПб., 1995. — Т. 2. — С. 229–386. — (Сер. Меч и Посох: коллекция фантаст. эпопеи).

Переводчик.

II. 2. Буддийские тексты

Вангьял Тендзин Ринпоче¹. Тибетская йога сна и сновидений. — СПб.: Уддияна, 2002. — 248 с.

Один из переводчиков.

Вангьял Тендзин Ринпоче. Чудеса естественного ума: сущность Дзогчена в ис-

конной тибетской традиции Бон / пер. с англ. Ф. Маликова. — СПб.: Уддияна, 2000. — 248 с.

Один из редакторов.

Гендун Чопел. Тибетское искусство любви / пер. с тибет.: Дж. Хопкинс в сотрудничестве с Дордже Юдон Ютог. — СПб.: Уддияна, 2009. — 282, [1] с.

Переводчик с английского.

Далай Лама XIV (Тензин Гьяцо). Гарвардские лекции / пер. с тибет. и ред. Дж. Хопкинса; пер. с англ. М. Малыгиной. — М.: Цонкапа, 2003. — 198 с.

Литературный редактор перевода.

То же. — 2005.

Естественное освобождение: Учение Падмасамбхавы о шести бардо / коммент. Гьятрула Ринпоче; пер. с тибет. А. Уоллиса, пер. с англ. Е. Антонова. — СПб.: Уддияна, 2003. — 324 с.

Один из редакторов.

Камалашила [Энтони Маттьюз]. Медитация: буддийский путь покоя и прозрения / пер. с англ. Е. Харьковской. — СПб.: Уддияна, 2003. — 320 с.

Редактор.

Конгтрул Джамгон. Безбрежный океан знания. — СПб.: Уддияна, 2003. — Т. 1: Мириады миров: Буддийская космология в Абхидхарме, Калачакре и Дзогчене / пер. с англ. Ф. Маликова. — 118 с.

Один из редакторов.

Кристалл и путь света: сутра, тантра и дзогчен: учение Намкай Норбу / сост. и ред. Дж. Шейн; пер. с англ. Ф. Маликова. — СПб.: Сангелинг, 1998. — 216 с.

Редактор перевода.

Намкай Норбу Ринпоче. Дзогчен — состояние самосовершенства / ред. А. Клементе; пер. с итал. на англ. Дж. Шейн; пер. с англ. Ф. Маликова. — СПб.: Уддияна: Шанг-Шунг, 2001. — 148, [2] с.

Редактор русского издания.

Намкай Норбу Ринпоче. Зеркало великого совершенства: сб. ст. и выступлений / пер. с англ.: Ф. Маликова, К. Шилов. — СПб.: Сангелинг, 1998. — 108 с.

¹ Благодарим Т.И. Виноградову за консультацию по написанию имен буддийских учителей.

Один из редакторов.

Намкай Норбу Ринпоче. Круг дня и ночи, который проходят на пути Ати-йоги: сущностный тибет. текст по практике Дзогчена / пер. с тибет., ред., предисл. и введ. Дж.М. Рейнольдс; пер. предисл., введ., коммент. к коренному тексту и коренного текста с англ. с привлечением тибет. ориг. Ф. Маликова. — СПб.: Шанг-Шунг, 1998. — 160 с.

Один из редакторов.

Намкай Норбу Ринпоче. О рождении и жизни: трактат по тибетской медицине; Витиелло Л. Введение в тибетскую медицину / пер. с англ. Ф. Маликова. — М.; СПб.: Шанг-Шунг, 2000. — 108 с.

Редактор.

Нацог Рангдрол Целе. Посвящение и путь освобождения / пер. с тибет. Эрик Пема Кунсанг; редкол.: А. Кулик, Ф. Маликова, С. Селиванов. — СПб.: Уддияна, 2000. — 136 с.

Переводчик.

Норбу Чогьял Намкай. Йога сновидений и практика естественного света / ред. и введ. М. Каца; пер. с англ. Ф. Маликова. — Пересмотр. и расшир. изд. — СПб.: Шанг-Шунг; Уддияна, 2003. — 178 с.

Редактор русского издания.

Палдэн Шераб Ринпоче, Цеванг Донгьял Ринпоче. Львиный взор: коммент. к трем заветам Гараба Дордже / пер. с тибет. на англ. С. Хардинг; пер. с англ. Ф. Маликова. — СПб.: Уддияна, 2003. — 200 с.

Один из редакторов.

Патрул Ринпоче. Слова моего всеблагого учителя: уст. наставления по предварит. практикам учения Дзогчен лонгчен нингтиг / пер. с тибет. и ред.: С.Т. Казы, пер. с англ. Ф. Маликова. — СПб.: Уддияна, 2004. — 534 с. — (Классика буддизма).

Один из редакторов.

Самоосвобождение благодаря видению обнаженной осознанностью / коренной текст Гуру Падмасамбхавы; зап. Еше Цогьял; предисл. Намкай Норбу Ринпоче; пер. с тибет. на англ., введ., коммент. Дж. Рейнольдс; ред.: Ф. Маликова,

А. Кулик, А. Бреславец. — СПб.: Уддияна, 2001. — 240 с.

Переводчик с английского.

Совет рожденного из лотоса: собр. советов, данных Падмасамбхавой дакини Еше Цогьял и другим близким ученикам / введ. Тулку Ургена Ринпоче; пер. с тибет. Эрика Пэма Кугсанга; пер. с англ. Ф. Маликова. — СПб.: Сангелинг: Рангчжунг Еше, 1998. — 272 с.

Один из членов редколлегии.

Сангхаракшита [Деннис Лингвуд]. Кто такой Будда? / пер. с англ. С. Селиванов. — СПб.: Уддияна, 2004. — 199 с.

Редактор.

Тибетская книга мертвых / пер. с тибет. на итал., введ. и коммент. Чогьял Намкай Норбу Ринпоче; пер. с итал. Г. Шилова. — СПб.: Шанг-Шунг, 1999. — 136 стр.

Один из членов редколлегии.

Учения дакини: наставления Падмасамбхавы царевне Еше Цогьял / пер. с тибет. Эрика Пэма Кугсанга; пер. с англ.: Ф. Маликова, Пэма Чо Чонг. — СПб.: Уддияна: Рангчжунг Еше, 2000. — 252 с.

Один из членов редколлегии.

Цеванг Донгьял Кэнпо Ринпоче, Кэнчен Палдэн Шераб Ринпоче. Восемь проявлений Гуру Падмасамбхавы. — СПб.: Уддияна, 2002. — 110 с.

Один из переводчиков с английского.

Цогьял Еше. Рожденный из Лотоса: Жизнеописание Падмасамбхавы. — СПб.: Уддияна, 2003. — 336 с.

Переводчик.

То же. — 2010.

Чоки Нима Ринпоче. Неоспоримая истина / пер. с англ.: С. Райх, С. Томашпольский, В. Заводчиков. — СПб.: Уддияна: Рангчжунг Еше, 2002. — 220 с.

Один из редакторов.

Чоки Нима Ринпоче. Учения о предварительных практиках / пер. с тибет. на англ. Эрик Пема Кунсанг, пер. с англ.: С. Райх, С. Томашпольский, В. Заводчиков. — СПб.: Рангчжунг Еше, 2001. — 54 с.

Один из редакторов.

УДК 024.5/025.5
ББК 78.33

**АВТОМАТИЗАЦИЯ И НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОЦЕССАХ
ИНФОРМАЦИОННО-БИБЛИОТЕЧНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ
ОТДЕЛА ФОНДОВ И ОБСЛУЖИВАНИЯ:**

от телетайпа до электронной почты

Марина Павловна Подвигина,

*главный библиотекарь Отдела фондов и обслуживания
Библиотека Российской академии наук*

199034, Санкт-Петербург, В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: mpp@rasl.nw.ru

АННОТАЦИЯ

В статье представлена история внедрения новых технологий в Библиотеке Российской академии наук. Определены цели автоматизации библиотечного обслуживания: потребности читателей в актуальной информации и качественных изображениях в независимости от места нахождения оригиналов, обеспечение сохранности универсальных научных фондов. Подробно описано решение вопросов, связанных с копированием документов. Рассказано о налаживании сотрудничества с зарубежными партнерами, организации совместных проектов с крупнейшими библиотеками России. Приведены статистические данные по библиотечной системе в целом.

Ключевые слова: *история автоматизации БАН, межбиблиотечный абонемент, электронная доставка документов, электронная библиотека, микрофильмирование, сохранность фондов.*

Интернет, электронная почта, электронный каталог, автоматизированная библиотечная система — это те новые технологии, без которых в настоящее время невозможно представить деятельность библиотек. В 60-е годы XX столетия до этого было далеко, в то время как объем публикуемой в мире информации стремительно увеличивался. Спрос на актуальную информацию, без которой невозможно было развитие науки и техники, развитие производства, с каждым годом возрастал. Библиотека Академии наук (БАН) СССР, обладающая универсальными научными фондами, которые регулярно пополнялись отечественной и иностранной литературой, выполняла одну из основных задач научной библиотеки — обеспечения доступа к информации и по праву считалась центром научной информации.

Основным оперативным источником получения информации в БАН была в те годы Выставка новых поступлений (ВНП). Каждую неделю ее посещали научные сотрудники и ученые, занимающиеся фундаментальными и прикладными исследованиями в Российской академии наук и многочисленные сотрудники неакадемических учреждений Ленинграда. Библиотека Академии наук территориально расположена среди академических институтов, рядом с ней находятся Санкт-Петербургский государственный университет, Государственный оптический институт, Государственный институт прикладной химии. Сотрудники этих учреждений составляли большинство читателей БАН. Тогда во всех научно-исследовательских институтах, научно-производственных объединениях, на заводах, помимо библиотек, существовали

отделы научно-технической информации (ОНТИ), сотрудники которых, инженеры-информаторы, работали на ВНИ БАН, просматривая литературу по профилю деятельности своих учреждений. По установившейся традиции четверг был днем информатора.

Для обеспечения читателей БАН информацией, отсутствующей в ее фондах, действовали Межбиблиотечный абонемент (МБА) и Межбиблиотечный международный абонемент (ММБА). По МБА и ММБА удовлетворялись запросы иногородних и зарубежных абонентов. Была налажена связь со всеми крупнейшими библиотеками РФ, а для библиотек АН, союзных библиотек и библиотек Северо-западного региона Библиотека академии наук являлась координационным центром. Количество абонентов с каждым годом увеличивалось. С начала 1970-х в СССР функционировала единая государственная система МБА, которая для совершенствования обслуживания на разных этапах своего развития использовала различные средства связи, технические устройства и технологии.

Так на заре развития вычислительной техники появился телетайп. Первые попытки автоматизации информационно-библиотечных процессов в Отделе обслуживания БАН связаны с использованием телетайпа для передачи заказов по МБА. Телетайп был установлен на МБА в 1961 году. В Толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова слову телетайп дается такое определение: «Телетайп это буквопечатный аппарат в виде крупной пишущей машины, при помощи которого можно передавать текст на расстояние, причем приемка текста осуществляется механически».

Библиотека АН СССР имела телеграфную связь с Государственной библиотекой им. В.И. Ленина, с Государственной публичной научно-технической библиотекой (ГПНТБ) СССР, с Всесоюзной государственной библиотекой иностранной литературы, с библиотеками АН союзных республик, с некоторыми уни-

верситетскими библиотеками. Использование телетайпа позволило достичь большей оперативности в обслуживании абонентов МБА по сравнению с почтовыми пересылками заказов. Но телетайп служил только средством передачи заказов, выполненный заказ в виде оригинала или копии нужно было отправлять бандеролью по почте. Потому так важно было наладить копирование документов.

В 60-е годы в работе МБА начали активно использовать аппарат для быстрого фотокопирования. Сотрудникам МБА была предоставлена возможность самим изготавливать фотокопии документов. По заказам читателей и абонентов МБА изготавливались фотокопии статей из периодических изданий и фрагментов из монографий. Фотокопии изготавливались примитивным способом на фотобумаге, они были не очень удобны для пересылки, да и для чтения тоже.

Тем не менее, это позволяло не высылать по почте оригиналы, а заменять их фотокопиями, что обеспечивало сохранность библиотечных документов.

Пришедшее на смену изготовления фотокопий ксерокопирование полностью его заменило и получило очень большую популярность. Спрос на ксерокопирование был настолько велик, что приходилось вводить ограничения при приеме заказов, больше 1000 страниц в день на копировальной машине сделать было нельзя. Читатели, желавшие сделать заказ на ксерокопирование, выстаивались в очередь задолго до открытия Библиотеки. Были введены квоты на количество страниц в день: 400 страниц для читателей Главного читального зала, 200 для читателей Выставки новых поступлений, 200 для читателей газетно-журнального зала и 200 страниц по заказам МБА.

Как видим, проблема обеспечения доступа широкого круга читателей к удаленным источникам информации в течение 60–80-х годов прошлого столетия успешно решалась с помощью МБА и международного МБА. Для выполнения заказов широко использовалось ксерокопирова-

ние и микрофильмирование, для передачи заказов и сообщений обращались к услугам обычной почтовой службы.

В 90-е годы ситуация резко изменилась. Государственное финансирование почти прекратилось и, как следствие этого, стало невозможным комплектование библиотечных фондов в должном объеме. Это привело к тому, что библиотеки перестали быть полноценными источниками информации, в то время как объем информации удваивался каждые 8 лет. Количество получаемых БАН иностранных периодических изданий уменьшилось в 10 раз. Многие иностранные журналы перестали поступать в Библиотеку с 1991 года совсем, поступление некоторых позднее возобновилось, но с большим пробелом, на отечественные журналы подписка значительно сократилась. Надо сказать, что это проблемы не только российских библиотек. В зарубежных странах тоже сократилось государственное финансирование библиотек, следовательно, и комплектование фондов. Во всем мире увеличилась стоимость печатной продукции. Фонды крупнейших библиотек утратили свою полноту. Как никогда библиотекам было необходимо обращение к фондам других библиотек для удовлетворения информационных запросов своих читателей. МБА российских библиотек оказались в ситуации, когда традиционными методами решить эту проблему стало невозможным. Постоянное отсутствие средств на почтовые пересылки, сроки доставки выполненных заказов не отвечали основной цели — оперативности доставки информации. В сложившейся ситуации начинается поиск альтернатив. Налаживается сотрудничество с зарубежными партнерами, организуются совместные проекты. В 1997 году в рамках благотворительного проекта, финансируемого германским Министерством по делам науки и культуры, БАН в числе других библиотек — участниц проекта, таких, как Библиотека по естественным наукам (БЕН) РАН, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского

отделения (ГПНТБ СО) РАН, получила доступ к каталогам Баварской национальной библиотеки. Было предоставлено право на получение бесплатных копий статей для читателей БАН. В результате оперативно, в течение 1–2-х недель читатель получал ксерокопию полного текста статьи любого объема, в то время как выполнить заказ из библиотек Москвы было проблематично из-за отсутствия средств на оплату почтовых расходов. Возникает идея взаимного использования информационных ресурсов, развития и внедрения современных информационных технологий, называемых электронной доставкой документов. Зарубежные библиотеки были уже подготовлены к внедрению электронной доставки документов. Первые эксперименты в этой области начались в США еще в середине 60-х годов, в Европе в конце 70-х, в России первые службы электронной доставки документов стали появляться только во второй половине 90-х годов. Первой организацией в России, которая начала осваивать электронную доставку документов, был Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН.

В 1998 году специалисты 5-ти крупнейших библиотек Санкт-Петербурга выступили с проектом «Обмен электронными копиями документов» и при поддержке Института «Открытое Общество» приступили к его реализации в экспериментальном режиме. Проект объединил Библиотеку Российской академии наук, Российскую национальную библиотеку, Научную библиотеку Санкт-Петербургского государственного университета, Фундаментальную библиотеку Санкт-Петербургского Государственного медицинского университета, Центральную городскую публичную библиотеку им. В.В. Маяковского.

В БАН работа над проектом объединила сотрудников Отдела комплектования библиотечных фондов (ОКБФ), Отдела фондов и обслуживания (ОФО), Отдела информатики и автоматизации библиотечных процессов (ОИА) и Отдела

информационно-компьютерного обеспечения (ОИКО). Для разработки и внедрения системы электронной доставки документов (ЭДД) в эксплуатацию была создана временная группа, в состав которой вошли сотрудники перечисленных выше отделов. Участники проекта договорились о единой технологии и едином комплексе программных средств. Для обмена электронными копиями была выбрана система Ariel. Для создания автоматизированного рабочего места будущей службы ЭДД было приобретено необходимое оборудование, обеспечен доступ в Интернет и к электронной почте.

В декабре 1999 года был налажен обмен электронными копиями с библиотеками-участниками Проекта в экспериментальном режиме. С 2000 года работа специально созданного Сектора ЭДД началась в промышленном режиме. С самого начала работы службы ЭДД проводился анализ заказов по разным аспектам. Собирались сведения о количестве принятых и отправленных заказов, о том, откуда поступают заказы и какова их тематика. Анализ собранного материала показал, что заказы на копии статей из изданий, хранящихся в фондах БАН, поступают из Санкт-Петербурга, Москвы и из различных регионов Российской Федерации, а также из-за рубежа. Количество заказов на копии статей из периодических изданий составляло 73% от общего количества заказов, 62% из них заказы на копии статей из иностранных журналов.

На первом месте по количеству запросов стояла литература по химии, затем по физике, медицине, технике, биологии, истории, философии. В процессе работы было установлено, что количество обращений удаленных пользователей за копиями документов из фондов БАН значительно превышает количество обращений читателей БАН за копиями документов из других библиотек. Надо отметить, что в настоящее время ситуация не изменилась. Основным источником информации для выполнения заказов

на электронную доставку по-прежнему являются статьи из иностранных и отечественных периодических изданий, они составляют 70% от общего количества заказов. Главными достоинствами электронной доставки документов являются оперативность и возможность доставить информацию независимо от места хранения первоисточника. Таким образом, электронная доставка документов дает возможность интегрировать в единую информационную систему.

Электронная доставка документов в основном применяется при выполнении заказов на копии статей из периодических изданий или отдельных фрагментов из монографий. В этом случае изготавливается электронная копия и отправляется по электронной почте. Если речь идет о предоставлении во временное пользование монографии полностью, без традиционных услуг МБА, безусловно, обойтись нельзя. Новые и традиционные формы обслуживания читателей вполне взаимодействуют и дополняют друг друга.

Электронная доставка документов включает доставку копий документов и непосредственное изготовление копий — сканирование, которое обладает несомненными преимуществами в сравнении с ксерокопированием. Сканирование позволяет изготовить копии более высокого качества. Кроме того, сканирование дает возможность копировать цветные изображения, схемы, чертежи, которыми сопровождаются статьи в современных научных журналах. Высокое качество изображения особенно важно при сканировании рисунков, гравюр, фотографий, картографических материалов или текста из изданий с пожелтевшей от времени бумагой. Для читателей, занимающихся исследованиями в области истории и филологии, искусства и краеведения периодическая печать конца XIX — начала XX века является бесценным источником информации. Старые журналы такие, как например, «Всемирная иллюстрация», «Нива», «Зодчий», «Иллюстрированный листок», постоянно спрашиваются

читателями. Эти журналы содержат интереснейшие материалы а, кроме того, их украшают изумительные иллюстрации. В журнале «Зодчий» помимо иллюстраций содержатся чертежи старинных зданий, что представляет интерес для архитекторов и реставраторов. Журналы «Сатирикон», «Фитиль», «Осколки» богаты карикатурами и рисунками известных художников. Возросший в последнее десятилетие интерес к периодике конца XIX — начала XX века повлек за собой и повышенный спрос на сканирование фрагментов из этих изданий. В Секторе ЭДД параллельно с электронной доставкой документов, появилось самостоятельное направление работы — сканирование библиотечных документов по заказам читателей БАН.

В 2007 году БАН стала участником программы «Научное наследие России». В БАН приступили к сканированию изданий РАН, относящихся к периоду Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., и хранящихся в фонде Научно-исследовательского отдела изданий Академии наук (ОИАН) и в фонде основного хранения ОФО БАН. Постепенно рамки репертуара изданий, сканируемых для «Научного наследия» расширились. В работу по программе включились сектора ОФО со специализированными фондами: Сектор славянского фонда, Сектор литературы русского зарубежья.

Оцифровка библиотечных документов, включенных в программу «Научное наследие», способствует раскрытию уникальных коллекций фондов БАН и делает их доступными для мировой научной общественности. В ОФО сканирование библиотечных документов по программе «Научное наследие России» производится в Секторе ЭДД и в Секторе славянского фонда. Каждое отсканированное издание сопровождается специальными библиографическими описаниями, которые создаются с помощью системы удаленного управления базами данных «ИРБИС» и пополняют электронный каталог фондов БАН. Говоря о досто-

инствах и преимуществах электронного копирования, нельзя не сказать о сохранности библиотечных документов. Объектами для сканирования часто становятся редкие и особо ценные документы. Ксерокопирование давно вошло в практику услуг, предоставляемых библиотеками своим читателям и абонентам. Но далеко не все издания можно ксерокопировать. Ксерокопирование является вредным и опасным видом копирования для документа, что доказано многочисленными научными исследованиями. При ксерокопировании документ приходится с силой раскрывать и прижимать к стеклу копировальной машины, в результате чего происходит повреждение корешка переплета, при перелистывании страницы могут загигаться и рваться. Кроме этого, во время ксерокопирования документ подвергается хотя и кратковременному, но интенсивному воздействию излучения, которое разрушает бумагу. Особенно страдает слабая и ломкая бумага, она легко повреждается. Невозможно ксерокопировать издания больших форматов и газетные подшивки. Во многих случаях на смену ксерокопированию приходит сканирование. При сканировании на планшетном сканере документ тоже подвергается вредным воздействиям, но удастся обеспечить более бережное обращение с документами, а при работе на более совершенном оборудовании, бесконтактном сканере, появляется возможность обеспечить максимальную сохранность документа. Более безопасным способом копирования является микрофильмирование и микрофиширование, хотя этот вид копирования нельзя отнести к новым технологиям. Работа по микрофильмованию началась еще в 50-х годах. С 1946 года был налажен прием заказов на микрофильмирование, которые выполнялись в Лаборатории научно-прикладной фотографии и кинематографии Академии наук (ЛАФОКИ) СССР. Изготавливались микрофильмы, прежде всего, с иностранных изданий, поступающих в журнальный зал, где они храни-

лись в течение 3-х лет, и не подлежали выдаче за пределы библиотеки.

Микрофильмы изготавливались также с изданий, получаемых по заказам читателей по МБА и ММБА из других Российских и зарубежных библиотек. Так было положено начало создания фонда микрофильмов, который к 1964 году насчитывал 10 500 единиц хранения, в настоящее время насчитывает 175 275 ед. хр. и является страховым фондом. В 1963 году был организован читальный зал для чтения микрофильмов. Микрофильмы очень широко использовались в работе МБА, особенно при обслуживании иногородних абонентов. Вместо оригиналов выдавались микрофильмы. По заказам абонентов МБА изготавливалось до 10 000 микрофильмов в год.

В настоящее время микрофильмирование, правда, не в таких объемах, но продолжается. В первую очередь микрофильмируется старая периодика — журналы и газеты, которые по своему физическому состоянию не могут быть выданы читателям. Намечено постепенное микрофильмирование все отечественные газеты конца XIX — начала XX века, хранящиеся в газетном фонде БАН. Параллельно с работой по микрофильмированию газет приступили к созданию электронного каталога к соответствующему разделу газетного фонда.

Русские дореволюционные газеты — это неоценимый источник сведений об исторических событиях и различных фактах повседневной жизни прошлых лет. В старых газетах можно найти практически все: от репортажей о городских событиях, от политических новостей и театральных рецензий до прижизненных публикаций классиков русской литературы, таких как Чехов и Лесков. Несмотря на то, что микрофильмирование далеко не новая технология, микрофильмирование старых газет и наиболее спрашиваемых журналов конца XIX — начала XX века, также как и оцифровка фондов, способствует сохранению библиотечных документов и пополнению страхового фонда. Создание

страхового фонда обеспечивает широкий доступ читателей и пользователей к копиям документа и ограничивает доступ к оригиналам.

Еще одним направлением автоматизации библиотечных процессов в ОФО является использование новых технологий при записи и регистрации читателей в БАН. В 2002 году на пункте записи читателей приступили к созданию компьютерной базы данных читателей БАН. В настоящее время она насчитывает около 33 000 записей читательских анкетных данных, из которых 22 000 читателей, ежегодно проходящих перерегистрацию и 11 000 — архивные.

В этой связи нужно вспомнить еще одну попытку автоматизировать библиотечные процессы, связанные с записью и перерегистрацией читателей БАН. В Отделе пишущих автоматов (ОПА) с 1970 года начал работать аппарат «Оптима 527», который использовался в процессе обработки литературы, поступающей в БАН. Этот аппарат был предоставлен сотрудникам Отдела обслуживания для проведения эксперимента по заполнению формуляров читателей Индивидуального абонемента. С помощью пишущего аппарата значительно сокращались сроки заполнения формуляров. В дальнейшем было принято решение использовать аппарат для перехода на механизированный учет и получения статистических данных всего состава читателей БАН. В 1975 году на основе анкетных данных была разработана система номеров читательских билетов и таблица кодов. Номер читательского билета отражал область научных занятий читателя. По номеру можно было определить, работает читатель в учреждении Академии наук или нет, а также наличие или отсутствие ученой степени. В таблице кодов отражались сведения о специальности читателя и о том, живет ли читатель в Ленинграде или находится в командировке. Сотрудники Главного читального зала и группы записи читателей производили перенос

сведений о читателях с читательских анкет на перфоленту аппарата «Оптим 527», дальнейшую обработку полученных данных проводили сотрудники Отдела механизации и автоматизации библиотечных процессов (ОМА), так стал называться к этому времени Отдел пишущих автоматов. Данные, полученные механизированным способом, позволяли анализировать состав читателей по самым различным аспектам. Этот способ механизированного учета для получения статистических данных применялся сравнительно недолго.

В последующие годы статистические данные получались обычным способом подсчета на калькуляторе и все сведения о читателях хранились исключительно на анкетах, заполненных читателями. Что касается системы читательских номеров, она действует и в настоящее время. Все сведения о читателях введены в базу данных читателей БАН, из которой можно получить статистические данные и любую справочную информацию о читателях.

Таким образом, в настоящее время в ОФО внедрены и успешно действуют новые технологии: электронная доставка документов, сканирование библиотечных документов по заказам читателей, оцифровка изданий по программе «Научное наследие России». Одновременно осуществляется ведение библиографических баз данных в рамках подготовки электронного каталога БАН, базы данных читателей БАН, а также производится микрофильмирование изданий по программе создания страховых копий фондов БАН.

В заключение нужно сказать, что новые технологии, которые внедрялись

в информационно-библиотечные процессы Отдела фондов и обслуживания на протяжении 50-ти последних лет были направлены на решение главной задачи — обеспечения читателей и удаленных пользователей необходимой информацией. Новые технологии, связанные с копированием документов, направлены на решение тоже немало важной задачи — обеспечению сохранности фондов.

Дело в том, что библиотекам придется выполнять задачи, которые как бы противоречат друг другу. С одной стороны Библиотеки обязаны обеспечить активное использование фондов, с другой — сохранность фондов, несмотря на активное их использование.

ЛИТЕРАТУРА

1. История библиотеки Академии наук СССР. 1714–1964 гг. — М., 1964. — С. 422–484.
2. 250 лет Библиотеке Академии наук СССР. — М.-Л., 1965. — С. 86–98.
3. Пискун В.Г., Мошкова Г.П., Эксперимент по применению пишущих автоматов в работе индивидуального абонента Библиотеки Академии наук СССР // НТБ. № 8. 1972. — С. 32–33.
4. Глухов В.А., Лаврик О.Л. Электронная доставка документов. — М., 1999.
5. Подвигина М.П. Объединение ресурсов Северной Пальмиры // Библиотекать. № 9. — С. 39–40.
6. Подвигина М.П. О новых формах обслуживания читателей Библиотеки РАН // Современные пользователи автоматизированной информационно-библиотечной системы. Материалы 4-й и 5-й научно-практической конференции. — СПб., 2003. — С. 13–17.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ

ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
ИМ. С.И. ВАВИЛОВА

НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ:

«АВГУСТЕЙЩИЙ ПРЕЗИДЕНТ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ
ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА

9 июня 2015 года

*Малый конференц-зал Санкт-Петербургского научного центра РАН
(Университетская наб., 5)*

Открытие в 10.00

Сопредседатели Оргкомитета: Г.В. Двас, Э.И. Колчинский.

Информация

УДК 027.53
ББК 78.38

ПЕГАС НА БЕРЕГАХ НЕВЫ

Татьяна Ивановна Новикова,
*главный библиотекарь методико-инновационного отдела
Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения
«Невская централизованная библиотечная система»*

193174, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 64
e-mail: tnov-cbs@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Представлен обзор мероприятий, прошедших 21–22 марта в 2014 и 2015 годах в рамках Всемирного дня поэзии. Местом проведения акции были помещения 13 библиотек и открытые площадки Невского района Санкт-Петербурга. Обширная программа включала встречи с авторами, выставки-просмотры, открытые заседания литературного клуба «Неоновая лампа», чтение стихов и исполнение песен на стихи поэтов. Освещена Межрегиональная научно-практическая конференция «Н.М. Рубцов в контексте года литературы в России». Отмечены новые формы, более эффективные, работы с читателями, принешие свои положительные плоды.

Ключевые слова: *Всемирный день поэзии, выставки, год литературы, библиотеки Невского района, поэтические чтения, научно-практическая конференция, библиотечное сообщество.*

Хоть какая за дверью эпоха —
Неолит, декаданс, ренессанс —
Всё равно без поэзии плохо,
А поэзия — все-таки шанс.

Н. Голь

Вот уже несколько лет, отмечая **21 марта Всемирный день поэзии**, библиотеки Невского района Санкт-Петербурга пытаются приобщить читателей к поэзии. К сожалению, наш прагматичный век враждебен поэтическому слову. *«Сама ситуация неуспеха поэзии обсуждается, самое позднее, начиная с эпохи романтизма. Нынешняя «невостробованность» — отчасти иллюзия, возникающая из-за невольного сравнения с успехом поэзии в советские времена, когда она во многом выполняла не литературную, а социально-терапевтическую функцию»,* — так считает Игорь Гулин, обозреватель «Коммерсантъ Weekend», поэт, критик. А может, дело в том, что нет сегодня поэтов, равных А. Вознесенскому,

Е. Евтушенко, Б. Ахмадулиной, Б. Окуджаве...

Каждый год 21 марта Невская централизованная библиотечная система (13 библиотек на левом и правом берегах Невы) проводит акцию, ставшую традиционной формой, полюбившейся нашим читателям.

Расскажу подробнее о том, как проходили акции в последние два года. В 2014 году акция называлась «Поэзия живет, пока ее возникновенье — тайна» — строчка замечательного полузабытого поэта Николая Ушакова. В этот день звучали и были представлены на выставках стихи русских и российских поэтов.

Одна из интереснейших выставок-просмотров «А русскому стиху так свой-

Информация

ственно величье...» была развернута в библиотеке им. Ф. Абрамова, где в этот день в поэтическом многоголосье звучало и стихотворение Осипа Мандельштама, цитата из которого послужила названием выставки:

*В непринужденности творящего обмена
Суровость Тютчева — с ребячеством*

Верлена —

*Скажите, кто бы мог искусно сочетать,
Соединению придав свою печать?*

*А русскому стиху так свойственно величье,
Где вешний поцелуй и щебетанье птичье!*

Представленные на выставке издания (121 экз.) позволили читателям ознакомиться с основными вехами отечественной поэзии в ее историческом развитии, начиная со стихотворных памятников Древней Руси и до сегодняшнего дня. Особое место на выставке-просмотре было отведено теме «Петербург—Петроград—Ленинград в русской поэзии».

В этот же день здесь состоялось открытое заседание литературного клуба «Неоновая лампа», посвященное творчеству и непростой судьбе Виктора Сосноры. Немногие знают, что в семидесятые годы он много работал «в стол», экспериментируя со словом подобно Велимиру Хлебникову, поэтому при советской власти публиковалась лишь небольшая часть поэтических опытов, наиболее безобидных. Основные же произведения В.А. Сосноры долгое время ходили в самиздате или публиковались на Западе (сборник «Летучий голландец»). Лишь со второй половины 1980-х годов

подлинные тексты его стихотворений пришли к читателю в полном объеме, а автор наконец-то был удостоен ряда литературных премий, в том числе крупнейшей национальной премии в области поэзии «Поэт» (2011 г.).

Библиотека им. Н. Рубцова в **программу своих традиционных Рубцовских чтений «А пусть поют поэты во все свои земные голоса!»** включила обзор новых поступлений Рубцовского фонда, анализ исследовательских работ, представленных на конкурс «Мой Рубцов», чтение стихов и исполнение песен на стихи поэта.

Самыми интересными стали **встречи читателей с петербургскими поэтами**, нашими современниками.

Читатели трех детских библиотек открыли для себя замечательную поэтессу и прозаика Анну Игнатову — прекрасного рассказчика, обаятельного человека. Ее стихи просты и понятны детям. С удивлением и восторгом наблюдали ребята, как она создает из пластилина персонажей своих стихов и рассказов. Дети серьезно готовились к встрече: учили стихи, разыгрывали сценки из произведений поэтессы.

Не меньшим талантом общения с детьми обладает «друг всех библиотек» Михаил Яснов — поэт, переводчик, лауреат премий им. К. Чуковского, им. А. Чехова, премии Правительства РФ в области культуры за книгу стихотворений «Детское время». Встреча М. Яснова со школьниками в Центральной районной библиотеке им. Л. Соболева прошла,

Уличная акция в День поэзии

как всегда, на веселой дружеской волне. Загадки, скороговорки, интересные истории — всё могло стать поводом для поэтической импровизации. А потом выстроилась очередь за автографом.

Чаще всего в этот день звучали стихи М.Ю. Лермонтова, двухсотлетие которого отмечала вся Россия. Но это отдельная тема.

В 2015 году наша акция носила название «Поэт в России — больше, чем поэт». Мы хотели напомнить нашим читателям о временах, когда это утверждение было бесспорным, и вспомнить поэтов, властителей дум; напомнить, что в России отмечается Год литературы, а поэзия есть *«высшая форма существования языка»* (И. Бродский).

Итак, Всемирный день поэзии мы начали с **уличной акции** под броским названием **«БУТЕРБРОДСКИЙ»**: сотрудники библиотеки им. Н.К. Крупской и молодые участники театральной студии «Живые люди», облаченные в бумажные конструкции, напоминающие бутерброд, с напечатанными стихотворными цитатами, вышли на открытую площадку недалеко от ресторана «Макдональдс» на правом берегу Невы.

В исполнении студийцев звучали стихи М. Лермонтова, В. Маяковского, С. Есенина, И. Бродского. Они поздравляли прохожих с днем поэзии и приглашали к микрофону. Молодость и артистизм выступающих вызвали живую реакцию публики: преодолевая смущение, люди читали произведения любимых поэтов, а также стихи собственного сочинения. Поэтическое слово, неожиданно нарушившее привычный городской шум, звучало громко и убедительно. Всполошилась полиция, не проводится ли здесь несанкционированный митинг. Но все быстро разъяснилось.

Зрителям и прохожим были розданы более двухсот рекламных буклетов и флаеров, подарены книги и воздушные шарик. Этой акцией была сделана попытка возродить традиции публичных поэтических чтений.

Встреча читателей библиотеки им. Федора Абрамова, объединенных «Неоновой лампой», была посвящена творчеству Глеба Горбовского.

«Среди нас живет большой поэт. Следите за ним. Читайте его. Подключайтесь к его энергии», — сказал о нем Федор Абрамов более тридцати лет назад и оказался провидцем. Сегодня Глеб Горбовский — всеми признанный «живой классик», и каждое появление его новых стихов в печати восхищает любителей поэзии. Обсуждению предшествовала лекция доцента СПб ГУП кандидата филологических наук М.Д. Андриановой, в которой она сделала акцент на гармоничном сочетании в творчестве Горбовского бытовых деталей и простых описаний с непреходящим восхищением жизнью в любых ее проявлениях, величием человека, природы, мира.

Для Глеба Горбовского поэзия всегда отражала состояние души. Где нет души — там не может быть и поэзии. Поэтому и сегодня по-прежнему справедливы слова Федора Абрамова: *«Мне очень нравятся эти стихи. Целомудренные, чистые. Не крикливые. Не митинговые. И естественные во всем»*.

Кульминацией акции в библиотеке стала встреча с поэтами В.М. Царевой и Н.Ф. Астафьевым, членами Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России. Она прошла на таком эмоциональном подъеме, что каждый из них с полным правом мог повторить вслед за А.С. Пушкиным: *«Чувства добрые я лирой пробуждал»*.

С особым настроением готовились к этому дню наши «поэтические» библиотеки.

«Нет лучшего признанья для поэта,
Чем память бескорытнейшая эта.
Да будет живо песенное слово
В библиотеке имени Рубцова!»

Стихи петербургского поэта Николая Астафьева как нельзя лучше выражают призвание библиотеки имени Николая Рубцова: нести поэтическое слово своим читателям — и взрослым, и совсем юным, воспитывая нравственные начала в душе

Информация

каждого человека, пробуждая в нем сострадание, сопереживание, любовь к людям, любовь к Родине.

Всемирный день поэзии начался с возложения гвоздик в фойе библиотеки к портрету поэта работы петербургского художника В. Фомичева. Затем всех присутствующих пригласили в выставочный зал на семейный праздник «Тихая моя родина», где открылась выставка работ учащихся художественного отделения Санкт-Петербургской детской школы искусств им. М.И. Глинки «Дети рисуют стихи Рубцова». Всего на выставке было представлено 23 работы в технике акварели, графики, коллажа. Несмотря на то, что это ученические работы, во всех них чувствуется эмоциональный настрой автора, его личное прочтение стихотворений Н. Рубцова. Очень трогательно звучали в исполнении детей стихи поэта о матери, о душе, о малой родине. Казалось, что многие родители, присутствующие на этом празднике, впервые слышали строки поэта. Праздник продолжился в литературном музее «Николай Рубцов: стихи и судьба», где дети узнали много нового о поэте, увидели подлинные вещи, портреты Николая Рубцова.

Завершился праздник просмотром замечательного видеофильма «Поэту Николаю Рубцову посвящается...» фотохудожника Юрия Костыгова, который снял этот фильм на родине поэта.

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

Всемирному дню поэзии была посвящена и Межрегиональная научно-практическая конференция «Н.М. Рубцов в контексте Года литературы в России» в рамках традиционных ежегодных Рубцовских чтений состоявшаяся 22 марта. В конференции приняла участие члены Российской Ассоциации библиотек и музеев Н.М. Рубцова, сотрудники Государственного Русского музея, Российской национальной библиотеки и публичных библиотек Санкт-Петербурга, а также

члены Союза писателей России, литературоведы, художники, композиторы, преподаватели вузов.

В библиотеке им. О. Берггольц, верной своим традициям, в этот день звучали стихи Ольги Федоровны, прошла беседа «Я пеняю на судьбу не вправе», обзор материалов экспозиции «Ольга Берггольц — поэт великого подвига».

С большим вниманием относится библиотека к пожилым жителям района, своей постоянной аудитории. Для пациентов Гериатрического центра был проведен час поэзии, посвященный Веронике Тушновой, сто лет со дня рождения которой отмечается в этом году. Писать стихи поэтесса начала в годы Великой Отечественной войны, а потому для участников встречи естественным было вспомнить и других поэтов-фронтовиков. В Комплексном центре социального обслуживания населения Невского района слушателям была представлена литературно-музыкальная композиция, посвященная Роберту Рождественскому. Ностальгическая нотка сопровождала обе встречи: нахлынули воспоминания о времени, когда поэзия собирала концертные залы, стадионы, вспомнилась собственная молодость...

В Центральной районной библиотеке им. Л. Соболева весь день царил поэтический настрой. Всех желающих приглашали к молодежному поэтическому микрофону под названием «Ваш выход». С большим успехом прошла презентация выставки «Оттепель — время любить стихи», а с большого экрана в режиме нон-стоп звучали стихи 60-х гг. прошлого века, времени расцвета советской поэзии. Библиотекари говорили с ребятами из молодежного подросткового центра Невского района о поэзии, о том, что она значит для людей, и нужна ли поэзия сегодня. Было откровенно осознавать, что поэзия тех лет близка и понятна современной молодежи.

О благотворном воздействии поэзии на людей свидетельствует перемена в настроениях жильцов дома № 1 по На-

родной улице, собравшихся в детской библиотеке № 10 на свое собрание. Заведующая библиотекой, сообщив присутствующим, в какой особенный день они собрались, предложила всем вместе прочитать вслух стихотворение Р. Рождественского. Отрадно было видеть, как постепенно ушли суетливость, нервозность, раздражение, столь характерные для подобной аудитории. Собрание прошло спокойно, а вопросы решались как бы сами собой.

Игровые формы работы с детьми — успешный, неоднократно проверенный способ побуждения их к творчеству. В Центральной детской библиотеке участникам флешмоба «Дерево поэзии» предлагалось вспомнить строки из своих любимых произведений, написать их на зеленых листках и украсить дерево. Лидерами стали С. Есенин, А. Фет, А. Пушкин; некоторые назвали К. Чуковского, кто-то знает великого японского поэта Мацуо Басё. Появились на дереве и стихи собственного сочинения.

В этот же день состоялись чтения вслух для самых маленьких посетителей и их родителей. В гостях у морской свинки Бори были малыши 2–4 лет с проблемами зрения из детского сада компенсирующего вида № 82. Морская свинка и ребята с удовольствием прослушали стихи А. Барто, А. Усачева, А. Шевченко, М. Яснова. Акция стала новым этапом в проекте «Зверьям о ребятах», который будет возобновлен по просьбам родителей.

Замечательная идея родилась в Рыбацкой библиотеке: познакомить малышей с красотой поэтического слова силами школьников. Собравшись у Рыбацкой библиотеки с плакатами о пользе чтения, юные волонтеры (ученики школы № 571) отправились в детские сады. Затаив дыхание, дети слушали стихи, отгадывали, о каком персонаже идет речь. С восторгом принимали подарки — прекрасно изданные книги! Выступления школьников так понравились детям, что уже планируются новые встречи.

Всем известно, что особенно интересны и памятны детям встречи с «живыми» поэтами, авторами полюбившихся стихов.

Поэты Лаэрт Добровольский и Татьяна Лапшина возглавили жюри конкурса чтецов «Мы о России будем говорить», организованный Рыбацкой библиотекой для маленьких читателей. Вместе с поэтом Пегасиком дети отправились на разноцветном паровозике-рифмовозике в страну Поэзию, где читали стихи о Родине Т. Боковой, М. Матусовского, В. Степанова, М. Пляцковского.

Общение родителей, детей и воспитанников социально-реабилитационного центра «Альмус» с замечательной детской поэтессой и переводчиком Н.И. Хрущевой в детской библиотеке № 11 стало настоящим праздником. Ребята слушали стихи, сочиняли сами, узнали о правилах стихосложения и о многом другом, получили автограф автора, а библиотека — книгу Н.И. Хрущевой «Нелюдимый людоед».

Встреча с петербургской поэтессой, художницей Н. Анурченковой состоялась в детской библиотеке № 10. Она пишет книги для детей и сама их иллюстрирует. На выставке работ Н. Анурченковой «О чем мечтают феи?» ребята удивлялись забавным бегемотам, улиткам, собакам, драконам, волшебникам, феям, ангелам.

Ко дню поэзии сотрудники библиотеки готовились заранее. Был сделан видеофильм, где люди разных возрастов от 6 до 60 лет читают стихи Пушкина, Есенина, Ахматовой. А 21 марта съемки продолжились: дети и взрослые декламировали стихи, авторы которых или были участниками Великой Отечественной войны или писали о войне: К. Симонова, О. Берггольц, С. Найденовой, Ю. Друниной, В. Высоцкого и других.

В одной из своих статей Юрий Кублановский писал: *«Только теперь, при наплыве новейших культурных технологий, отличающихся подспудной неуклонной агрессией, проясняется, что поэзия вещь*

Информация

хрупкая, что она вымывается ими из цивилизационной духовной толици. Неужели настоящая поэзия в новом веке окажется потерянной для России?» Думаю, что библиотечному сообществу есть над чем задуматься.

А мы обязательно продолжим эту поэтическую традицию! Потому что человек, читающий стихи, всегда духовно богаче, и отзывчивей, и счастливей, ведь поэзия — «органическая функция счастья» (Б. Пастернак).

УДК 008
ББК 71(2)

ФЕСТИВАЛЬ «ПОЭЗИЯ УЛИЦ — 2015»

Татьяна Васильевна Кульматова,
*кандидат педагогических наук, научный сотрудник
Научно-исследовательского отдела изданий Академии наук
Библиотека Российской академии наук*

199034, Санкт-Петербург, В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: kulmatova@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Дан краткий обзор мероприятий фестиваля «Поэзия улиц — 2015», прошедшего в рамках Санкт-Петербургского международного книжного салона 6–24 мая 2015 г. Приведены сведения о жюри и ведущих фестиваля, имена финалистов и победителей поэтических конкурсов.

Ключевые слова: поэзия, фестиваль, «Поэзия улиц — 2015», Санкт-Петербургский международный книжный салон, Кульматова Татьяна, весна, Нева, ледоход, Ладога, Павловск, поэтесса, первоцветы, ветреница, комедия, французский уличный театр, Пьеро, Арлекин, человеческие чувства.

6–24 мая 2015 г. в рамках Санкт-Петербургского международного книжного салона под эгидой Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации Санкт-Петербурга и фонда «Поэзия улиц» прошел фестиваль «Поэзия улиц — 2015». Его девизом стало латинское изречение «Primum inter pares» (первый среди равных). В рамках фестиваля прошёл ряд мероприятий: фотовыставка «Воскрешение Руси», концерт «Поэзия. Красная книга» (песни, танцы, стихи, посвященные 70-летию Великой Победы), авторские поэтические вечера, мастер-класс, экс-

курсии. Финал фестиваля завершился аукционом воздушных шаров для горожан и символическим посвящением Троянского коня в Пегасы.

Проводили фестиваль президент фонда «Поэзия улиц» поэт Люся Моренцова и поэт Яна Чернявская. В состав жюри вошли: игумен отец Серафим (духовник Воскресной школы Александро-Невской лавры), Наталья Сорокина — актриса, ведущая ТВ, член союза кинематографистов России, директор кинопроектов, исполнительный продюсер компании «Три Икс Медиа Групп», Нонна Беневоленская — доктор филологических наук,

Информация

доцент, преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета, Владимир Малышев (директор Дома писателя).

В фестивале приняли участие 168 поэтов. Поэтические конкурсы проходили в «Буквоеде» (Невский пр., д. 46), в Доме писателя, в Кадетском корпусе и в Михайловском манеже. В номинации «Поэт» 1-е место занял Митя Гирсанов, 2-е разделили Оля Нечаева и Игорь Скударнов, 3-е — Евгений Дьяконов. Победителем конкурса «Стихотворение о войне» стала Елена Трофимчук, конкурса «Стихотворение о Любви “Я верю: я любим...”» — Марина Чекина, конкурса экспромта «Аperto Libro» — Мария

Тураева, конкурса «Народное голосование» — Оля Нечаева, конкурса «Народное интернет-голосование» — Ксения Гидранович.

Финалистами фестиваля стали 25 человек: Ратнер Аркадий, Бобин Роман, Михедова Инна, Скударнов Игорь, Чекина Марина, Хватов Виктор, Гидранович Ксения, Нечаева Ольга, Егорова Татьяна, Калошина Дарья, Кульматова Татьяна, Ковша Татьяна, Якушко Жанна, Тюрина Светлана, Надточий Ольга, Устрижицкий Анатолий, Гирсанов Митя, Еромирцев Сергей, Тимофеев Александр, Семёнова Юлия, Хлопотова Оксана, Дьяконов Евгений, Князев Григорий, Тураева Мария, Асеева Катрина.

СТИХИ И ГРАФИКА

ВЕСНА В ПЕТЕРБУРГЕ:

СТИХИ

Небольшая подборка стихов посвящена весне в Санкт-Петербурге и его окрестностях. В конце февраля Нева еще подо льдом и раскрывается идущему по ней белоснежной сияющей пустыней. Будучи в самом центре шумного, суетного города, вдруг попадаешь в метафизическое пространство снега и света. Ранний в этом году, мартовский, ледоход — с ним раскрываются, оживают и река и человек в предощущении тепла и перемен. Обнаженные деревья — ветки освободились от снежного покрова, но еще не закрылись листьями. Их выразительные, полные устремления, линии побуждают задуматься, увидеть за единичным всеобщее. И, наконец, лесные первоцветы в майском лесу. Эфемерные, нежные, они успевают прожить целую жизнь за тот краткий момент, когда в лесу уже тепло, но еще светло, пока на деревьях не распустились листья и не затенили подлесок, устойчивые к холоду и жаждущие света.

Информация

ПО НЕВЕ

Акварельное небо над головой,
Я иду к Петропавловке по Неве ледяной,
И пустыня замерзшая открывает себя
Льдом искристым и инеем, ничего не тая,
Белым светом и отблеском чуть размытых небес
С берегом в нем — солнышком, — облегчающим вес
Ноши, бременного бремени всех земных наших дел.
Я иду и так счастлива: я проникла в удел
Бесконечного, вечного неба, света и льда.
Я иду словно посуху, подо мною — вода.

21.02.2015

ЛЕДОХОД

Ледоход на Неве — отражением
Облаков в синем небе плывущих,
Это Ладога преображением
Своим дарит нас ныне живущих.

Льдин массивы, их нагромождение,
Быстрый ход и шуршанье, скрип, шелест
Побуждают меня к откровению
Мыслей, чувств. Я вскрываю их трепет.

С ледоходом уходит все то, что
Так казалось необходимым.
А теперь это лишнее, просто
Я снимаю доспехи, как льдины

С себя сбросила Ладога-Лета.
Все пройдет и забудется быстро,
До зимы вновь река не одета,
Вновь душа раскрывается смыслом.

28.03.2015

ПРОЩАНИЕ С ЛЕДОХОДОМ

Несутся льдины по Неве,
Спешат по небу облака.
Те и другие — в синеве,
И где тут верх, где низ? Пока

Искрится лед. Рассыпан блеск
Обильнее, чем на балах,
И этот солнечный бурлеск
Игра не цвета — света. Крах

Терпят льдины и ворчат,
Шурша, шепча на все лады.
Невидящий бросают взгляд
Им вслед, в себя погружены,

Два сфинкса, стая воронья,
Нырки, да воробьи, да я.

30.03.15

Информация

ДЕРЕВЬЯ И ВЕТЕР

Раскачивает кроны ветер,
А то вдруг бросит — все замрет.
Деревьев вид так строг, так светел,
Им на своем стоять урок.

Ломаются лишь только ветки,
Но это, право, ничего.
Душой устремлены и крепки:
Есть ствол и корни и еще

Есть вызов и предназначение
Расти, цвести, тянуться вверх.
Какое в этом откровение
И принцип роста для нас всех.

31.03.2015

ДЕРЕВЬЯ В МАРТЕ

О, это мраморное небо
В разливах бело-голубых
И ветви кленов, их побегов,
К нему что, ввысь, устремлены.

Их буйный всплеск,
Их рост, их вольность
И их стремительный разбег,
Совместный единения поиск,

Как много линий в теле древ —
Путей, возможностей, желаний,
Форм и намерений задел
И зримых их произрастаний,

Как будто мыслей и дерзаний
Вдруг воплотившийся предел.

21.03.2015

ВЕТРЕНИЦА

Без чашелистиков цветочки
В дубраве старой расцвели.
Трепещут на ветру листочки
И стебельки, и лепестки.

Их шесть у ветреницы нежной,
Бывает восемь или семь.
А цвет их чисто-белый, снежный —
Воспоминания зимних тем.

Их группки, заросли живые
Так освежают голый лес.
Цветки, как звёзды снеговые,
Раскрылись, свой смиряя блеск.

Их жизнь так коротка, так быстра.
Они торопятся успеть
Набрать в ладони солнца, смысла
И в этой жизни преуспеть.

02.05.2015

Информация

ВЕТКИ, СИНЬ И СВЕТ

К весне иссякла вся поэза,
Застыла быстрая строка,
Как в лужах лед, и поэтесса
Во мне до срока замерла.
Сияют сквозь деревьев ветки
На синем небе облака,
Как льдины в ледоходе редки,
Когда уж март и ждем тепла.
Лежу, смотрю в окно сквозь дрёму,
Для глаз моих еще не пир,
Но синий, белый, серый, черный —
Весны уже цвета, не зим.
Цветная графика скупая,
Деревья с позолотой — свет
Их так заботливо ласкает,
Как будто их прекрасней нет.
Я вровень с кроной, на вершине
Сознанием. Кутаюсь в свой плед.
Окно мне — выставка картины
С названием: «Ветки, синь и свет».

21.03.15

ЖАЖДА ЦВЕТА

Густой штриховкой карандашной
Мне ветки смотрятся в окно
Который месяц, но однажды
Проснусь с листвою заодно,
Что хлынет в жизнь подобно ливню,
Зазеленеет, зашуршит,
Обрушит трепета лавину,
Надежды цветом все затмит.
Как нужен цвет и свет для глаза
После нуаровой зимы,
Деревьев силуэт обязан
Одеться зеленью листвы.
Неутолима эта жажда
В глазах, в душе, в стихах моих,
И вот мала хоть, но отважна
Раскрылась почка — дух затих.

20.04.15

ДВА ЦВЕТА

Залиты солнцем Павловска поляны,
Оттенены небесной синевою.
Внизу зеленый — животворный, рьяный,
Вверху же — бесконечно голубой.
Два цвета, редко встретишь их зимою,
Ворвались в жизнь и разлились окрест.
Я босиком стою в траве и с головою
Ныряю в небеса — за дальний лес.

6.05.15

Информация

АНЕМОН

Залиты солнышком весенним,
Дубы безлиственны стоят,
И не отбрасывает тени
Роскошной кроны их наряд.

Пока еще светлы подлески.
Купаясь в солнечных лучах,
Раскрылись в неге перелески
И первоцветики в лесах.

Молитвенно воздев головки,
Качают ими ветру в такт.
Так беззащитны, так неловки,
Но все же — пробуждения знак.

Нежнейший, призрачный и снежный
Раскрыться анемон спешит
Из бурой ветоши истлевшей
Осенних листьев — добрый щит.

Трепещет на ветру, недолог
Ему отпущен век земной,
Он хрупок, бесконечно робок,
Но как прекрасен, чист собой.

3.05.15

* * *

Две крайности у амплитуды
Эмоций — то любовь, то страх.
Где ж золотая середина?
В стихах.

31.03.2015

ПЬЕРО И АРЛЕКИН: рисунки

Известные образы комедии французского уличного театра привлекают своей лаконичностью, ясностью и возможностью выразить человеческие чувства, в т.ч. и такие, которые люди зачастую стараются скрыть. Полярные друг другу типы человеческой души. Печальный влюбленный Пьеро — жертва напастей, любопытный, неунывающий, замышляющий что-то Арлекин, в котором порой проявляется infernalная природа, скрыть которую не может даже переодевание в Пьеро.

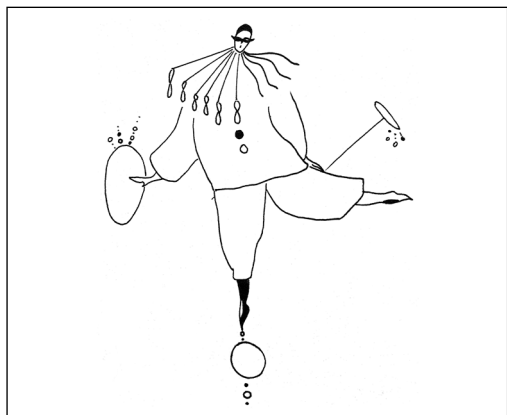

Рис. 1. Пьеро в цирке

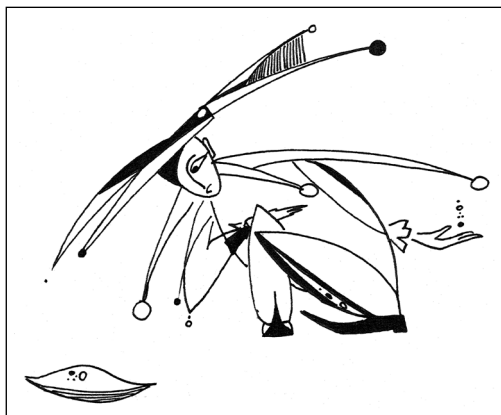

Рис. 2. Арлекин и раковина

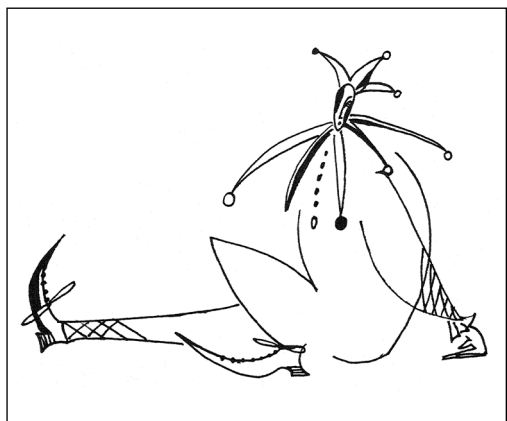

Рис. 3. Арлекин

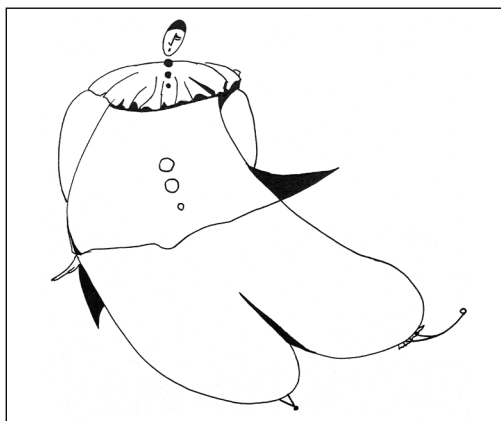

Рис. 4. Пьеро, уносимый ветром

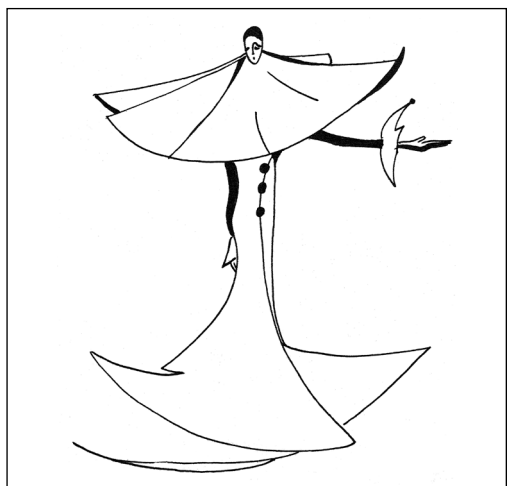

Рис. 5. Серенада Пьеро

Рис. 6. Арлекин

Информация

Рис. 7. Пьеро-жонглер

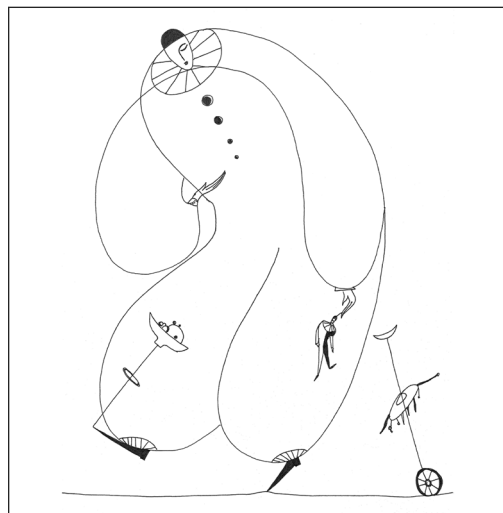

Рис. 8. Пьеро-канатоходец

Рис. 9. Разбившийся Пьеро

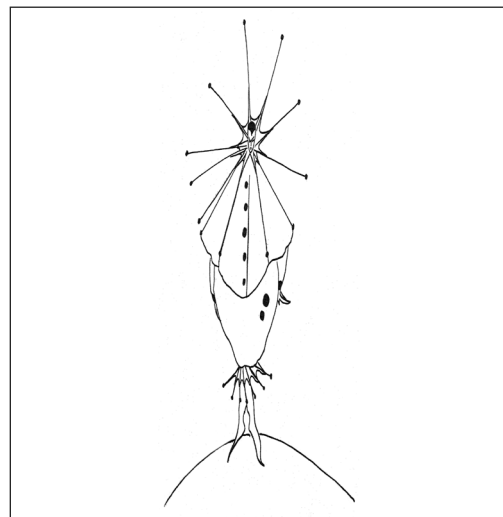

Рис. 10. Арлекин, переодевшийся в Пьеро

